

*О, честь какова для женского пола, что Бог
Возлюбил его так, что когда весь сей
великий народ*

*Был жалким, как пёс, а всё королевство
являло собою пустыню,*

*Он женщину выбрал, чтоб вновь возродить
сей народ*

И вернуть ему силы.

**Кристина Пизанская*.
Деяния Жанны из Орлеана**

ПРОЛОГ

Читатель, дай мне руку, я хочу пригласить тебя в путешествие. Пойдём со мной, я знаю дорогу. Посмотри, где мы с тобой оказались. Видишь величественное здание? Это древний собор Нотр-Дам-де-Реймс. Место коронации всех французских королей.

Да-да, мы во Франции, и давай-ка, не теряя времени, пройдем внутрь собора. Он очень тщательно охраняется, но стража нас с тобой не заметит.

Посмотри – под высоченными, сорокаметровыми сводами собора собралась огромная пышно разряженная толпа. Пусть тебя не удивляют

* К. Пизанская – первая в Европе женщина – профессиональная поэтесса и родоначальница феминизма. «Деяния...» были написаны в 1429 году. Это первое литературное произведение о Жанне д'Арк.

наряды этих людей. Взгляни на календарь – мы с тобой попали в 17 июля 1429 года.

Сегодня здесь должны короновать на французский престол дофина Карла де Валуа. То есть должно произойти событие, в реальность которого, хотя бы самую слабую, ещё совсем недавно во всей Европе не верил никто, включая самого дофина Карла. Никто, кроме одной семнадцатилетней девушки.

13

Кстати, вот и она. Современники Жанны оставили нам запись, как она выглядела в сей знаменательный день. Поэтому мы с вами можем подробно её разглядеть.

На девушке короткая, чуть ниже пояса, мужская куртка из голубого бархата, расшитая золотыми шёлковыми узорами. Между прочим, голубой с золотом – цвета французских королей. Коротко подстриженные тёмные волосы покрывает бархатный берет малинового цвета. На ногах вишнёвые чулки и вишнёвые короткие сапожки. На девушке – пояс с серебряными накладками. На поясе короткий меч в бархатных ножнах вишнёвого цвета.

А какова её внешность? Вот опять свидетельство современника, посланника миланского герцога Филиппо Мария Висконти, присутствовавшего на коронации:

«Дева сия сложена изящно, у неё чёрные волосы, чёрные глаза, красивая грудь и приятный

женский голос. Держится она совершенно по-мужски. В речах высказывает необыкновенную рассудительность. Ест она мало и никогда не пьёт вина. Она ненавидит многолюдные сборища и пиры. Ей очень нравятся дорогие боевые кони и красивое оружие...»

Такова была на пике своей славы Жанна д'Арк. Национальная героиня Франции и одна из самых ярких личностей всей истории человечества! Единственная в истории женщина – верховный главнокомандующий! Единственная в истории, проделавшая путь от официально признанной ведьмы и еретички до канонизированной святой!

Её жизнь задокументирована так, как не документировалась жизнь ни одного из её современников, за исключением, может быть, Римских Пап. По крайней мере, о королях той эпохи нам известно гораздо меньше, чем об этой семнадцатилетней девушке. Судите сами: только очевидцами и современниками написаны о Жанне д'Арк двадцать две французские, восемь бургундских и четырнадцать иностранных хроник.

Добавим к этому мемуары её соратников. Ну и, наконец, многотомные материалы двух судебных процессов над ней. Источников более чем достаточно. Кстати, именно потому в этой повести вы почти не встретите ни одного вымышленного мною диалога. Все они – живые голоса, донёсшиеся до нас сквозь толщу шести столетий. Я выделил их в тексте курсивом. Так что выдумывать что-то от себя не было ни малейшего смысла.

Повесть коснётся только одного эпизода из множества деяний Жанны. Начнём с 12 февраля 1429 года, когда Жанна с небольшим, но отлично вооружённым отрядом соратников отправится в безумно опасное путешествие из города Вокулёр, на северо-западе Франции, на шестьсот километров к юго-западу. В город Шинон. Ко двору дофина Карла.

А закончим спустя три месяца – 8 мая. В момент, когда Жанна одержит победу в одной из самых великих битв Средневековья – битве под Орлеаном – и тем самым поставит себя в один ряд с величайшими полководцами в истории человечества.

Но она не просто великий полководец (кстати, великим полководцем называл её сам Наполеон Бонапарт, так что это не только моё мнение), нет, она была кем-то ещё. Но кем?

Все, кто имел с ней дело, в один голос твердят: «В этой девушке что-то было». Это «что-то»

я и хочу показать, но объяснить не берусь. Скажу сразу, я не верю в то, что она крестьянка, пастишка из Домреми. Но нет никаких сомнений в том, что:

– в то время в Домреми действительно жила очень благочестивая девушка, дочь уважаемых родителей, которую звали Жаннетта Роме;

– эта Жаннетта в январе 1429 года покинула родное село с целью спасти Францию и больше никогда не вернулась на родину;

– наша героиня очень сильно хотела, чтобы все считали её именно той самой пропавшей крестьянкой из Домреми, и много в том преуспела;

– под именем Жаннетты и выдавая себя за неё, девушка появилась в городе Вокулёр, правда, уже через несколько дней стала называть себя – Жанна.

Всё бы ничего, но вот только Жаннетта Роме ни при каких условиях не сумела бы делать того, что делала Жанна: управлять боевым конём, носить доспехи, владеть мечом и топором, прекрасно разбираться в стратегии и тактике, управлять артиллерийским огнём...

А сама Жанна, как позже выяснится, не знала очень многого о жизни Жаннетты Роме. По крайней мере, два-три раза наша героиня встречалась и беседовала с глазу на глаз с этой наивной крестьянкой из Домреми, чьё имя и биографию она взяла чуть позднее себе. И этот факт я тоже попробую доказать, опираясь на... дошедшие до нас слова самой Жаннетты.

Не берусь, однако, утверждать, что вместе с именем и биографией Жанна не забрала у этой крестьянки во время их последней встречи и жизнь. Ведь нельзя же было допустить, чтобы Жаннетта вдруг взяла и вернулась домой в тот момент, когда «она» вообще-то воюет под Орлеаном. Так что, может быть, тело Жаннетты Роме так и истлело в лесу рядом с Домреми. А может, она закончила свою жизнь в глубокой старости монашкой в каком-нибудь дальнем монастыре.

Жанна кем-то очень долго, возможно, с самого раннего детства готовилась для выполнения той миссии, которую в конце концов осуществила, а осуществив, вдруг вышла из-под контроля и стала очень опасна для всех, включая своих неизвестных нам воспитателей и покровителей.

Кто они были? Неведомо. Но, скорее всего, один из католических орденов. Историк и президент геральдического совета Франции виконт Оскар де Поли полагал, что Жанна, выражаясь

современным языком, «проект» ордена францисканцев.

Однако с ещё большим основанием можно считать её «проектом» ордена доминиканцев – «Псов Господних». Ведь доминиканцев мы всё время видим неподалёку от Жанны. В ордене доминиканцев состояли женщины. Да ведь и инквизиция была в те времена полностью в руках доминиканцев. А если учесть, что инквизиция сразу отстранилась от обвинительного процесса Жанны, устроенного англичанами, но зато была инициатором и главным организатором оправдательного процесса Жанны в 1450–1456 годах, то задумаешься.

Историк Жак Кордые считает, что Жанна – продукт Тевтонского ордена. В обоснование этого он указывает на высочайшее военное искусство Жанны и то, что в путь из Вокулёра в Шинон её снаряжал один из германских герцогов – Карл Лотарингский. Он дал ей людей, коней и снаряжение, плюс выделил на дорожные расходы сто золотых ливров. Чтоб размер суммы был понятен читателю, скажу: опытный каменщик в то время зарабатывал от силы десять-пятнадцать ливров в год. Рядовой солдат-наёмник – примерно четыре-пять ливров в месяц.

В общем, как видим, у историков (во Франции работает целый Институт Жанны д'Арк) есть предположение, что Жанна – главный герой некой спецоперации. Я это мнение полностью разделяю. И в принципе повесть эту можно было бы назвать «Спецоперация «Пастушка». Если бы... если бы волей-неволей я не пришёл к тому же выводу, что и соратники Жанны: «В этой девушке что-то было». И это «что-то» не совсем вмещается в привычную картину мира. И, честно говоря, порой закрадывалась мне мысль о том, что...

Но... тссс, читатель, мы с тобой отвлеклись, а там, в Реймском соборе, какой-то шум. Давай-ка быстренько вернёмся туда и поглядим, что случилось. А вот что. Когда в собор стали заносить королевские штандарты и знамёна французских полководцев, Жанна остановила процессию и потребовала, чтобы её штандарт внесли первым.

Так и было сделано. Её белый стяг с вытканной на нём радугой внесли внутрь самым первым. И остальные штандарты вынуждены были расступиться перед ним.

Жанна показала рукой на своё знамя и сказала: «Оно вынесло тяжесть – ему надлежит и честь».

Потом посмотрела на окружающих так, как только она одна умела. И головы высокородной знати и князей церкви почтительно склонились перед девушкой.

Жанна могла быть довольна. Пусть кланяются и пусть хорошенько осознают, чей на самом деле сегодня триумф.

А ведь всего полгода назад... 12 февраля 1429 года. Раннее утро. Западные ворота Вокулёра. Отряд в двадцать человек стоит на выезде из города. Тихо всхрапывают кони. Сыплет с неба снег, и всадники кутаются в шерстяные плащи, из-под которых тускло поблёскивают латы.

Во главе отряда – Жанна. Рядом стоит, держа за узду её коня, правитель Вокулёра капитан Робер де Бодикур. Старый, опытный вояка.

Совсем недавно он выгнал прочь эту наглую девчонку, появившуюся в его городе откуда ни возьмись и заявившую, что она-де Посланица Божия и идёт спасать Францию. Дай ей сопровождающих и коней! Получила вместо этого затрепину. Не успокоилась. Переманила на свою сторону всех жителей Вокулёра. Побывала в Германии у герцога Карла Лотарингского. Добилась поддержки от него. И немалой поддержки. Убедила, наконец, и самого де Бодикура.

Теперь ей пора в путь. Шестьсот миль, большей частью по вражеской территории. Пройдёт ли?

Робер де Бодикур вздыхает, снимает с пояса свой испытанный во многих боях меч и протягивает Жанне:

– Возьми. Пусть принесёт он тебе удачу. – Потом хлопает по крупу коня. – Поезжай, Жанна. И будь что будет.

Всадники трогаются с места. Гулким эхом отдаётся стук копыт в каменной арке ворот. Путь очень далёк, в город Шинон. Навстречу славе. Навстречу бессмертию.

ГЛАВА 1. ПУТЬ В ШИНОН

Один из спутников Жанны, Бертран Пуланжи, позднее вспоминает об этом безумно рискованном путешествии: *«Повсюду кишели бургундцы и годоны (так французы называли англичан по любимому английскому ругательству God damned – «будь я проклят»), поэтому нам надо было соблюдать осторожность. Каждую ночь Жанна-Дева ложилась рядом со мной, не снимая плаща и сапог. Я был молод тогда, но, несмотря на сильное желание и телесное влечение, не посмел тронуть Жанну».*

75

Эти строки Пуланжи писал на склоне лет. Поэтому, очевидно, запомывал, что Жанна не каждую ночь спала с ним. Иногда по неизвестным соображениям она устраивалась в одной постели с другим своим телохранителем – Жаном из города Мец. Тот, вспоминая об этом, клянётся, что не только не делал никаких попыток овладеть Жанной, но и желания к тому не испытывал, несмотря на внешнюю привлекательность Девы. В отсутствие желаний у Жана из Меца охотно верится, так как сей отважный воин был геем.

У спутников Жанны во время всей этой одиннадцатидневной гонки время от времени возникали сомнения в том, что король не то что Жанне войско даст, но и вообще примет и выслушает их.

Жанна же чувствовала себя вполне уверенно.

«Нас всё время одолевали сомнения, но Жанна повторяла, что не нужно бояться, потому что когда мы приедем в Шинон, благородный дофин встретит нас с радостным лицом».

На своём пути Жанна совершает несколько очень интересных остановок. Первую из них – уже на второй день. И не где-нибудь, а в доминиканском монастыре Сент-Урбан. Там отряд провёл почти весь день и заночевал. Вообще-то это мужской монастырь, на что спутники указывают Жанне, но девушку это ни в малейшей степени не смущает. Она направляется в обитель, как к себе домой... и её впускают безо всяких колебаний.

Эта ночь прошла в комфортных условиях. Дальше скакали почти без отдыха. Прерывая путь только на краткие ночные привалы, отряд пересёк чуть ли не всю Бургундию и Восточную Шампань. Переправился в стороне от мостов через три разлившиеся в весеннем половодье реки. Двигались по бездорожью, в стороне от больших дорог, осторожно обходя не только города, но даже деревни.

Жанна будто всю жизнь прожила в этих краях. И при этом утверждала, что никогда здесь не бывала, что это её «голоса» ведут отряд.

Наконец, самый опасный участок пути, пролегающий по захваченной врагом территории, позади. Впереди город Осер. Последний город на вражеской земле. Сразу за ним уже королевский домен, или Буржское королевство, как называли тогда ту часть Франции, что оставалась ещё французской.

И тут Жанна неожиданно изменяет своему правилу: идти быстро и тайно. Она направляется прямо в Осер, идёт там в кафедральный со-

бор, слушает мессу, причащается и долго-долго молится.

Полдня за молитвами! А потом срывается с места и стремительно покидает город. Небольшой переход, и отряд уже на дружественной территории. Эту ночь они проведут не на сырой земле у чахлого костерка, как предыдущие, а в тёплых и мягких постелях. Под крышами гостеприимного городка Жьен.

Пусть пока воины спят, а мы с вами подведём некоторый итог прохода Жанны по Бургундии. Вы обратили внимание, что в начале самого опасного отрезка своего пути, в его крайней восточной точке, она довольно долго гостит в мужском (!) монастыре? Потом она исчезает с отрядом в бургундских дебрях. Проходит Бургундию с востока на запад, стараясь не попасться никому на глаза. Но в конце маршрута Жанна выходит из лесов и явно выставляет себя напоказ. Мне кажется, Жанна делает это умышленно. Она хочет, чтобы кто-то увидел её в Осере живой и здоровой. Очень похоже на то, что своими остановками в монастыре в начале пути, а затем в соборе Жанна как бы фиксируется для кого-то в контрольных точках.

Да, в Осере Жанна ни с кем не общается. Только молится. Но для того, чтобы «считать» сигнал, и не надо непосредственного контакта. Достаточно, чтобы нужные глаза увидели её и сообщили кому надо что-то вроде: «Всё хорошо. Она жива».

Вторая половина пути до Шинона проходит куда более приятно, чем раньше. Отряд теперь не прячется, а идёт открыто. На отдых останавливается в городах. Сытно ест, сладко спит. Правда, скачут быстро, Жанна медленной езды не любит.

Но как бы стремительно не двигался отряд, слухи о Деве, явившейся спасти Францию, летят ещё быстрее. В осаждённом Орлеане о Жанне узнают раньше, чем при дворе короля в Шиноне.

Вот что через двадцать лет после этих событий вспоминает внебрачный брат короля Дюнуа, в то время оборонявший Орлеан: *«Я находился в Орлеане, который осаждали англичане, когда до меня дошли слухи о том, что через город Жьен проехала некая девушка, называемая всеми Девой. Она уверяла, что направляется к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и поведи дофина в Реймс для миропомазания. А так как я был королевским наместником и ведал обороной на-*

званного города, то послал к королю двух дворян, чтобы получить о сей Деве более полную информацию».

Пусть вас не смущает, что Дюнуа называет здесь Карла то королём, то дофином. Слово «дофин» он вкладывает и в уста Жанны. И это очень характерный штрих. Из сторонников Карла только Жанна называла его в то время всё ещё дофином. Для всех других он был уже король, но только не для неё. «Голоса» ей сказали, что Карла ещё предстоит короновать и не гденибудь, а в Реймсе. Раз коронация, по мнению «голосов», ещё только предстоит, значит, и Карл пока не король.

Звать короля дофином с её стороны дерзко, конечно, но это не первая дерзость, которую мы слышим от «деревенской пастушки», и далеко не последняя.

Дворяне, посланные из Орлеана Дюнуа, прибывают в Шинон значительно раньше Жанны. Но при дворе о появлении на французской земле Девы узнают не от них. Кто-то решил не пускать всё на самотёк (пошлёт Дюнуа гонцов или нет, неведомо же), а подготовить появление Жанны у короля тщательней. И в Шинон приходит предтеча Девы!

Профессор теологии Жан Эро, очевидец явления предтечи, рассказывает такую историю: некая женщина по имени Марианна из Авиньона за три дня до прибытия Жанны откуда ни возьмись появилась в Шиноне (тщательно охраняемом, кстати сказать) и стала громко и экзальтированно всем рассказывать о своих видениях о разорениях и бедах Франции. А потом, дескать, она увидела доспехи и оружие. Испытав ужас, Марианна подумала, что ей предложат взять оружие и надеть доспехи. Но глас Божий громко сказал ей, чтобы она не боялась, ибо эти латы наденет и это оружие возьмёт в руки не она, а та, что идёт за ней. Дева-спасительница! Смутив таким образом умы обитателей Шинона (умы, надо сказать, крайне суеверные, как и положено в Средневековье), Марианна исчезла из замка так же таинственно, как и появилась.

А вскоре некий гонец, представившийся «посланцем Девы», привёз письмо от Жанны дофину Карлу. И, со слов мэтра Эро, все пришли к твёрдому убеждению, что Жанна и есть Дева. Само письмо не сохранилось, но спрошенная о нём на судебном процессе Жанна передала его содержание. Вот как это зафиксировано в про-

токоле её допроса: «Кажется, в этом письме говорилось, что она узнает своего короля среди всех прочих».

Впрочем, на суде Жанна отказалась пристыдиться, в том, что будет говорить судьям только правду, поэтому врала им много и охотно. Так что, может, в том письме и совсем другое говорилось. Впрочем, это неважно. Важно, откуда именно Жанна направила это письмо в Шинон. А отправила она его из города Фьербуа, что в двадцати километрах от Шинона. Промчав за одиннадцать дней шестьсот километров, Жанна как вкопанная остановилась рядом со своей целью. Зачем? Будьте уверены, причины были – без веской причины эта мудрая девушка ничего не делала.

Одна из них нам известна. Это – аббатство Сент-Катрин-де-Фьербуа – аббатство Святой Екатерины, если по-русски. С давних пор существовало поверье, что святая Екатерина оказывает покровительство военнопленным. Поэтому те, чьи родственники оказывались в плену, заказывали молебны именно в этом аббатстве. А освобождённые пленники благодарность приносили в дар святой Екатерине (читай: аббатству) оружием и доспехами.

77
Всё это делало аббатство в Фьербуа довольно доходным и неплохо вооружённым. Там Жанна и разбивает на несколько дней свой последний перед встречей с дофином походный лагерь. Не в городе, а в самом аббатстве, тоже мужском, кстати говоря.

Позднее мы с вами ещё вернёмся туда и увидим, что эти два дня Жанна потратила не зря.

В городе и в аббатстве Жанна появилась в сопровождении только двух своих спутников. Куда она отправила остальных? Зачем? Что они делали эти несколько дней? Это остаётся тайной. Может, всё дело в следующей загадке: а когда именно Жанна прибыла-таки в Шинон?

Уже упомянутые выше Бертран Пуланжи и Жан из Меца, опрошенные отдельно друг от друга, называют дату прибытия Жанны в Шинон – 23 февраля. И сама Жанна называла её на суде, а вот «Хроники царствования Карла Седьмого» и записки его секретаря Алена Шартье указывают, что Жанна появилась в Шиноне только 6 марта. Девять дней разницы!

Что это? Чья-то ошибка в датировке? Память кого-то подвела или переписчик ошибся? Или Жанне и её телохранителям хочется скрыть, что и где они делали в эти девять дней между

23 февраля и 6 марта? Не знаю. Но как бы то ни было, а перед самым Шином отряд Жанны вдруг рассыпается по округе, чтобы вновь собраться, когда Жанна по известным только ей признакам определит: время встречи с дофином пришло. И она едет в Шинон.

23 ли февраля, или 6 марта однако Жанна во главе своего небольшого, но уже спяянного испытаниями отряда прибывает в Шинон около полудня, и вечером её приняли при дворе.

ГЛАВА 2. ПРИ ДВОРЕ

Чтобы от слов «при дворе» у вас не возникло в воображении нечто вроде Версаля времён Людовика XIV, полагаю, стоит немного рассказать, что же это был за «двор».

По сути дела, это был кочевой табор. В постоянном страхе, ежедневно ожидая вторжения англичан или бургундцев, дофин Карл всё время перемещался по своим землям из замка в замок. Зимой он откочёвывал на юг, а когда становилось теплее – переезжал ближе к Луаре. Как полудня, право слово!

В этом году Карл выбрал для своего летнего «кочевья» Шинон.

Тоскливая безнадёга и ожидание близкого конца, царящие в королевском доме, стали чуть ли не физически ощутимыми после того как англичане, начав новое наступление, захватили все города по течению Луары за исключением Орлеана. Поэтому двор, и раньше не склонный к строгости нравов и благочестию, теперь погрузился в нескончаемые оргии и вакханалии. Пьянство, азартные игры, самый грубый и самый утончённый разврат – вот что творилось при дворе дофина круглосуточно.

Придворные, даже очень знатные, не гнушались выезжать на самый банальный грабёж округи, когда у них заканчивались деньги. Они бы, конечно, и в казну залезли, но в ней-то было пусто.

Дофин, не имеющий возможности, разумеется, выходить на большую дорогу, жил в царственной нищете. Даже колыбель для своего первенца он был вынужден просить в долг.

А буквально перед приездом Жанны и вовсе случилось нечто, ни на что в истории Франции более не похожее. Сапожник отобрал у короля сапоги! За долги. Ну ладно, не у короля – у дофина. Но всё же.

История сохранила имя отважного сапожника – мэтр Жак. Он сшил королю сапоги. Ждал жалованья, а её нет. Тогда Жак пришёл в за-

мок, почтительно поклонился Карлу, забрал сапоги, завернул их в рогожу, ещё раз почтительно поклонился и ушёл.

Так что Жанну дофин Карл встречал в сапогах, которые дал ему на время архиепископ Реймский Реньо де Шартр. Прямо скажем, что со стороны архиепископа было очень благородным поступком – дать Карлу поносить сапоги. Ведь ещё совсем недавно Карлу пришлось выкупать архиепископа из плена.

Нет-нет, в плен почтенного клирика захватили не англичане и не бургундцы. Свои! Артур де Ришмон – коннетабль Франции (это нечто вроде министра обороны) взял да и приказал схватить его и бросить в темницу. Наверно, деньги не поделили. Де Шартр – он же не только архиепископ Реймский был, но ещё и канцлер Франции. В этой должности он где-то и перешёл дорожку коннетаблю. И Карл был вынужден выкупать канцлера у своего же коннетабля, который после этого стал фактическим правителем того, что осталось от Франции.

Но ненадолго...

В том змеином клубке, что представлял собой тогда двор, расслабляться нельзя было ни на минуту. Де Ришмон имел неосторожность позволить себе это, и возмездие не заставило себя ждать. Артур де Ришмон приблизил к себе некоего Жоржа де Ла Треймуля. Ну а тот, осмотревшись и освоившись, втёрся в доверие к дофину и архиепископу. Потом эта троица совместными усилиями низвергла всемогущего коннетабля и отправила его в изгнание. Коннетаблем стал Жорж де Ла Треймуль.

Правда, эта победа не обошлась без потерь. Вместе с низвергнутым коннетаблем ушли и его воины, а это полторы тысячи закалённых в боях рубак. Так что дофин лишился воинов, как после хорошей битвы.

Всего через пару месяцев, когда Жанна, овеянная славой орлеанской победы, будет обладать огромной властью, она вернёт Артура де Ришмона вместе с его отрядом и приблизит бывшего коннетабля к себе. Это, разумеется, не добавило любви к Жанне среди приближённых дофина.

Ну а что же сам дофин? Что представлял собой этот человек?

К моменту встречи с Жанной Карлу исполнилось двадцать шесть лет. Это был очень хилый человек с неуверенной, крадущейся походкой и затравленным, бегущим взглядом.

Двенадцатый ребёнок сумасшедшего отца и распутной матери – Карл был даже не уверен в законности собственного рождения, а не то что в законности его притязания на престол. Он был скрытен, лжив, коварен, недоверчив, но очень хорошо образован. Великолепно знал несколько языков, историю и географию. Вот только в тот момент меньше всего Франция нуждалась в историке и географе на престоле. Нужен был воин, а воином-то Карл и не был.

В истории есть традиционное представление о первой встрече Жанны с дофином. Сцена эта настолько яркая и красивая, что перекочевала без малейших изменений из исторических трудов на страницы художественной литературы и киноэкраны. И, право слово, она того стоит. Напомним её вкратце.

Для встречи Жанны в залитом светом факелов и свечей тронном зале Шинона собрались все придворные числом несколько сотен человек. Сам же Карл, желая испытать Деву, скрылся среди толпы. На трон посадили подставную фигуру.

Жанна, войдя в зал, ничуть не смутилась видом роскошно одетой, знатной толпы и сразу поняла, что сидящий на троне человек – не тот. Услышав предложение найти дофина самостоятельно, Жанна, поискав глазами среди придворных, уверенно указала на Карла, чем привела в восторг, смешанный со страхом, как самого Карла, так и его приближённых.

Но так ли всё было на самом деле? Например, в так называемой «Чёрной книге» Жанна просит показать ей дофина. К ней дважды выводят подставное лицо, и дважды Жанна отвергает его. На третий раз вышел дофин, и Жанна сразу же его узнала.

А вот присутствовавшие при встрече камергер и медик дают нам совсем иную картину. Их показания очень кратки.

Камергер Рауль де Гокур: *«Я находился в Шиноне, когда она прибыла туда, и видел, как она предстала перед Его Королевским Величеством и советом. Я слышал её слова: «Светлейший сеньор дофин, меня послал Бог, дабы помочь вам и вашему королевству». Увидев и выслушав её, король, чтобы лучше быть осведомлённым о том, кто она такая, распорядился передать её под надзор Гильома Белье, своего дворецкого, бальи Труа и моего заместителя в Шиноне, чья супруга была известна своим благочестием. Затем он повелел, чтобы Жанну обследовали клирики, прелаты и доктора,*

дабы выяснить, должно ли и можно ли верить тому, что она говорит».

Медик Реньо Тьерри: *«Я видел Жанну, когда она предстала перед королём в Шиноне, и слышал, как она сказала, что её послал Бог к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести короля в Реймс для коронации и миропомазания».*

Вот и всё. Куда-то исчезает и тронный зал, забитый придворной знатью, и дофин, прячущийся среди толпы.

А появляется просто деловое заседание Королевского совета, в котором всего-то-навсего десяток человек. И дофин никуда не прячется, да и Жанне, чтобы опознать Карла среди десятка седовласых советников, совсем не требуется ни особая проницательность, ни помощь свыше. Это, конечно, если бы вообще, вопреки всякому этикету, Жанну не представили дофину, чем сразу же ясно указали самой Жанне на то, кто здесь кто. А её, надо полагать, всё же представили.

Так что всё было, как видим, намного скучнее, деловитее и проще. Да и, действительно, мыслимое ли дело, чтобы дофин, теряя остатки своего авторитета среди придворных, вдруг стал бы трусливо прятаться от какой-то девчонки? Зачем это ему? Устроить испытание Жанне? Дескать, если её и правда Бог послал, то она, конечно, укажет на короля, где бы он ни скрылся. Но ведь решишь Карл и впрямь на такое, это было бы испытание не столько Жанне, сколько самому Карлу. А ну как Жанна ошибётся и впрямь примет подставку за дофина? Что скажут окружающие? Что это подставная Дева, мошенница и проходимка, раз не смогла различить настоящего короля? А может, они скажут совсем наоборот? Скажут, что король не настоящий и действительно не имеет никаких прав на престол, раз даже Дева не указала на него.

Ну и зачем это всё Карлу было бы надо? Незачем. Этого и не было. А было вот что. Карл принял Жанну там, где и должно принимать подобных гостей, на заседании Королевского совета. Он никуда не прятался и не пытался вводить Жанну в заблуждение. Состоялся короткий, как и положено при первой аудиенции, разговор, и дофин распорядился начать расследование данного дела.

Скучновато, зато правдиво.

Хотя постойте! Мы совсем забыли ещё про одного свидетеля. Да про какого! Про саму

Жанну! Ведь она тоже рассказывала на суде о своей первой встрече с дофином. Ну и как же было дело, со слов Жанны?

«Когда я вошла в комнату, где находился король, то сказала ему, что хотела бы пойти на войну с англичанами».

Всё!

На вопрос, как же она узнала короля, Жанна ответила так, как обычно отвечала на вопросы суда: «Я не помню».

ИНТЕРЛЮДИЯ 1. О ПРОРОЧЕСТВАХ И ДЕВЕ НА БЕЛОМ КОНЕ

«Разве вы не слышали пророчество, что Франция будет погублена женщиной и возрождена Девой из пределов Лотарингии?» – так сказала мне Жаннетта, и я вспомнила это и было поражена. После этого я и многие другие поверили в неё» – это говорила Екатерина Лерое о своём разговоре с Жанной.

«Разве не было предсказано, что Франция будет погублена женщиной и возрождена Девой?» – спрашивает Жанна у Бодекура.

«Разве вы не слышали пророчества...» – многие свидетели вспоминают, что во время первой встречи с ними Жанна именно этими словами начинала беседу.

Да, слышали, слышали!

Действительно, за несколько лет до появления Жанны на кровавой сцене Столетней войны пророчество «Женщина погубила – Дева спасёт» начинает из уст в уста ходить по всей Франции.

В другом варианте пророчество звучит так: *«Се Дева грядет по спинам лучников».*

Или иначе:

«Дева выйдет из дубового леса и проскачет на белом коне по спинам лучников».

Как видим, пророчество несколько туманно, но враг Девы указан максимально ясно – лучники, основная сила английской армии.

Пророчество это приписывают не христианскому святому, а колдуну Мерлину, жившему, по легендам, в IV–V веках в Шотландии. Но Мерлин, персонаж героических баллад, – больше для простонародья.

А требуется, чтобы все слои населения пророчеством прониклись.

Поэтому среди интеллектуалов тогдашней Франции пророчество ходит за более авторитетным для них авторством Беды Достопочтенного,

англо-саксонского философа и провидца, жившего в конце VII века. В таком варианте оно звучит несколько по-другому:

«Из дубового леса выйдет Дева и принесёт бальзам для ран. Она возьмёт крепости и своим дыханием иссушит источники зла. Она прольёт слёзы жалости, и острова наполнятся ужасным криком. Она будет убита оленем с десятью рогами, четыре из которых будут нести золотые короны, а шесть других превратятся в рога буйвола и произведут небывалый шум на Британских островах. Тогда придёт в движение Датский лес и вскрикнет человеческим голосом: «Приди, Камбрия, и присоедини к себе Корнуэлл!».

Хорошо написано, не правда ли? Всё так грозно и туманно, но в то же время и про Деву, и про Британские острова, которые из-за Девы наполнятся ужасным криком, сказано вполне определённо, без всяких туманов. В последнем предложении упоминается некая Камбрия. По понятиям тех времён – это местность, откуда франки пришли в Галлию (теперешнюю Францию). Ну а Корнуэлл – это Англия. Хорош призыв к захвату Англии. Очень уместный, когда англичане в Париже и под Орлеаном.

Пророчества эти тем быстрее ходили из уст в уста и тем сильнее ложились французам на душу, чем хуже у них были дела. К моменту появления Жанны они как раз шли хуже некуда. Наверно, поэтому спасителем Франции в пророчестве выступает не мужчина – рыцарь, а девушка. Кто-то очень хорошо учёл глубокое разочарование французов в своих мужчинах-защитниках. В то, что мужчина спасёт Францию, уже не поверила бы ни одна живая душа, сколько ни запускай пророчеств. Все были уверены, что спасти Францию может только чудо. Народ жаждал чуда и поверить в него мог только в том случае, если совершать его будет персонаж воистину чудесный – обычная девушка с необычными способностями.

Англичанам, конечно, эти пророчества тоже были прекрасно известны. И весьма их смущали и тревожили. Англичане-то ведь были такие же средневековые люди, как и французы, а значит, более чем охотно верили всяким предсказаниям. Тем более – предсказаниям своего достопочтенного земляка Мерлина. Легко представить, что начало твориться в британских умах и сердцах, когда они узнали – Дева из пророчества явилась во плоти!

Забегая вперёд, скажу, когда Жанна во главе армии пойдёт на Орлеан, за сутки до её появления под стенами города чья-то заботливая рука приколет бумагу с пророчеством Мерлина на стену комнаты одного из старших английских командиров сэра Вильяма Гласдейла. А то вдруг он забыл?

А ведь Дева на белом коне уже однажды спасала Францию. И не только спасала, но и в известной степени создавала эту страну. Для того чтобы посмотреть, как было дело, нам придётся перенестись в V век, в Париж. Вернее, не в Париж, а в галльский город, названный римлянами Лютетия (в переводе с латыни на русский – «грязный» или «помойка»), которому вот-вот предстояло стать Парижем.

И мы увидим Деву, спасшую город. Её звали Женестьева. Она родилась в 422 году неподалёку от Лютетии в семье христиан. А тогда в Галлии христианство не так чтоб уж очень сильно распространено было. И быть христианином было не очень-то безопасно, могли убить за веру. Поэтому христианами становились люди, всей душой уверовавшие в Христа. Родители Женестьева такими и были. А дочь у них выросла ещё более беззаветно преданная христианскому учению, чем они сами.

Отбросим всё то чудесное и сверхъестественное, что нагородили про Женестьеву в её житии. Пламенная, фанатичная девочка, которую по обычаю тех времён креститься научили раньше, чем пользоваться ложкой, достигнув четырнадцати лет, то есть обычного (и даже несколько позднего) для тех времён возраста вступления в брак, предпочитает стать невестой Христовой. То есть монахиней. В то время, хотя монастыри и существовали уже в Галлии, большинство монахов жили в миру, проповедью и личным примером показывая окружающим образец правильной жизни.

Вскоре Женестьева осиротела. Её родителей унесла какая-то эпидемия. Обычайшее дело в Средние века. Девушка переселяется в Лютетию к своей крёстной матери. И тут её настигает тяжёлая болезнь. Окружающие уже решили, что она не жилец. Однако Женестьева поправилась. И стала всем рассказывать, что её спасли ангелы, которые заодно и устроили ей экскурсию по раю. Всё это Женестьева описывала в самых красочных подробностях. Но её рассказы, а также праведная жизнь и длительные молитвы вызвали у жителей Лютетии не благоговейные, а самые отрицательные чувства.

Женестьеву называли лгуньей, притворщицей и лицемеркой. Очевидно, тогдашним парижанам, верней лютецианам, было про Женестьеву известно что-то такое, что до нас хроники и жития постеснялись донести.

Однако епископ Галлии Герман (впоследствии причисленный к лику святых), услышав о Женестьеве, решил, что в столь тёмном для христианства месте, которое являла собой тогдашняя Галлия, такая девушка – просто дар божий. И с его благословения церковь приступает, как бы мы сейчас сказали, к «раскрутке» Женестьевы.

Епископ прибывает в Лютетию, встречается с Женестьевой, оказывает ей при встрече необыкновенное почтение. А во всех галльских церквях священники провозглашают, что всё виденное Женестьевой в болезненной горячке – святая правда, а сама Женестьева – Избранница Господня.

Отношение к Женестьеве, особенно среди женской части населения, резко меняется в положительную сторону. Все уверовали, что эта девушка побывала в раю и беседовала с ангелами. Но и Женестьева окончательно уверовала в реальность своих видений.

Вскоре эта вера подверглась очень серьёзному испытанию. В Галлию вторглись орды Атиллы. Круша, убивая и сжигая всё на своём пути, они рвались к Орлеану. На пути у них стояла Лютетия.

Опасность была столь очевидна и страшна, а сопротивление казалось столь бессмысленным, что городские вожди на совете решили бросить Лютетию и бежать всем городом в отдалённые места.

И тут на заседание совета ворвалась Женестьева. Она принялась уговаривать не бежать и не сдавать город. Говорила: глас Божий поведал ей о том, что если жители не бросят город, а решат драться, то Господь отведёт от Лютетии беду. А если, дескать, горожане голосов Женестьевы не послушают и начнут эвакуацию, то Лютетия-то всё равно уцелеет (раз Господь так решил, то это не обсуждается), а вот все бежавшие погибнут.

Всё это звучало так дико и нелепо, что в обычное время могло бы насмешить, а в той обстановке страшной опасности вызвало гнев.

Женестьеву решили казнить, чтобы от дел не отвлекала. Девушку выволокли во двор, обнажили мечи, но тут в события вмешался священник Седулиус. Потрясая крестом, он кричал, чтобы

никто не смел трогать боюху избранницу. Смущённые этим зрелищем, отцы города отпустили Женевьеву, но от планов бросить город и бежать куда подальше не отказались.

А Женевьева, сев на белого коня, стала объезжать городские улочки, будоража население и призывая его к борьбе. Горячо откликнулась на её призыв женская часть Лютетии. Женщины насели на своих мужей с требованием идти на стены и драться. Очевидно, жёны были страшной Атиллы, потому что мужики дрогнули и предпочли иметь дело с разъярёнными гуннами, а не с разъярёнными бабами. Проклиная всё на свете, мужики изготовились к обороне. Причём им было вполне очевидно, что оборона продлится в лучшем случае полчаса и ничем хорошим не завершится.

Атилла подошёл к городу. Соотношение сил было таким: примерно одна тысяча со стороны обороняющихся и пара сотен тысяч со стороны гуннов. Положение обороняющихся несколько улучшал тот факт, что весь тогдашний Париж полностью умещался на одном острове. В окружении реки защищаться, конечно, легче. Но всё равно дело шло к тому, что сейчас гунны Лютетия попросту затопчут, причём большинство её даже и не заметит.

Чтобы напомнить Богу о его обещании, Женевьева начала страстно молиться и призвала к этому делу всех не занятых на стенах жителей города. Впрочем, и без её призывов молебны шли во всех парижских церквях.

И, вы не поверите, чудо всё-таки свершилось! Постояв полдня под стенами Лютетии, гунны вдруг снялись и двинулись на юг в обход города. Город был спасён!

Ясно, что у такого поведения Атиллы есть вполне материалистическая причина. Вот она: в лагерь гуннов пришли посланцы от вождя аланских племён Сангибана, что имел владения около Орлеана. (Да-да, город будущей славы Жанны тогда уже существовал.) Сангибан обещал Атилле сдать Орлеан, но просил поторопиться. Дескать, городские власти что-то подозревают и могут помешать Сангибану сдать город Атилле без боя. Так как Атилле эта островная помойка, вполне заслуженно носившая в те времена имя Лютетия, в принципе даром была не нужна, а нужен ему был как раз Орлеан с его мостами через широкую и глубоководную Луару, то он быстренько поднял орду и двинулся на юг. Так это было.

Но жители Лютетии всего этого не знали! Для них было явно одно – чудо, обещанное Женевьевой, свершилось! Дева на белом коне спасла город! После этого Женевьеву при жизни принялись почитать как святую.

А ведь это ещё не конец истории про Деву, спасшую страну, а самое её начало. Прошло тридцать лет. Молодой король франков (так называлось объединение германских племён, вторгшихся в Галлию и захвативших её северную часть) по имени Хлодвиг решил овладеть Галлией, выбив оттуда остатки римлян. В 486 году его войска подступают под стены Парижа. Собственно, Парижем его как раз франки и называли. Жили там в основном паризии – кельтское племя, по их имени и прозвали франки это место: Город паризиев, или, для краткости, Париж.

В своё время отец Хлодвига, король Хильдерик, несколько лет осаждал Париж, но сумел только взять и разграбить западную окраину этого уже сильно разросшегося со времён Атиллы города.

Хлодвиг решил овладеть Парижем во что бы то ни стало. Осада длилась четыре года. И снова – Женевьева!

Однажды, в период особо тяжкого положения с продовольствием в осаждённом городе, она каким-то образом умудрилась лично провести по реке в Париж караван судов с продовольствием.

Нечто похожее совершит позднее Жанна в Орлеане.

Так Женевьева второй раз спасла Париж.

В третий раз она его спасла на четвёртом году осады. Силы парижан были на исходе. Падение города ожидалось со дня на день, с неизбежной резнёй. Женевьева отправилась на переговоры к Хлодвигу и сумела убедить его не разрушать Париж, а принять капитуляцию на максимально почётных и безболезненных для горожан условиях. Хлодвиг не просто пощадил город, он сделал его своей столицей, что, разумеется, самым благотворным образом сказало на развитии Парижа.

Поселившись в Париже, Хлодвиг быстро попал под влияние Женевьевы и по её настоянию, а также под воздействием своей жены-христианки крестился сам и крестил всю свою дружину. То есть Хлодвиг сыграл для Франции ту же самую роль, что и для Руси Владимир Святой.

Франция стала первой христианской страной в Западной Европе. И вклад в это Женевьевы

22

переоценить невозможно. До самой своей смерти Женестьева была духовным советником власти имущих и воспитателем народа. Примерно так же, как на Руси Сергей Радонежский.

После смерти Женестьева была причислена к лику святых. Причём она святая не только католической, но и православной церкви. И поныне она считается покровительницей Парижа.

Как видим, Дева на белом коне, посланница Божия, уже спасала Францию. В мифологической форме знали об этом все французы. И народное сознание перенесло прошлые события в ожидаемое будущее. Так и пошли, всё ширясь, в народной толще слухи, скоро переросшие в страстное ожидание явления Девы-спасительницы. Вера в её скорый приход становилась всё истовей и истовей. К моменту появления Жанны подробный образ грандиозного спектакля под названием «Дева спасает Францию» уже сложился в умах и французов, и, что не менее важно, англичан. Оставалось ждать исполнительницу главной роли. И вот она, гениальная исполнительница, предстала перед народом!

ГЛАВА 3. АПОСТОЛЫ СВЯТОЙ ВЕДЬМЫ

Пока Франция полнится слухами о явившейся Деве, сама Дева обживаетея в Шиноне. Она хоть и досадует на задержку в исполнении своих планов, но время зря не теряет. Обзаводится полезными знакомствами и... молится. Молится много и долго. Публично и у себя, в закрытой комнате.

И как молится! Она впадает в странное оцепенение, полностью отключается от внешнего мира, бледнеет, как покойница, непрерывно еле слышно шепчет молитвенные слова, а из глаз катятся слёзы.

Однажды паж по имени Луи де Конт, приставленный Карлом для услуг к Жанне, принёс ужин к ней в комнату. Он увидел, что Дева стоит на коленях перед распятием. Белая, как мраморная статуя, и такая же неподвижная, только губы слегка шевелились. Испуганный паж несколько раз окликнул Жанну. Та не реагировала. Тогда Луи подошёл к ней и сильно ущипнул несколько раз. Только после этого паж с облегчением увидел, что щёки Жанны порозовели, она очнулась и стала осматриваться, как после глубокого сна. Ужин показался ей слишком роскошным. Жанна съела только одну сушёную сливу, варёный рыбий хвост, кусок хлеба и выпила кружку простой воды.

Остальную еду она велела вынести на улицу и раздать бедным.

И так Жанна поступает постоянно. Она вообще ест очень мало и пьёт только воду, иногда чуть-чуть заправленную вином. То есть – виноградный сок.

Слухи о необычном благочестии и молитвенном прилежании укрепляют веру в то, что Жанна и есть так долго ожидаемая Дева-спасительница. В Шиноне начинают толпами стекаться паломники, желая хоть краем глаза увидеть эту чудесную девушку.

Но при всём при этом в Шиноне нашлись люди, которые не верили Жанне и относились к ней с плохо скрываемой неприязнью. Это видный член Королевского совета уже знакомый нам коннетабль Франции де Ла Тремуиль. Фактический правитель «Буржского королевства». Против Жанны он борется потому, что... боится её.

Боится всё более и более возрастающего влияния этой девушки на дофина. Ревнует, видя, как всё больше и больше придворных, почувствовав в Жанне восходящую звезду двора, ищут с ней встречи, заискивают перед ней, выпрашивая милостивой улыбки или хотя бы благосклонного взгляда. И Ла Тремуиль постоянно выступает на Королевском совете против того, чтобы доверить Жанне войско.

Он поставил под сомнение даже пол Жанны. Все женщины болтливы, а Жанна говорит очень мало и лаконично. Значит, она не женщина, уверяет этот знаток женской психологии.

Столкнувшись с таким заявлением, члены Совета решают: уж что-что, а вопросы пола и девственности они могут выяснить и своими силами. С этой целью назначен осмотр Жанны благочестивыми женщинами. 9 марта Жанну осматривают акушерка мадам де Гокур и герцогиня де Левансон. Как сказано в протоколе осмотра, оные дамы *«видели всё, что в таких случаях нужно видеть, и установили, что ни пол, ни девственность Жанны Девы сомнению не подлежат»*.

А Жанна тем временем продолжает изумлять окружающих. Она демонстрирует немалую осведомлённость в науках. Современник вспоминает: *«У всех создалось впечатление, что эта девушка воспитывалась не в полях, а в тесной связи с науками»*.

Жанна демонстрирует и прекрасное владение конём и оружием. Она уверенно побеждает в рыцарском состязании «Кольцо». Суть состязания

зания в том, чтобы на полном скаку тяжёлым копьём поддеть и сорвать со столба небольшое кольцо. Не у всех это получалось – Жанна справляется с первого раза!

Тогда же она обзаводится и высокородными сподвижниками. Первым из них был герцог Жан Алансонский. Ему всего двадцать лет. Но пережил и повидал он уже немало. Его отец пал в битве при Азенкуре, когда Жану было всего шесть лет. Тогда он унаследовал отцовский титул и отцовскую ненависть к Англии.

В 1424 году, когда Жану было всего пятнадцать лет, он уже бился с англичанами в сражении при Вернёе. Там он попал в плен и содержался заточённым в башню одного из замков целых пять лет, вплоть до 1429 года, когда за него, наконец, заплатили огромный выкуп. Этот выкуп принёс герцогу свободу, но совершенно его разорил. Придворные шутники, состязаясь в остроумии, даже спорили, кто во Франции самый бедный: герцог Алансонский или дофин Карл?

Позднее Алансон оставит воспоминание о Жанне. Их знакомство описано так. Алансон как раз вернулся из плена и приехал ко двору дофина, где был представлен Жанне. Та улыбнулась, слегка поклонилась, величественным жестом протянула герцогу руку для поцелуя и сказала: *«Добро пожаловать, господин герцог. Чем больше рыцарей королевской крови соберётся, тем лучше».*

«Как будто королева принимает своего подданного, которому она оказывает благоволение...»

С этого мгновения Алансон целиком и полностью попал под чары Жанны и находился в их плену до самой своей смерти.

Алансон целые дни проводит рядом с Девой. Она относится к нему благосклонно и называет всегда «мой прекрасный герцог». Он везёт Жанну в родовой замок Сен-Флоран, где представляет её своей матери и жене.

Увидев, что мать очень переживает за судьбу сына, только-только вернувшегося из долгого плена и тут же собравшегося в новый поход, Жанна говорит герцогине: *«Не бойтесь, мадам, я привезу его к Вам в том же виде, как он сейчас стоит перед Вами, а может быть, и ещё здоровее».*

После этих слов герцогиня Алансонская, особа королевской крови, опускается перед Жанной на колени и осыпает её руки поцелуями.

Алансон вспоминает, что Жанна приняла это *«просто и величественно. Как должное и привычное».*

После смерти Жанны Алансон оставил королевскую армию и начал свою частную войну с англичанами в Нормандии.

В 1439 году во Франции вспыхивает восстание протестантов против короля, получившее название «Прагерия». Его так называли в честь чешской столицы Праги, где тогда как раз бушевали гуситские войны. Среди восставших мы видим и Алансона. Каким-то образом он стал протестантом.

Восстание было быстро разгромлено, а его участники прощены.

Но злобу на них король Карл VII всё же затаил. И ждал шестнадцать лет, чтобы отомстить. В 1456 году начались аресты бывших участников Прагерии. Так Алансон оказался в тюрьме. Его приговорили к смерти, но заменили казнь тюремным заточением. В тюрьме Алансон провёл двадцать лет и скончался в 1476 году.

Ну а мы давайте-ка вернёмся в Шинон 1429 года. Там у Жанны появляется ещё один апостол. Это Жиль де Ре. Наверное, самая яркая фигура в окружении Девы. Дело в том, что, как, по крайней мере, считалось долгое время, Жиль де Ре – самый страшный маньяк-убийца в истории человечества. Именно он – знаменитая Синяя Борода.

Жилью де Ре – двадцать пять лет. Он один из богатейших людей при дворе дофина. Лучший фехтовальщик и наездник Франции. И самый красивый её рыцарь. С такими-то данными Жиль мог вести жизнь, полную разнообразных удовольствий. Но он чурается их. Не участвует в пирах, охотах и оргиях. Сторонится женщин и вполне верен своей молодой супруге Катрин де Туар. Кстати – его двоюродной сестре.

Внешне жизнь чиста и непорочна. Но недаром у криминалистов есть присловье, что людей, ведущих непорочный образ жизни, надо опасаться. И держаться от них подальше.

Вместо участия в оргиях Жиль целые дни проводил за чтением древних манускриптов, исследуя их со страстью учёного-монаха. Сам писал трактаты и очень неплохо рисовал миниатюры.

Он регулярно исповедовался, но почему-то каждый раз выбирал разные города и разных священников. Не было ни одного священника, который мог бы сказать, что исповедовал Жюля дважды.

Он посещал мессы, но только в том случае, если ожидалось красивое пение хора. Кажется, он рассматривал церковное богослужение как вид оперы и не желал принимать в нём участие, если «труппа» его не устраивала.

При первой же встрече с Жанной он почувствовал, как и многие другие, что «в этой девушке что-то есть». И это «что-то» околдовало и пленило его.

Однажды он бросился перед ней на колени и страстно сказал: *«Дева Жанна, я верю, что ты разговариваешь с духами и слышишь их голоса, к которым глухи мои уши. Пролей же на меня, недостойного, сияние своей благодати, ибо я готов отдать всё моё богатство, чтобы получить то, что даётся тебе без труда».*

Жанна строго приказала ему встать и отныне преклонять колени только на молитве. И сказала: *«Ах, если бы больше было таких же уверовавших, как ты, сколь быстрее пошли бы наши дела».*

И Жиль уверовал! Уверовал в Жанну так, как, наверное, никогда не верил в Бога. Трудно во всей истории человечества найти такую преданность кому-то, какова была преданность Жилья де Ре Жанне. Он единственный, кто понастоящему пытался спасти её из плена. И не успел лишь чуть-чуть. После смерти Жанны Жиль де Ре значительную часть своего состояния потратил на увековечивание и возвеличивание её имени. Он заказал множество портретов Жанны и развешал их в своём замке. На деньги Жилья де Ре была написана и поставлена знаменитая «Орлеанская мистерия», повествующая о жизни Жанны. И в течение десяти лет, до самого своего ареста, он оплачивал постановки «Орлеанской мистерии» в различных театрах Франции и остальной Европы.

После гибели Жанны Жиль де Ре покидает и королевский двор, и королевскую армию. В войне он больше не участвует. Скорее всего, не мог простить Карлу предательства Жанны.

Он поселился в своём родовом замке Тиффоже и жил как самодержавный король. У него своя армия из двухсот тяжеловооружённых всадников. Своя церковь, при которой служат несколько десятков священников. Он даже ведёт свои частные войны. То, что Франция продолжает воевать с англичанами, маршала Франции Жилья де Ре не смущает, и он устраивает внутреннюю войну с соседом, неким де Буэлем. Стоит ли говорить, что таким поведением Жиль

де Ре никак не снискал себе любви народной и уважения при дворе. Впрочем, это его не интересует. Он со всей страстью углубляется в своё любимое занятие, поиски путей в мир сверхъестественного. Жиль всё ещё мечтает общаться с духами.

В его замке всё чаще появляются различные маги, алхимики, гадатели. Получая от хозяина щедрое финансирование, эти мистики ищут для него то философский камень, то эликсир вечной молодости.

Всё это, разумеется, безрезультатно, но, в общем-то, безобидно.

Ужас в замке Тиффоже поселяется, когда в 1439 году в нём появляется монах-францисканец Франческо Прелати. Некромант. Если прежние маги и экстрасенсы, работавшие на Жилья де Ре, были всё-таки католиками, то Прелати в открытую заявляет, что он колдун и имеет в услужении некоего демона по имени Баррон. Через этого демона, уверяет Прелати, он общается с миром мёртвых и повелевает ими.

Жиль де Ре просит монаха познакомить его с демоном. Не знаю, как это выглядело, но Прелати устраивает сеанс вызова демона. И Жиль радостно убеждается – это то, что он искал многие годы.

Вот только демон хочет крови. Человеческой крови. И не любой, а детской.

29 июля 1440 года супруги Эйсе подают в канцелярию епископа Нантского Жана де Малеструа заявление о пропаже своего десятилетнего сына. С этого дня и начинается распутываться кровавый клубок преступлений, творившихся целый год в замке Жилья де Ре.

Епископ, приступив к следствию, сразу же выясняет, что последний раз мальчика видели входящим в замок Жилья де Ре. Разумеется, епископ был давно осведомлён о том, что маршал Франции занимается чёрной магией, но как-то закрывал на это глаза. Странная пропажа мальчика заставила его насторожиться. Он повелел узнать, не происходили ли в этой местности ещё исчезновения детей. Оказалось, что происходили. Причём всё лежало на поверхности. Меньше чем за сутки служащие канцелярии добыли епископу сведения о ещё как минимум девяти случаях исчезновения детей в районе замка Тиффоже. Крайне встревоженный полученной информацией епископ обращается к местному главе инквизиции Жану Блуэну. Начинается тайный сыск. Люди инквизиции вербуют слуг Жилья де Ре. Информа-

ция, полученная от осведомителей, ошеломила даже привыкших ко многому инквизиторов.

Вот что сообщили тайные агенты: *«Жиль де Ре и его сообщники брали невинных мальчиков и девочек и бесчеловечно забивали их, убивали, расчленили, сжигали и подвергали всяким пыткам, а вышеупомянутый Жиль, обвиняемый, приносил тела упомянутых невинных детей дьяволу, призывал и заклинал злых духов и предавался гнусному содомскому греху с маленькими мальчиками и противоестественно удовлетворял свою похоть с молоденькими девочками, отвергая естественный способ копуляции, когда невинные мальчики и девочки были живы, а иногда и мертвы или даже во время их смертных судорог».*

13 сентября 1440 года Жиль де Ре был арестован. Чуть позже арестованы и его сообщники. Ими были несколько главных колдунов, два телохранителя, молодые парни Гриар и Кориньо и женщина, некая бабка Меффрэ, ответственная за поставку Жилю де Ре детей для чёрных месс. Всего было собрано более ста свидетелей преступлений Жилия де Ре. Сам барон долго запыртался, отказываясь признавать преступления, но под угрозой пытки наконец заговорил.

Его показания не вполне устроили судей, и 22 октября маршал Франции и его колдуны были всё-таки подвержены пытке. После чего Жиль де Ре окончательно раскаялся и признал себя виновным в убийстве восьмисот детей. Он извинялся перед родственниками убитых детей и просил молиться за него.

Однако в средневековой Франции признание совсем не считалось достаточным доказательством для вынесения приговора. Поэтому, несмотря на признание Жилия де Ре, суд не счёл возможным вменить ему убийство восьмисот детей и назвал доказанным только убийство ста пятидесяти детей.

За это преступление, а также за занятия чёрной магией, договоры с дьяволом и нечистыми духами Жиль де Ре был приговорён к сожжению на костре. Вместе с ним к такой же казни были приговорены и его ближайшие слуги.

Суд призывал всех честных католиков молиться за обвиняемых.

Жилия де Ре и его сообщников казнили 26 октября 1440 года в городе Нант. Так как Жиль раскаялся в своих грехах, перед сожжением его задушили на глазах огромной толпы зрителей. Те-

ло тоже не сожгли дотла. Ему дали немного оборотей, затем палач сдёрнул мёртвого маршала с костра.

Родственники Жилия де Ре наотрез отказались осквернять его прахом фамильный склеп. Христианское милосердие проявил Нантский монастырь кармелиток, дав последний покой останкам маршала Франции и преданнейшего соратника Орлеанской девы.

Жуткая подробность: головы самых красивых своих жертв Жиль де Ре приказывал сохранять и мумифицировать. Таков был второй соратник нашей героини.

Знакомьтесь с третьим: предводитель гасконских наёмников дофина Карла, отчаянный головорез, виртуоз матерщины и богохульства Ла Гир по прозвищу Сатана. Это прозвище он получил за то, что утверждал, дескать, ад ему не страшен, так как он, Ла Гир, уже побывал там и остался доволен тамошним обществом.

Собственно, Ла Гир – это тоже прозвище, на самом деле этого человека звали Этьен де Вильньоль. Но этим именем никто его не называл. «Ла Гир» – звали все.

Вообще гасконцев тогдашние французы ненавидели. Эти горцы, буйные как в бою, так и в мирной жизни, вызывали отторжение у окружающих своими грубыми манерами, постоянными поисками ссор и драк, а также своим языком, непонятным для французов и больше похожим на испанский, чем на французский. Банду таких гасконцев и возглавлял Ла Гир. Для своего девиза он придумал такую фразу: *«Королём быть не могу, принцем не хочу – я Ла Гир».*

Он иногда молился богу, конечно, но молитва у него была только одна, лично им придуманная. Тоже очень оригинальная. *«Господи, – просил гасконец, – соверши для Ла Гира то, что Ты хотел бы, чтобы Ла Гир совершил для Тебя, если бы Ты был Ла Гиром, а Ла Гир Господом».*

Характер у Ла Гира был настолько бешеный, что к нему не решались без крайней надобности даже свои приближаться. Жанна решилась.

После короткой беседы Ла Гир, к величайшему изумлению свидетелей, предусмотрительно державшихся в отдалении, вдруг опустился перед девушкой на одно колено и приложил её руку к своей голове. По-гасконски это означало, что он приносит Жанне вассальную присягу. Жанна приняла его клятву верности, но с условием, что Ла Гир отныне прекратит ругаться и богохульничать.

26

И свершилось чудо – никто и никогда больше не услышал от Ла Гира ни одного ругательства!

Ла Гир и его гасконцы были авангардом армии Жанны. Они прославились во время битвы под Орлеаном, Луарской компании и битвы при Пате.

К сожалению, незадолго до пленения Жанны Ла Гир сам попал в плен к бургундцам. Иначе он бы наверняка приложил все усилия для высвобождения своего божества из английских лап.

В отличие от де Ре и Алансона Ла Гир не бросил королевскую службу и после гибели Жанны. Он продолжал участвовать в войне, наводя ужас на англичан, от которых получил прозвище Гнев Божий.

Умирал Ла Гир страшно. В 1442 году он был отравлен неизвестным ядом, от которого и скончался в невыносимых муках, разложившись заживо.

Кстати, интересная деталь: в Средние века каждая игральная карта – картинка: король, валет и дама – имела исторических прототипов. Так вот, Ла Гир считался валетом червей. Чтобы было вполне понятно, как высоко оценили Ла Гира создатели игральных карт, назову других валетов, в компании которых оказался сей гасконец. Валет пик – рыцарь Роланд. Валет бубен – Гектор, вождь троянцев, персонаж «Илиады». Валет треф – рыцарь Круглого стола сэра Ланселота.

Вот такие были самые близкие и преданные соратники Жанны. Очень разные, абсолютно не похожие друг на друга, они были объединены той странной силой влияния на людей, которой обладала Жанна.

ИНТЕРЛЮДИЯ 2. ПАСТУШКА ИЗ ДОМРЕМИ?

В старой исторической традиции было принято считать Жанну уроженкой деревеньки Домреми. Особенно нравился этот факт советским историкам. По понятным причинам. Дескать, вышли мы все из народа. Полюбуйтесь, какие огромные силы таятся в простом народе.

Историк Разин в своём труде «История военного искусства» так и пишет: «...народные массы из своей среды выдвинули народную героиню, девушку из простонародья Жанну д'Арк...».

Один из виднейших исследователей жизни Жанны д'Арк историк Левандовский пишет о победе под Орлеаном так: «...эта победа была одержана вопреки воле господ и попов, силами

простых людей, мужеством и сметливостью бесстрашной крестьянки...».

Всё бы ничего, но буквально через страницу в том же труде Левандовский цитирует воспоминания современника о «бесстрашной крестьянке»: «...по военной части Жанна была очень искусна во всём: верхом ли и в обращении с пикой; в том ли, чтобы собрать армию, распорядиться боем или расположить артиллерию. И всем даже было удивительно видеть в ней искусство и предусмотрительность военачальника, воспитанного двадцати-тридцатилетнюю практикою. Но особенно удивлялись необыкновенному её искусству употреблять артиллерию».

Как можно написать на соседних страницах две взаимоисключающие вещи, я не знаю. Ведь понятно же, что либо «мужество и сметливость бесстрашной крестьянки», либо «по военной части Жанна была очень искусна во всём». И надо выбирать что-то одно из двух.

Военному делу в Средневековье учили долго. Носить доспехи, управлять боевым конём, владеть мечом и копьём – это сложная наука. Никакая крестьянка, даже очень мужественная, и близко не могла уметь ничего подобного. Именно ввиду своей высокой сложности военное дело в Средневековье было привилегией феодалов, имеющих возможность обучаться с самого детства.

И если Жанна ведёт себя как опытный воин и военачальник, то вывод можно сделать только один – она пришла под Орлеан уже будучи опытным воином и военачальником. А не научилась всему этому по дороге.

Мы не знаем, где и у кого она этому научилась. Наверное, и не узнаем никогда. Зато знаем, что никаких военных школ, в современном смысле этого слова, в те времена не было. Воевать учились в основном на поле боя. А значит, неизбежен и следующий вывод: для Жанны Орлеанская кампания – не первая в жизни. Поэтому не надо искать корни Жанны в деревне Домреми. Там такому не учат.

Жанна выдавала себя за крестьянку – это верно. Но как Жаннетта не могла знать и уметь того, что знала и умела Жанна, так и Жанна не знала того, что должна была знать крестьянка Жаннетта Роме. Например: Жанна упорно называет себя пастушкой. Говорит, что пасла скот в родной деревне.

А вот что показывают на допросе односельчане Жаннетты: «...живя в отцовском доме, замалася делами по хозяйству, умела ткать и прясть холсты, ходила за плугом, жала, но не пасла ни овец, ни других животных...».

Не пасла Жаннетта никакие стада! И это неудивительно. У Домреми очень мало пахотной земли. Поэтому растениеводство там было промыслом вспомогательным, а животноводство — основным. Там, где скот — основной источник дохода, уходом за ним занимаются мужчины, не доверяя это дело ни женщинам, ни детям.

У Домреми росло некое магическое дерево — Дерево фей, как называли его жители деревни. Они исполняли у этого дерева языческие ритуалы: кружились в танцах, вешали на ветви венки из трав и цветов. Такое двоеверие было обычнейшим делом в Средневековье. Разумеется, исполняла языческие ритуалы у Дерева фей и Жаннетта. Более того, она однажды спасла это дерево. Когда местный кюре (священник) решил срубить его, именно Жаннетта пошла к нему и убедила не делать этого.

Когда Жанну на суде спросили, известно ли ей о Дереве фей, или Майском дереве, она ответила: «Рядом с Домреми много деревьев».

Очевидно, что наша Жанна знать не знает ни о каком Дереве фей. Зато явно знает саму Жаннетту Роме. Сверстник Жаннетты и её односельчанин Мишель Лебуен однажды накануне Иванова дня (28 июля) встретил её. И она поведала, что когда ходила в лес, завела очень странное знакомство: «...встретила в лесу некую деву, которая говорит, что скоро коронует короля Франции».

Это была не единственная встреча. Через пару месяцев Жаннетта рассказала Мишелю, что дева постоянно уговаривает её оставить отчий дом и пойти с ней спасать короля.

Но Жаннетта пока колеблется, потому что: «...как я это смогу, я всего лишь бедная девушка, которая не умеет ездить верхом и не знает, как вести войну...».

Однако, похоже, дева из леса не оставляет Жаннетту в покое. Односельчане вспоминают, что в конце 1428 года Жаннетта всё чаще и чаще заговаривала о какой-то тайне, которую она знает. И о том, что, может быть, ей скоро придётся уйти. В январе 1429 года Жаннетта тайком от всех уходит из дома.

Что же это за существо стало в конце 1428 года кружить по лотарингской чаще вокруг забы-

той богом и людьми деревеньки? Что за дева? Уж не та ли самая, что через несколько дней после исчезновения Жаннетты появилась под её именем в городе Вокулёр?

Один из ведущих советских медиевистов В. И. Райцес пишет: «Если сравнить рассказы о Жанне её односельчан и рассказы тех, кто видел её в Вокулёре, то может сложиться впечатление, что речь идёт о двух разных людях».

Ну, стало быть, это два разных человека и были.

ГЛАВА 4. ЭКЗАМЕНАТОРЫ СВЯТОЙ ВЕДЬМЫ

Между тем примерно через неделю после прибытия Жанны ко двору в Шиноне Королевский совет решил подвергнуть её допросу и испытанию комиссией опытных богословов.

Слово королевскому секретарю, историку и очевидцу событий Алену Шартье: «Король поступил, как следует мудрому государю. Он решил ни отринуть Деву, ни привлечь прежде, чем не будет выяснено, кто она такая, несёт ли добро или зло, притворство или истину, красоту или уродство. На этом экзамене Дева должна была вступить в поединок с учёнейшими мужами...».

Королевским советом было предписано, чтобы эта комиссия тщательно и неторопливо исследовала два вопроса касательно Жанны.

Первое: каково нравственное и физическое здоровье Жанны. Здесь речь шла не только и не столько о новой проверке её девственности, сколько о полном состоянии здоровья Девы. В те времена официально считалось, что болезни и телесные недостатки происходят исключительно из-за человеческих грехов. Следовательно, чем человек здоровей физически, тем он безгрешнее.

Второй вопрос, поставленный перед комиссией, обязывал её достоверно установить, действительно ли у Жанны были пророческие видения и, если они такие были, от Бога или от сатаны они исходят.

Вопрос, конечно, нетривиальный и в наше время мог бы поставить в тупик кого угодно, но в те времена подобные загадки умелые люди щёлкали как орешки. Правда с Жанной выяснить этот вопрос оказалось очень непросто. Если судить совсем строго, то на его выяснение у церкви ушло почти пять веков, в течение которых статус Жанны менялся от посланницы Божией до «неведомой твари в женском облике», ведьмы и еретички, и обратно, до посланницы

Божией и далее – вплоть до канонизированной святой. На чём пока и остановились.

Разумеется, для проведения такого расследования требовались если не самые лучшие, то одни из лучших умов тогдашнего времени.

На территории «Буржского королевства» таковых было в достатке. Они находились в основном в столичном городе Пуатье, который пользовался заслуженной славой второго после Парижа города Франции по уровню развития тогдашней науки.

К тому времени Пуатье уже тысячу лет был резиденцией епископа Реймского. Там же находились несколько древних аббатств, которые в средневековой Европе выполняли функцию хранителей знаний, и университет. Университет Пуатье и ранее числился в знаменитых, а в то время его репутация ещё упрочилась за счёт нескольких профессоров парижской Сорбонны, бежавших туда от англичан. Таким образом, не составляло труда собрать комиссию из лучших богословов, юристов и медиков.

И такая комиссия была собрана. Правда, некоторые её члены выразили недоумение, что цвет науки собирают ради исследования какой-то крестьянки. Но председатель комиссии, уже известный нам епископ Реймский, и канцлер Франции Реньо де Шартр, единственный из комиссии видевший эту пастушку в Шиноне и общавшийся с ней, к тому времени уже прекрасно понимал, что Жанна не вполне обычная крестьянка, и успокоил коллег, пообещав, что ни скучно, ни легко им не будет.

А стоит знать, что в любой комиссии, даже когда её члены формально равны, всегда есть члены, которые «равней других». Разумеется, такие были и в комиссии Пуатье.

Ну с её председателем, как уже сказано, мы немного знакомы. Теперь давайте познакомимся с другими наиболее влиятельными лицами. Их было трое. И все личности яркие и интересные. Особенно тот, которого я представляю вам последним. А начнём мы с семидесятилетнего доминиканца, профессора теологии Сегена де Сегена. Сей мэтр был известен далеко за пределами Пуатье строгостью нравов и въедливостью при различных допросах и исповедях. Этот суровый доминиканец часто прогуливался по Пуатье, охотно беседуя с желающими поделиться с ним своими проблемами и испросить жизненного совета. Таковых находилось немало, но Сеген никогда никому из своей паствы в

беседе не отказывал. И для каждого находил нужные слова.

Стариков, беседуя, он призывал радоваться, что их пора молодости уже далеко позади и теперь, в почтенной старости, они уже не могут так много грешить, как раньше, а наоборот, теперь им легче вести высокоморальный образ жизни, что, конечно, сильно уменьшит им наказание в потустороннем мире.

Жаловавшимся на жизненные невзгоды и телесные болезни Сеген тоже предлагал радоваться, утверждая, что если в жизни человека вдруг исчезают беды и заботы, значит, Бог забыл о нём. А это плохо. Если же жизнь продолжает трепать человека, значит, Господь помнит о нём и до сих пор любит его.

С юными христианами как с потенциальными греховодниками Сеген вёл более суровые беседы, чем с теми, которые уже своё отгрестили. Он строго допрашивал молодых об их образе жизни и любил среди беседы ошарашить вопросом: «На людей своего или противоположного пола вы предпочитаете смотреть?». И если юная овечка его стада вдруг колебалась, прежде чем дать ответ, то Сеген строго внушал ей, что в её душе заронено зерно зла и пока оно не проросло, следует вытравить его постом, молитвами и слезами.

Но особенно силён он был в проповедях, собиравших огромные толпы верующих. Сеген так яростно и живописно рассказывал о Страшном суде, что верующие были искренне счастливы, что за дверями храма бушует всего-то-навсего жестокая и кровавая война, а не Суд Божий.

Исходя из всего изложенного делаем вывод, что Сеген де Сеген был, выражаясь современным языком, главным психологом всего «Буржского королевства», и, как видим, очень и очень хорошим психологом.

Вторым из троицы был знаменитый на всю Европу доктор богословия, профессор Сорбонны Гильом Эмери. В Сорбонне он считался живым воплощением теологии. Не было, наверное, ни одной священной книги, которую он бы не знал наизусть, и ни одного богословского труда, который бы он не изучил.

Несмотря на лестные предложения оккупантов, Гильом Эмери наотрез отказался от продолжения работы в Сорбонне и бежал из Парижа в Пуатье. Похвальная твёрдость духа для тихого интеллигента-книжника, которую от таких людей не часто ожидаешь, но именно среди них часто

встречаешь. Странно, что встреча с патриоткой Жанной являлась для него опасностью, не меньшей чем отказ от работы под англичанами. Ибо Жанна по непонятной причине (а что нам в этой девушке вообще понятно?) именно Гильома Эмери выбрала основной мишенью для своих насмешек. Потрясённый профессор позднее сказал, что даже англичане разговаривали с ним куда как почтительней этой девчонки. Впрочем, как и свойственно интеллигентам-книжникам, человек он был не злой и ничем Жанне не повредил.

Ну и, наконец, настоятель собора Святой Радегунды Гийом Ален. По правде сказать, он был не очень-то исправным священником. Проповеди его были кратки, исповеди ещё короче и неизменно заканчивались прощением любого греха без всякой епитимьи. Объяснял он своё лёгкое прощение любых грешников тем, что до совершенства Христа всем людям так далеко, что разница между великим святым и великим грешником практически не видна.

Постился он не больше, чем было необходимо, и дополнительным воздержанием себя не утруждал. Но, несмотря на всё это, Ален пользовался невероятной любовью и почитанием у простонародья. Это потому, что большую часть времени он проводил не в храме, а среди простых людей. Прекрасно знал все их радости и беды, тяготы и скорби. Всегда был готов им помочь и словом и делом. Крестил, венчал, отпел бедняков бесплатно.

Благодарный народ почитал отца Алена за святого. Но это в его дневной жизни. А свою ночную жизнь Гийом Ален проводил тоже среди выходцев из простого народа, правда, они были несколько специфического сорта. По ночам святой отец посещал разбойничьи шайки, притоны воров, мошенников и убийц. Там он был тоже весьма и весьма уважаем. Уважение преступного мира Пуатье к отцу Алену простиралось столь далеко, что если он просил вернуть награбленное потерпевшему (правда, делал он это только тогда, когда потерпевший был из простолюдинов), то преступники слушались его беспрекословно и возвращали всё до нитки.

Почему? Потому что уважали его за святость? Или потому что отец Ален... был главой преступного мира Пуатье? Верным может быть в равной степени и первое, и второе предположение, как и оба одновременно. Такое было время. Такие были люди.

Как бы то ни было, а отец Ален является самым неоднозначным членом комиссии. И вот он-то и стал самым ярким сторонником Жанны. И вновь мы видим – Жанна просто как магнитом притягивает к себе подобного рода людей.

Жанна уже прибыла в Пуатье. С ней небольшая свита. Тут и её старые спутники, и целый штат дарованных дофином пажей и секретарей. Ну и, конечно, трое преданных высокородных друзей: Алансон, Жиль де Ре и Ла Гир.

А следом за Жанной, как верёвкой привязанный, как зачарованный, в Пуатье переехал ВЕСЬ ДВОР из Шинона, во главе с дофином Карлом.

И начались трёхнедельные испытания Девы самыми высокими умами королевства.

ГЛАВА 5. ЭКЗАМЕН

« – Веруешь ли ты в Бога? »

– Разумеется, и уж моя вера точно сильнее твоей.

– На каком языке говорили с тобой твои голоса? »

– Конечно, это был французский язык. И он был куда лучше, чем твой».

Это Жанна отвечает на вопросы почтенного Гильома Эмери. Похоже, что к моменту этого диалога Жанне уже изрядно надоело то следствие, в котором она была вынуждена участвовать, вместо того чтобы начать уже бить англичан.

Впрочем, такой стиль общения: грубоватый, смелый, насмешливый вообще характерен для Жанны. Позднее, на суде в Руане, который и отправит её на костёр, Жанна будет разговаривать с судьями ещё более заносчиво.

В Пуатье Жанна жила в доме генерал-адвоката Жана Работо. Столь звучное название должности, что он носил, можно на наш язык перевести как «главный юрисконсульт короля». Как видим, человек он был не из последних в королевстве, значит, дом его был тоже не из последних домов в Пуатье.

Впрочем, для Жанны это не имеет значения. Она крайне неприхотлива в материальном отношении. Что её раздражает и выводит из себя, так это длительная задержка в самом начале исполнения своей миссии. Смирением эта девушка отнюдь не отличалась, можно предположить, что окружающим доставалось от раздосадованной Жанны гораздо больше, чем донесли до нас строки исторических хроник.

А комиссия не торопилась. Правильным считалось делать всё не спеша, медленно и основа-

тельно. Жанна со своей совсем не средневековой стремительностью в мыслях и делах и тут выглядит крайне необычно, чем ещё больше привлекает к себе внимание и ещё больше убеждает окружающих в своей несомненной связи со сверхъестественным.

Но что это за сверхъестественное? Послана ли она Богом, или кем иным, тоже сверхъестественным? Для людей Средневековья этот вопрос был крайне важным, спешить с его решением тем паче не полагалось. Свою работу комиссия начала с нового исследования физического состояния Жанны. На этот раз «экспертная группа» была куда многочисленней и представительней, чем тогда, в Шиноне.

Теперь её возглавляет сама Иоланна Арагонская – тёща дофина Карла. Кроме неё, в комиссию входят опытейшие акушерки и дамы из всех классов общества, известные своим благочестием. Впрочем, результат был такой же, как и в Шиноне. Исследовав всё со всей возможной тщательностью, женщины заявили, что Жанна абсолютно девственна и абсолютно здорова.

Тогда к делу приступили богословы. Стиль работы был такой: вся комиссия никогда целиком на свои заседания не собиралась. Просто каждый день несколько её членов приходили в дом генерала-адвоката и вели долгие беседы с Жанной. Неоднократно они пытались поставить её в тупик своими замысловатыми вопросами, но ни разу им это не удалось. Только ещё больше разозлили девушку.

Однажды Гильом Эмери имел неосторожность указать Жанне, что то, что она говорит, хоть и верно, но этого нет ни в Священном Писании, ни в богословских трудах.

Он нарвался на ответ:

«В Книге Господа написано побольше, чем в ваших» (выделено мной. – И. Н.) *писаниях»*.

«В ваших писаниях!» О как! А для Жанны, выходит, они не свои? У неё есть некая «Книга Господа», которую она ставит выше Писания? Что же это за книга?

«– Что это за Книга Господа, о которой ты говоришь?

– Она есть, но такие люди, как ты, никогда её не прочтут.

– Почему?

– Потому что задаёшь много вопросов», – отрезала Жанна и закончила разговор.

Комиссия оказалась в тупике. В самом деле, люди на улицах чуть ли не молятся на Жанну, за

неё непрерывно ходатайствует двоюродный брат дофина герцог Алансонский, двоюродный брат дофина Дюнуа из осаждённого Орлеана шлёт комиссии одно послание за другим, требуя, чтобы ему немедленно прислали Деву, иначе пропади всё пропадом... А эта Дева тем временем уже успела наговорить вполне достаточно, чтобы её не в Орлеан, а на костёр послать как ведьму и еретичку. Отвергнуть Святое Писание, хотя бы и косвенно, это вам не шуточки! Сжигали за куда меньшие провинности.

Так что же делать? Тут задумаешься. Однако нет преград, какие бы не одолели изощрённые в догматике умы богословов. Они подумали и решили, что лучше всего будет не обращать никакого внимания на эту Книгу Господа, что Жанна лягнула это в простоте душевной (ну крестьянка же, пастушка, что с неё взять). Поэтому больше никогда вопрос о Книге Господа не поднимался. Он и по сей день не ясен, что ещё за Книга Господа и почему Жанне можно было её видеть, а столь просвещённым и уважаемым людям, как мэтр Эмери, – нет?

В другой раз Жанну допросил Сеген де Сеген. Вопрос задал очень хитрый: *«Ты утверждаешь, что Бог избрал тебя для того, чтобы избавить французский народ от бедствий. Но если этого хочет Бог, для чего же нужны солдаты?»*.

В этом вопросе – тончайшая и сложнейшая богословская проблема: соотношение божественного провидения и человеческой деятельности.

Жанна ответила: *«Солдаты должны сражаться, тогда Бог пошлёт победу»*.

Одним кратким и безукоризненным с догматической точки зрения ответом семнадцатилетняя девушка делает, кажется, ненужными все толстенные тома Августина и Фомы, написанные по этому поводу! Ну как Жанной можно не восхищаться?! Ею и восхищаются. Большинство явно, но есть и такие, что тайно. Например – епископ Реймский, канцлер Франции и председатель вот этой самой комиссии Реньо де Шартр.

Как председатель комиссии, он должен, разумеется, соблюдать наружное беспристрастие, но на самом деле уже полностью перешёл на сторону Жанны. Тому есть несколько причин. Во-первых, как опытный придворный, он видит, что Жанна популярна при дворе и любима дофином. Не пойдёт же де Шартр против всего двора?

31

Во-вторых, земли Реймского епископства, обширные и богатые, практически полностью под властью англичан. И бедняга де Шартр ни гроша дохода со своих земель не получает. Поэтому он очень заинтересован в войне. А Жанна, понимает де Шартр, может принести победу.

«В этой девушке что-то есть» – и это третья причина, по которой епископ Реймский начинает Жанне симпатизировать. А так как речь идёт о возвращении очень больших доходов, епископа, наверное, уже и не особо интересует, от кого именно послана Жанна.

«А хоть бы и от самого сатаны, – небось думает епископ, – главное, чтобы помогла освободить мои земли».

Жанна тоже не сидит сложа руки. Она пытается обработать видных членов комиссии отдельно друг от друга. В неформальной, так сказать, обстановке. С этой целью она налаживает контакт с отцом Аленом. И ей в который раз помогают доминиканцы. Секретарь отца Алена – молодой монах брат Том. Благодаря ему Жанна однажды под покровом ночи тайно покидает дом генерала-адвоката и встречается с отцом Аленом. Подробности встречи нам неизвестны. Знаем только, что отец Ален поинтересовался у Жанны: часто ли она постится? На что та дала ответ: она, дескать, вообще ест мало.

Похоже, и этот ответ, и все последующие полностью устроили отца Алена. С этой ночи он «лоббист» Жанны в комиссии.

На одном из последних заседаний Сеген де Сеген задаёт такой вопрос: *«Богу не будет угодно, чтобы мы поверили тебе, если ты не явишь нам некое знамение, показывающее, что тебе следует верить. Не можем же мы советовать королю доверить тебе армию только на основании твоих же голословных утверждений».*

Ответ доносит нам всю ярость, накопившуюся в Жанне за эти три недели бесконечных распросов.

«Бог мой! – кричит она. – Я приехала в Пуатье не фокусы вам показывать. Дайте мне войско. Пошлите в Орлеан. Там я явлю знамение того, кто послал меня».

Это был последний допрос. Дальше комиссии было уже невозможно тянуть с выводами. Алансон вспоминает, что после завершения последнего заседания комиссии они ужинали в комнате Жанны. Кроме самого Алансона и Жанны, присутствовали Жиль де Ре и королевский конюший Гобер Тибо. Жанна выглядела очень

усталой и задумчивой. Она ела даже меньше, чем обычно.

На вопрос Алансона о причине её печали Жанна сказала: *«Мне задавали так много вопросов, и я должна была так много отвечать. Но, знайте, я могу сделать гораздо больше, чем рассказала им».*

Королевский конюший тут же с воодушевлением воскликнул: *«Я верю тебе, Жанна!».*

В ответ Жанна положила ему руку на плечо, улыбнулась и сказала: *«Мне хотелось бы, чтобы у меня было больше людей, разделяющих твою веру».*

После этого Гобер Тибо оставил свою выгодную придворную должность и примкнул к Жанне. А комиссия, наконец, дала заключение. В нём, в частности, говорилось: *«...тщательное расследование образа жизни, нравов и намерений Девы не выявило в ней никакого зла, но лишь добро, смирение, целомудрие, честность и простоту... Так как она обещала явить знамение божественной помощи в Орлеане, король не должен мешать пойти ей в этот город с солдатами. Напротив, ему следует проводить её с почётом. Ибо сомневаться в ней означало бы грешить против Духа Святого...».*

32 Не доверять Жанне, значит грешить против Святого Духа!!! Более благоприятного заключения для неё и представить-то невозможно.

ИНТЕРЛЮДИЯ 3. НЕСКОЛЬКО ЗАГАДОК И ПОПЫТКИ ОТГАДОК

Пока ликующая от победы над богословами, но всё же очень расстроенная длительной задержкой, Жанна едет обратно в Шинон, куда дофин со всем двором недавно вернулись, у нас с вами есть время, чтобы поговорить о нескольких интересных вещах.

Сначала я хочу рассказать об одном крайне загадочном обстоятельстве, связанном с комиссией. Дело в том, что те цитаты, которые приведены в тексте, взяты историками не из протоколов заседаний этой комиссии. Они дошли до нас в «Хронике Девы», а туда попали по рассказам Сегена де Сегена. А где же подлинники или хотя бы копии материалов комиссии? Их нет. Вообще нет. Ни подлинников, ни копий. Ни латинских «чистовиков», ни французских «черновиков». Все они, все до последнего листика, были уничтожены. И это уникальный факт в истории Жанны!

Огромный массив документов про Жанну благополучно дожил до наших времён, а эти

протоколы... они ведь даже Жанну не пережили. Документы комиссии Пуатье – единственные из документов, касающихся этой девушки, которые были умышленно и очень тщательно уничтожены ещё её современниками.

Когда в 1450 году начался реабилитационный процесс Жанны, судьи крайне заинтересовались протоколами комиссии Пуатье, Книгой Пуатье, как называли их все. Ещё бы, такое название этим протоколам дала не кто иная, как сама Жанна Дева!

Именно тогда и было установлено следующее. В январе 1431 года при дворе короля Франции Карла стало известно, что на Руанском процессе Жанна несколько раз отказалась отвечать на вопросы, говоря, что про это она уже рассказывала и её ответы записаны в Книге Пуатье. Это почему-то вызвало тревогу при дворе. И епископ Реймский, бывший председатель этой комиссии де Шартр, мчится в Пуатье и лично уничтожает все до единого листика материалы комиссии.

Зачем? Ясно, что де Шартр испугался, что Книга Пуатье попадёт в руки англичан и их французских сторонников. Раньше-то враги не знали вообще о существовании столь ценных для них документов. Теперь знают. Как же сохранить документы? Запереть на сто замков? Закопать? Спрятать в хитрых тайниках? Нет, все эти варианты не дают стопроцентной гарантии того, что враг не дотянется до них. Пока документы вообще физически существуют – всегда существует и возможность попадания их не в те руки. И только огонь может спрятать их навсегда. Его и выбрал де Шартр.

Но почему он не хотел допустить даже ничтожной возможности попадания Книги Пуатье в руки англичан? Что там было такого, что, будучи обнародованно, стало бы большой опасностью как для самого епископа, так и для короля Франции Карла? Этого мы уже не узнаем никогда.

Ещё одна тайна Жанны – её привязанность к мужской одежде. Надо сказать, что комиссию Пуатье, перед которой Жанна предстала в мужском наряде, этот факт изрядно смутил.

В Библии есть однозначный запрет одеваться в одежду противоположного пола: *«На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий, делающий сие».*

Ну и как тут быть почтеннейшим богословам? Нарушение библейских правил здесь на-

столько показное и явное, что глаза на это закрыты никак невозможно. Отцы-богословы не сочли возможным в данном случае как-то иначе перетолковать Библию. Вместо этого они двинули в бой свой «второй эшелон», гражданских юристов – членов комиссии.

Один из них, мэтр Жан Жерсон, легко расколол этот орешек: *«Ни королевское право, ни мораль не запрещают нашей Деве носить одежду мужчины и воина, поскольку она делает мужскую работу и сама является воином».*

Насчёт того, что Жанна носит мужскую одежду потому, что это диктует род её деятельности – война, согласимся не полностью. Слов нет – воевать удобней в мужской одежде. Но Жанна-то носит мужскую одежду не только в походе, но всегда и везде. И при дворе, и, вот, на комиссии.

Как Жанна в Меце в мужской костюм переоделась, так никогда уже в женское и не одевалась. Исключением стал очень краткий период её плена, когда она после своего покаяния переоделась в женское, но уже через день вновь надела мужскую одежду и уже не снимала её до самого костра.

33 Ясно видно, что мужской костюм для Жанны гораздо большее, чем просто удобная одежда. Насколько огромное значение имело для неё носить мужское, хорошо показывает такой факт.

В 1431 году пленённой Жанне на судебном процессе в Руане было сказано, что если она переменит мужской костюм на женский, то её допустят до мессы и причастия. Жанна – ревностная христианка! Причастие – это самая центральная часть веры. Лишение причастия – тяжчайшее наказание для христианина. И Жанна очень страдает. Она постоянно просит, чтобы её допустили до причастия. Ей предоставляют такой шанс. Надо лишь всего-навсего переодеться в одежду своего пола. Она отказывается...

Такое пристрастие к мужской одежде не могло не заинтересовать окружающих. Например, суд 1431 года в Руане с первых же дней своей работы уделил этому пристальнейшее внимание. Но не особо многого от Жанны добился. Сначала она сказала, что мужскую одежду ей повелел надеть Бог и его ангелы.

В протоколе сказано: *«Названная женщина утверждает, что она надела, носила и продолжает носить мужской костюм по приказу и по воле Бога. Она заявила, что Господу Богу было*

угодно, чтобы она надела короткий плащ, шапку, куртку и штаны со множеством шнурков, а её волосы были коротко подстрижены над ушами, и чтобы она не имела на своём теле ничего, что говорило бы о её женском поле, кроме того, что дано ей природой».

А потом Жанна вообще продемонстрировала полное нежелание разговаривать на эту тему. Вот отрывок из протокола от 3 марта 1431 года:

«— Когда ты явилась к королю, он не спрашивал тебя, было ли тебе откровение, которое заставило тебя переменить женскую одежду на мужскую?

— Я уже вам на это отвечала. Я не помню, спрашивал ли он меня об этом.

— А те магистры, что в течение трёх недель или целого месяца экзаменовали тебя в Пуатье, они не спрашивали о перемене одежды?

— Не помню.

— А они не спросили тебя, надела ли ты его по приказу твоих голосов?

— Не помню.

— А когда ты в первый раз явилась к королеве, спрашивала ли она тебя о перемене одежды?

— Не помню.

— А твой король, королева, твои сторонники никогда не просили тебя переодеться в женское платье?

— Это не относится к вашему процессу.

— Если ты переменяла своё платье на мужской костюм по божественному откровению, то чей голос передал тебе его: святого Михаила, святой Екатерины или святой Маргариты?

— Это не ваше дело. Больше вы от меня ничего не услышите».

Мужской костюм был для Жанны не просто удобной одеждой. Он был частью кем-то тщательно продуманного «имиджа» Жанны. Он был особым и неповторимым одеянием Девы, её отличительным признаком. Дева, посланница Божия, должна же чем-то отличаться от остальных людей? Вот она и отличилась. Причём очень ярко и дерзко.

В Средние века по одежке не только встречали, но и общались и провожали. Костюм средневекового человека был неотъемлемой принадлежностью его социального статуса и характеристикой, содержащей о человеке достаточно полную информацию.

Дворянин никогда бы не оделся как простолюдин, а простолюдин не имел права да и возможности одеться в платье дворянского покроя.

Абсолютно безразличное к национальным различиям Средневековье огромное значение придавало личному статусу человека и крайне придирчиво относилось к внешним признакам этого статуса.

Мужской костюм на женщине не был признаком никакого статуса. Надев его, Жанна решительно и полностью выводила себя далеко за пределы системы социальных координат Средневекового общества. Она подчёркнуто ставила себя вне общества.

В мужском костюме она не крестьянка и не дворянка, не воин и не монах. Она – Дева, посланница Божия! То есть существо уникальное с уникальной общественной функцией. И поэтому она не связана ни с одним классом, ни с одной группой общества. Посланница Божия вне общества и не связана ни его законами, ни его моралью. Мужской костюм как раз и выражал эту уникальность, подчёркивал единственность и неповторимость Жанны. Вот что значил мужской костюм для Жанны, а не просто удобную для похода одежду. И снять его означало для неё перестать быть посланницей Бога, перестать быть Девой.

А это для Жанны было невозможно. Однажды побывав в роли Божией посланницы (а может, и, как дальше увидим, кем-то большим себя возомнив), Жанна уже не могла быть больше никем. Это было бы для неё невыносимо.

Есть ещё один вопрос, к которому нас подводит мужской наряд Жанны. А именно: с кого она брала пример, надевая мужское? Кто послужил ей образцом? Дело в том, что средневековый человек в своём поведении всегда стремился ориентироваться на уже существующие образцы. Даже когда он творил что-то новое, он всегда старался отыскать нечто похожее «в старине».

Значит, и Жанна, надевая мужской костюм, имела какой-то авторитетный для неё образец. Разумеется, притянутый за уши, ибо так высоко ценить мужской костюм, как Жанна, никто до неё не ценил.

И вот тут возникал тупик. Ну кто мог служить образцом для Жанны? Только какая-то святая. Какая?

Жанна числила среди своих небесных покровителей три святые сущности: архангела Михаила, но, согласитесь, он в данном случае за

образец не подходит, и двух святых женского пола: Екатерину и Маргариту. Значит, образец для Жанны где-то среди них?

Но дело всё в том, что ни святая Екатерина, ни святая Маргарита Антиохийская никогда мужских платьев не надевали. Вот так и возник тупик. И вопрос этот оставался открытым очень долго, пока не обратили внимание на женский состав небесных покровителей Девы. Какой-то он странный. Ну святая Екатерина – это ещё понятно, она считалась покровительницей пленных и раненых. Для воина подходящая покровительница. А вот святая Маргарита... Она вообще-то покровительница рожениц. С какой же стати Жанна её своей покровительницей числила? Конечно, святая Маргарита была очень чтима среди женщин, но вот Жанне, согласимся, она была абсолютно бесполезна.

Так, может, это совсем не та Маргарита? Может, Жанна числила своей святой совсем не Маргариту Антиохийскую – покровительницу рожениц, а какую-то другую? Её надо было разыскать, тем более что у этой святой Маргариты должна была быть особая примета – она носила мужской наряд.

И отыскивали! Правда, называется она святая Пелагея. Под этим именем её и чтит Православная церковь. А Маргарита – вовсе не имя, а... Но лучше я по порядку.

Оная Пелагея проживала в Сирии в V веке. Она была очень красивой танцовщицей и вела крайне распутный образ жизни – дорогая куртизанка. Маргарита – её прозвище среди клиентов, означающее «жемчужина».

В общем, жизнь у Пелагеи протекала очень весело, пока не вмешался епископ Нон. Своими проповедями о греховной жизни он так запутал и запугал бедняжку, что она решила стать монахиней. Всё своё немалое богатство Пелагея перед постригом отдала епископу Нону. Вы будете удивлены, но епископ не присвоил его и даже церкви не дал. Со словами: *«Пусть будет умно потрачено худо собранное»* он всё до нитки раздал нищим.

А Пелагея устроила себе келью где-то в Иерусалиме и в мужской одежде, под именем инок Пелагий провела остаток жизни в строгом монашестве, посте и покаянии. Жители окрестных мест очень чтили её за святой образ жизни. Правда, думали, что инок Пелагий – евнух. И только после смерти выяснилось, что инок Пелагий – это женщина.

В православии, как уже говорилось, Пелагея (под своим именем) числится Преподобной.

А вот в католичестве... Средневековая ортодоксальность католиков такую святую и знать не желала. Но культ Маргариты (не под именем, а под прозвищем) возник и разросся среди рыцарских и монашеских орденов во время Крестовых походов. Считалось, что она покровительствует воинам, ведущим «Святую войну».

Она была, так скажем, «корпоративная» святая крестоносцев.

Такая-то святая покровительница действительно Жанне подходит! Ещё как подходит! Вот только... в каком же ордене Жанна этот сугубо корпоративный культ-то усвоила, а?

ГЛАВА 6. СНОВА В ШИНОНЕ

Возвращение Жанны в Шинон можно смело назвать триумфальным шествием. И по дороге, и в самом Шиноне за ней следовали огромные толпы народа, стекающего отовсюду, чтобы хоть краем глаза взглянуть на долгожданную Деву-спасительницу.

Люди издавали громкие радостные крики при виде Жанны, плакали и смеялись одновременно, старались коснуться хоть краешка её одежды.

А в самом замке дофина Жанну ждала торжественная встреча в тронном зале. Именно тогда, а не при первом её появлении. Ибо теперь в замок прибыла не невесть откуда взявшаяся то ли пастушка, то ли бродяжка, а, по однозначному свеженькому заключению виднейших теологов, посланница Божия. Такие не то что в Шиноне, а и на Земле-то появляются нечасто, поэтому можно представить, какой ажиотаж творился в тот день при дворе.

Огромный зал сиял огнями свечей, бесчисленными драгоценными камнями и золотыми украшениями, надетыми на не менее блистательных и сиятельных родовитых и благородных дворян. Тут и произошла сцена, похожая на ту, которую легенды помещают в самый первый приезд Жанны в Шинон.

При входе в зал Жанна повела себя крайне невежливо. Не утруждая себя разглядыванием высокосановитой толпы и не утруждаясь ответом на приветствия, она быстро и уверенно направилась к дофину. Тогда то и состоялся тот знаменитый разговор Жанны с дофином, с глазу на глаз. Хотя и его относят к их первой встрече, но заслуживающий всякого уважения источник «Хроники царствования Карла Седьмого», напи-

35

санный очевидцем событий, секретарём Карла – Жаном Шартье, указывает именно на второй проезд Жанны в Шинон.

Жанна уединилась с дофином. Они долго не появлялись. А когда появились, то все присутствующие были поражены видом дофина. Он выглядел таким восторженным, таким счастливым и даже несколько очумелым, каким его никто и никогда не видел. Некоторым даже показалось, что дофин окружён густым сиянием.

«Король был полон радости, как будто на него снизошёл святой дух», – вспоминает Шартье.

Что же сказала Жанна дофину? Об этом написано много. Очень много. В некоторых источниках указывается, что Жанна представила дофину неопровержимые доказательства, что он законный королевский сын, а не нагулян своей распутной матерью где-то на стороне.

Другие источники утверждают, что Жанна поведала дофину тайную молитву самого дофина. Он, дескать, произносил эту молитву всегда молча, поэтому слышать её никто, кроме Бога, не мог. А Жанна эту самую молитву дофину и пересказала! Тут уверуешь.

Молитва эта была вот такая: дофин просил Бога, если он и правда сын короля, то ниспослать ему помощь, а если всё же Карл незаконнорождённый и прав на престол не имеет, то даровать ему надёжное убежище и защиту от гибели или плена.

В некоторых источниках говорится, что Жанна передала дофину какие-то два кольца, крайне важные для него.

В источниках мы слышим некоторое разногласие. И всё бы ничего, но чем дальше по времени от этой таинственной встречи источник, тем больше и больше подробностей он указывает. А чем ближе – тем меньше.

Ну а как же современные Деве источники? А они вообще молчат. Про сам факт встречи рассказывают, а про то, что там Жанна дофину рассказала, чем его так сильно осчастливила, – ни звука.

Тот же Шартье пишет: *«Никто не знает, что она ему сказала».*

Сам король Карл на склоне лет как-то обмолвился: *«Она рассказала мне то, что не мог знать ни один смертный».*

Всё. Больше он никому и ничего про тот разговор не рассказывал.

Теперь слово Жанне. Про разговор с дофином её тщательно расспрашивали на Руанском процессе. И вот чего добились.

Ответы Жанны своим судьям на многочисленные вопросы о разговоре с Карлом:

«Голоса мне велели сказать о неких вещах королю, а не вам...»

...Откровения, которые мне были, касаются короля Франции, а не вас...»

...Что же до откровений, которые относятся к королю, я ничего не скажу вам...»

...Я вам всё время повторяю, что этого вы не вырвете из моих уст. И, если честно, то вы мне изрядно надоели. Спросите у короля сами...»

...Я обещала крепко хранить этот секрет и поэтому не скажу ничего. Я обещала это тому и в таком месте, что не могу ничего рассказывать без клятвопреступления...»

Как бы то ни было, а услышанное от Жанны явно перевернуло сознание дофина. Если у него ещё и были сомнения, то теперь они отпали. Он решает дать Жанне армию и направить её в Орлеан. Правда, армию ещё надо собрать. Наскрести по сусекам, так сказать. В этом большую помощь оказывают двое: Ла Гир и тёща дофина Иоланта Арагонская. Первый отвечал за найм гасконцев, вторая договорилась об арагонских наёмниках. В том войске, что Жанна повела спасать Францию, первоначально самих французов почти не было.

36

Пока собирают эту гасконско-арагонскую армию, Жанна вооружается сама. Кстати, она вообще уехала из Шинона и с какой-то целью обосновалась в городе Тур. Может быть, потому, что Тур ближе к Блуа, в котором был назначен сбор армии.

В Туре ей изготавливают доспехи. И какие! Их заказали у лучшего французского мастера – мэтра Бернара. Обошлось это казне в сто ливров золотом. Один ливр – примерно девять граммов, так что за доспех было заплачено почти килограмм золота.

Кроме того, сам доспех был полностью покрыт слоем серебра. На это понадобилось десять фунтов – почти пять килограммов (!) серебра.

Говорят, что серебро дал Жиль де Ре.

Жанне изготавливают два знамени. Одно представляло собой большое полотнище с золотыми лилиями на белом фоне. На нём было выткано изображение Иисуса Христа с двумя ангелами и надпись: «Иисус – Мария». Вторым знаменем был небольшой личный штандарт, как и положено главнокомандующему. Он тоже белого цвета, с вытканной радугой.

Тут будет уместно сделать небольшое, но забавное отступление. Дело в том, что зная Жанны и её штандарт как-то всё не желают помещаться в российскую историографию о ней. В советское время не устраивала надпись: «Иисус – Мария», и мне доводилось читать работу, где автор пишет, что под изображением Христа на знамени Жанны была надпись: «Мир». Спасибо, что не «Миру – мир».

А в наше время «Иисус – Мария» – самое то, но уже не всех устраивает личный штандарт Жанны с изображением радуги. Некоторые публицисты помещают на штандарт вместо радуги голубей и ангелов. А была там радуга. На белом фоне. Что в те времена означало завет между Богом и людьми.

Оба полотнища изготовил знаменитый шотландский мастер Джеймс Пауер. Он получил за работу двадцать пять ливров (двести пятьдесят граммов золота).

Теперь нужно и оружие. И тут Жанна говорит, что меч, предназначенный ей, выкован уже давно. И сейчас он находится в городе Фьербуа, в аббатстве Святой Екатерины, закопан в церкви под алтарём. Словам Жанны тогда уже все верят, как Святому Писанию, поэтому без тени сомнения убирают алтарь, раскапывают землю и... находят, хоть и покрытый ржавчиной, но ещё очень крепкий меч. И видно, что он очень древний. На лезвии – пять крестов.

Жанна утверждала, что про меч рассказали её голоса. Но вспомним, что именно в этом аббатстве Жанна зачем-то останавливалась месяц назад на несколько дней, когда в первый раз ехала в Шинон.

Получив вооружение, Жанна выезжает в Блуа, куда к концу апреля уже стягиваются подчинённые ей отряды.

Получилось ли это случайно, или так Жанна и запланировала, но вот этими вроде необязательными переездами из Шинона в Тур, из Тура в Фьербуа, из в Фьербуа в Блуа она уже прошла половину пути до Орлеана. Если бы она прямо из Шинона выступила с войском, то это наверняка привлекло бы внимание англичан. А так... вроде туда поехала, туда переехала, потом – раз и она уже с армией в двух переходах от Орлеана.

Сколько же было бойцов тогда у Жанны? Сама она называет цифру в десять-двенадцать тысяч. Историки, исследовав документы, указывают, что непосредственно воинов было не более четырёх тысяч, в основном гасконские и арагон-

ские наёмники. Но с Жанной шёл ещё очень большой обоз с продовольствием. В нём – чытереста коров и быков, а также более пяти тысяч телег с провизией. Если с обозниками, то тогда десять-двенадцать тысяч и получается.

У Жанны уже свой походный то ли штаб, то ли двор. В нём несколько пажей для услуг, четыре секретаря для переписки, два герольда, чтобы объявлять волю Девы, старые соратники Жанны по переходу из Лотарингии в Шинон, духовник Жанны монах-доминиканец Жан Паскерель.

Ещё в Труа Жиль де Ре, понимая, что в грядущих боях ни он, ни Алансон, ни Ла Гир не смогут постоянно быть прямо рядом с Жанной, подобрал ей телохранителя. Им стал опытнейший воин, прошедший много стычек и битв, Жан де Олон. Этот головорез очень привязался к Жанне и отныне не оставлял её никогда. Он был рядом с нею во всех битвах, штурмах и вылазках.

Они даже вместе в плен к бургундцам попали. Только Жанну предали и продали англичанам, а де Олон сумел бежать, вместе с де Ре пытался освободить Жанну.

Уже в старости, занимая должность наместника одной из южнофранцузских провинций, Жан де Олон написал очень интересные мемуары про Жанну.

27 апреля 1429 года армия Жанны выступила из Блуа. Впереди их ждал осаждённый Орлеан.

ИНТЕРЛЮДИЯ 4. А КАК ЕЁ ЗВАЛИ?

Вопрос на первый взгляд кажется странным. Конечно же: Жанна д'Арк! Э-э-э, друзья, так, да не так. Дело в том, что это имя, известное всем и ставшее сейчас уже неотъемлемой частью мировой истории и культуры, имя, под которым эту девушку чтит католическая церковь, это самое имя было абсолютно неизвестно самой Жанне и всем, кто её окружал. Эпоха Жанны д'Арк никакой Жанны д'Арк не знала!

А кого же она, эпоха эта, знала? А знала она просто Жанну, или Деву, – так всегда называла сама себя наша героиня. Известна она также была под двойным именем Дева-Жанна. Так называли те, кто любили её. А которые не любили, называли Французской ведьмой или Тварью в образе женщины.

Простонародье и Жанной-то её не называло. А только Девой или... Анжеликой. То есть – ангелом.

После коронации в Реймсе король Карл жалует Жанне дворянство. Теперь она официально

Жанна де Лю (иногда переводят как де Лис). То есть Жанна Лилия. Почётней и быть ничего не может, лилии – герб королевского дома! Сама Жанна никогда этим именем и дарованным ей гербом не пользовалась. И имя Жанна де Лю так и исчезло в истории.

Но позвольте, при даровании дворянства составляется документ под названием грамота аноблирования. В нём подробно описывается родословная новоиспечённого дворянина. Составлялась ли она в случае с Жанной? Конечно. Сохранилась ли она? Да. И что там? А никаких д'Арк. Там указаны её мать – Изабелла Роме, отец – Жак Тарч и братья – Жан Дай и Пьер Перрель.

Откуда такое разнообразие фамилий в одной семье? Да очень просто. Это и не фамилии вообще. Фамилии – это у дворян. Да и то не у всех. А у простонародья никаких фамилий в те времена не было. Только прозвища, кликухи, «погоняла».

Ну а саму Жанну в грамоте аноблирования как зовут? Жаннетта Роме. Она ведь изначально именно так всем представлялась. Правда очень короткий срок. Несколько дней всего. В Вокулёр вошла Жаннеттой Роме, вышла оттуда в путь к Шинону уже Жанной.

В Руане же, во время суда, её никогда не называли ни Жанна де Лю, ни тем более Жанна д'Арк. А только *«некая женщина по имени Жанна»*.

Так с именем Жанны обстояло дело при жизни. А что же после смерти? А вот тут-то и вспыхивает ярким огоньком впервые это имя – Жанна д'Арк. Сверкнуло искоркой... и пропало почти на четыре века!

Дело было так. В 1450 году король Карл VII затеял (по инициативе инквизиции, между прочим) реабилитационный процесс Жанны. А то как-то неудобно получалось. Он ведь наихристианнейший король Франции – любимой дочери церкви, а коронован официально признанной ведьмой. Надо было срочно исправлять столь двусмысленное положение. Однако для начала такого процесса требовалось заявление от родственников осуждённой.

Проблем нет – мать Жанны, Изабелла Роме, ещё жива, пусть она и подаст такую бумагу. Она, правда, неграмотна, так это не беда. Есть во Франции и грамотные люди. Они пусть и напишут. Они и написали. Сделал это некий легист Гильом Превето. В этой жалобе впервые и появляется имя: Жанна д'Арк.

В дальнейшем ни один из свидетелей, само собой разумеется, это имя не употребляет. Они его и не знают. Они, свидетели эти, собственно, вообще ничего толком не знают. Их рассказы о детстве Жанны пестрят словами *«мне рассказывали»*, *«как мне кажется»*, *«как люди говорили»*, *«как мне доводилось как-то слышать»*...

Какое уж тут имя! Некоторые из свидетелей вообще впервые в этом самом процессе от добрых отцов-инквизиторов услышали, что Жанна, оказывается, их односельчанка.

– Да вы забыли с годами небось, – ласково улыбались им отцы-инквизиторы. – Вы пошарьтесь в памяти-то и вспомните. Лучше сами вспомните. – И смотрят прям в душу глазами добрыми, чуть усталыми.

Как тут не вспомнить? Ну вспомнили, конечно. В приговоре, полностью оправдывающем Жанну, она вновь именуется Жанна д'Арк. Вообще-то странно, да? Во-первых, почему не Жанна де Лю? Дворянства-то её никто не лишил. Во-вторых, откуда взялось это д'Арк?

Ну насчёт исчезновения де Лю, это я вам ничего пояснить не могу. Но вот насчёт д'Арк... А что, если пошарить в тех временах? Не отыщется ли вдруг какой-нибудь влиятельный д'Арк, возжелавший к славе Жанны примазать свою благородную фамилию? Давайте посмотрим.

Ба-а-а, да их тут, д'Арков, как комаров! И все какие высокосановитые! Все какие знатные! Был, оказывается, в те времена старинный рыцарский род д'Арк. Родословную они свою вели от участника Первого крестового похода – некоего д'Арк, в Крестовом походе и посвящённом за доблесть при штурме Иерусалима в рыцари.

А дальше кто?

Гийом д'Арк – гувернёр короля Людовика, отца Карла VII.

Ивон д'Арк – советник Карла VII.

Рауль д'Арк – камергер Карла VII.

Жан д'Арк – главный землемер Франции.

Симон д'Арк – капеллан королевского дворца.

И наконец... Жанна д'Арк – фрейлина Изабеллы Баварской, матери Карла VII.

Вон их сколько, знатной саранчи! И все, как вы уже поняли, современники Жанны.

Правда, на поле битвы, рядом с Жанной, никто из них замечен не был.

Но может быть, попозже решил Жанну к своей фамилии пристегнуть? При таких должностях влияние у клана д'Арк, наверное, было о-го-го какое. Но как бы то ни было, а тогда ничего не

вышло. Как уже было сказано, имя Жанна д'Арк исчезает аж на четыре века.

Неужели вообще забыли? Ну уж нет! Никто и не думал её забывать! Ни на минуту. Помимо бесчисленных картин и памятников про неё писали в книгах: «Корабль добродетельных женщин» (1502), «Собрание историй о славных, добродетельных и знаменитых женщинах» (1523), «Зерцало добродетельных женщин» (1546), «Неодолимые твердыни женской чести» (1550), поэма «Защитник женщин» (1540). Во всех этих произведениях Жанна – чуть ли не главная героиня. И как же её называют? Да почти что одинаково везде: Жанна, Дева-Жанна, Жанна Орлеанская, Жанна из Вокулёра, Жанна из Лотарингии. Однако самыми распространёнными были два имени: Дева Франции и Орлеанская дева.

В Орлеане Жанна стала местночтимой святой ещё до того, как её реабилитировали. То есть ещё в официальном статусе ведьмы она одновременно была и святой. Это уже интересно, но ещё интересней, почему орлеанцы её Девой называли? Полагаете, потому, что Жанна сама себя Девой называла? А вот и нет! Дело в том, что на латыни есть два слова, означающие «Дева». Это «Puella» и «Virgina».

Сама Жанна называла себя именно Puella. А вот орлеанцы, устанавливая культ Жанны, заменили в имени Орлеанская дева слово «Virgina». И разница тут космических масштабов! Потому что «Puella» означает именно деву, девственницу, девушку. А вот «Virgina» – исключительно... Богородицу.

«Орлеанская дева» и «Дева Франции» – это просто неправильный перевод имени Жанны на русский язык (всё равно, что Нотр-Дам-де-Пари перевести как «наша дама из Парижа»). А правильный перевод – «Орлеанская богородица» и «Богородица Франции». Именно так читали и так понимали эти имена Жанны средневековые люди.

Равной самой Богородице – так видели её французы. И только в XIX веке её перестают официально так называть! В XIX веке, когда изучением истории занялись на строгой научной основе, имя Жанна д'Арк всплыло из архивов и уже навечно приросло к Деве.

Правда, в конце XIX века была сделана попытка имя изменить. Да не чуть-чуть, а порядком. Не Жанна д'Арк, а Жанна Дарк.

Разница огромная! «Арк» – лучник. «Дарк» – тёмный, мрачный. Жанна Тёмная! Ничего себе! Это кто же осмелился? А сделал это молодой

французский историк Вале де Виривиль. Пришёл он к такому выводу после более тщательного, чем это было проделано до него, изучения архивов. И вот на какую сенсацию он там нарвался.

Но сначала небольшое пояснение.

Дело в том, что официальным языком западноевропейского Средневековья была латынь. Все бумаги, все книги писались на латыни. Очень удобно, кстати. Вся элита Европы могла общаться между собой без переводчиков, а научные открытия распространялись среди европейских учёных кругов моментально.

И поэтому все официальные бумаги во Франции писались в двух экземплярах. Сначала черновик (почему-то называемый «минутка») на французском, а потом чистовик – на латыни. Чистовик шёл в дело, а «минутка» хранилась в отдельном месте. Вот Вале де Виривиль и нашёл «минутку» того самого заявления матери Жанны – Изабеллы Роме!

И там девушка именуется Жанной Дарк. И только при переводе на латынь чудесным образом преобразуется в благородную д'Арк!

Вале де Виривиль пишет на эту тему статью. И предлагает впредь называть национальную героиню Жанной Дарк. И тут же на него обрушивается благородное негодование научных и общественных кругов Франции, обвинение в отсутствии патриотизма.

Видный историк Анри Валлон, большой друг тогдашнего Римского Папы Пия IX, в гневе писал: *«И как можно было до такого додуматься! «Дочь сумерек»! Даже англичане не выдумали бы лучше. Вот какой им отличный подарок! Нет! Давайте же отвергнем эту варварскую форму «Дарк» и сохраним за Жанной её французское имя.»*

Однако Вале де Виривиль не сдался, а продолжал с документами в руках отстаивать свою точку зрения. Ему удалось перетянуть на свою сторону историка и, что немаловажно, издателя Большого энциклопедического словаря Пьера Ларусса. И в обширной статье, вышедшей в этом словаре в 1870 году, посвящённой Жанне, она именуется Жанна Дарк.

Но уже к 1880 году имя Жанна Дарк исчезает со страниц научных трудов. Сторонники более патриотичного направления восторжествовали. С того времени и теперь, наверное, навсегда она – Жанна д'Арк!

Уф. Запутались мы совсем с именами этой девушки. И так и не узнали, как же её подлинное

39

имя. Остаётся только одно – спросить у неё самой. Жанна, чёрт возьми, восстань на секунду из праха и ответь нам: как тебя зовут?!

«...Там, где я родилась, меня звали Жаннетта, во Франции – Жанна, а своё прозвание я не знаю и никогда о нём не слышала» – это всё, что ответила Жанна со страниц протоколов судебного процесса относительно своего имени.

ГЛАВА 7. НА ОРЛЕАН

Снимать осаду с Орлеана Жанна начала ещё... в Блуа. Перед выходом французской армии в поход Жанна направляет англичанам под Орлеан следующее послание:

«Иисус, Мария. Король Англии и вы, герцог Бедфорд, называющий себя регентом Королевства Франции <...> будьте благоразумны перед Царём Небесным. Отдайте Деве, которая послана Богом, Царём Небесным, ключи от всех добрых городов, которые вы захватили и осквернили во Франции. Она пришла сюда от имени Бога <...>

И вы, лучники, солдаты, благородные и прочие, которые стоят у города Орлеана, уходите в свою страну именем Бога; и не поступайте иначе, а если не послушаете, то ждите новостей от Девы, которая скоро придёт к вам и нанесёт большой ущерб. Я же, встав во главе армии, в тех местах, где достигну ваших людей во Франции, прогоню их, хотя они того или не хотят. А если не захотят покориться, я всех их убью. Я послана Богом, Царём Небесным, которого представляю в этом мире телесно <...>

Если вы не захотите поверить словам Божиим и Девы, в тех местах, где мы вас найдём, там и покараем, и устроим вам такую рубку, которой не было во Франции вот уже тысячу лет. И знайте точно, что Царь Неба пошлёт Деве и её добрым воинам силу такую, какую вы не сможете привести со всех своих полей сражений».

Вчитаемся в письмо: «если не покоритесь, я вас всех убью», «устроим такую рубку, которой не было уже тысячу лет» – как-то не дышат эти слова девственной кротостью, не правда ли?

«Я представляю Бога в этом мире телесно» – Жанна, по её самоощущению, Христос, что ли, новый? Бог-Дочь?

Как видим, общий смысл послания: «Отдайте всё и уходите домой, иначе вас всех убьют».

«Домой? – должно быть, подумали англичане. – А куда это, домой? Разве сейчас мы не дома?»

Давайте-ка посмотрим на эту ситуацию так, как ещё, пожалуй, никто не смотрел – глазами тех англичан, что воюют под Орлеаном.

Обычно ситуация нам видится так – англичане вторглись во Францию, оккупировали её северную и центральную части, но потом французы их прогнали. То есть привычная картина – народ борется с захватчиками, побеждает и изгоняет их восвояси.

А вот так, да не так! Англичане действительно вторглись во Францию, действительно захватили часть её территории. Но к 1429 году это уже была очень и очень давняя история. Давайте вспомним, что к моменту появления Жанны под Орлеаном Северная Франция была частью Англии уже восемьдесят лет! Три поколения! Как-то эти восемьдесят лет стираются из памяти, когда мы говорим об англичанах-оккупантах.

Три поколения их рождается и умирает здесь! (Чтобы масштаб был ещё более понятен, скажем, что это дольше, чем существовал СССР)

Посмотрим на то войско, что осаждал Орлеан. Из почти пяти тысяч бойцов только полторы тысячи приплыли с Британских островов именно для участия в Орлеанской кампании. А остальные англичане на Британских островах и не были ни разу в жизни! Они родились и выросли здесь. Во Франции! Здесь могилы их отцов, которые тоже родились, жили и умерли во Франции. И только их деды действительно приплыли сюда с островов.

Жанна требует, чтобы они убралась к себе домой. Но куда? Они и так дома! Это и есть их дом, это и есть их земля, политая потом и кровью их самих и их предков. Некуда им отсюда уходить. Это их дом. Это их родина.

А вторая часть английской армии – это вообще этнические французы, нанятые в Париже и окрестностях для осады Орлеана. И, полагаю, вот как должна была представляться сложившаяся ситуация англичанам: здесь, под Орлеаном, собрались уроженцы французской земли. Пусть одни из них этнически англичане, а другие этнически французы – но они земляки. И могилы их предков рядышком, на этой земле.

То, что они осаждают Орлеан, так это их внутренняя, никого других не касающаяся война. А на них движется армия, во главе которой стоит ни разу не французенка. Жанна ведь сама утверждает, что родом из Лотарингии, а Лотарин-

гия в те времена – это вовсе не Франция. Германия это. И французов там нет. И языка-то французского в Лотарингии никто не знает – это только Жанна из них из всех почему-то одна такая образованная.

И в войске, которое она ведёт, французов раз-два и обчёлся. Только высшие командиры. А остальные – конница гасконская, пехота арагонская, арбалетчики итальянские.

«Ну и кто это здесь не дома?» – должно быть, дружно подумали англичане с французами в осаждающей армии.

Соответственно и ответили Жанне: *«Лучше ты убирайся в свой свинарник, ведьма»*.

До Жанны Столетняя война была войной не национальной, а схваткой нескольких феодальных домов между собой. Единокровных, кстати, феодальных домов. И, между прочим, у английского короля прав на французский трон было куда больше, чем у дофина Карла.

Это была обычная для Средневековья феодальная разборка, только неожиданно для всех участвующих разросшаяся до огромных масштабов.

Война велась так чинно, по-благородному, по-дворянски. С вызовами на бой через герольдов. С заранее оговорённым местом и временем сражений. На поля боя даже зрители являлись. Так было принято воевать тогда.

Но только не для Жанны! Именно она своей огромной и неукротимой энергией превратит эту феодальную свару в национальную войну. Именно Жанна возбудит во французах национальные чувства и покажет им врагов не в феодальном доме Ланкастеров, а во всей английской нации. Именно Жанна превратит затянувшуюся склоку Валуа с Ланкастерами в войну французской нации против английской нации. Именно Жанна будет настойчиво утверждать в речах, что французы – нация, избранная Богом, а англичане – исчадия ада и должны быть уничтожены. Такие речи, в которых целую нацию объявляют какими-то недочеловеками, впервые зазвучат тогда в Европе и до наших дней умолкнуть никак не могут.

«Я мечтаю только об одном, – заявила Жанна как-то Жилью де Ре и герцогу Алансонскому, – отправить всех англичан в ад к их отцу – дьяволу».

Именно со времён Жанны среди французов на полном серьёзе начинают ходить слухи, что англичане – это вообще не люди, что у них хвосты растут, которые англичане тщательно пря-

чут под одеждой. То есть произойдёт то, что сейчас называется «дегуманизация образа врага», – расчеловечивание его. А это – страшная, очень страшная штука. Она легко и быстро превращает любую малокровную и вялую войнушку в тотальное кровавое месиво.

Именно под влиянием Жанны французы начинают осознать себя не просто провансальцами, орлеанцами, наваррцами или парижанами, а единой нацией. И что они воюют не за дофина Карла, пропади он пропадом, а за свою нацию против нации чужой.

Кто научил Жанну этому? Что за гениальная голова привила этой семнадцатилетней девочке XV века пропагандистские методы века XX? И что за сила сидела в Жанне, коли она сумела за кратчайший срок сплотить французов в единую нацию?

Сильно ли мы ошибёмся, если скажем, что французская нация не этнически, а как единая общность появилась только при Жанне и во многом благодаря ей? И будем ли правы, если скажем, что сама Жанна – первый нацист Европы?

Между прочим, в 1940 году у Жанны возникло ещё два поклонника. Рейхсминистр Геббельс и рейхсфюрер СС Гиммлер.

Сразу после разгрома Франции Геббельс начинает активно распространять во Франции антианглийские речи Жанны. Как бы намекая – вот какой умный человек жил среди вас, французы. Слушайте свою национальную героиню и поступайте, как она советовала – убивайте англичан.

А Гиммлер вообще не верит, что такие верные, с его точки зрения, взгляды и такие способности могла проявлять француженка. По нацистским понятиям, галльская кровь нечиста. Испорчена-де семитскими примесями. Он подозревает, что Жанна – «истинная арийка». Она же из Лотарингии. А Лотарингию и Эльзас немцы считают исконно германскими землями.

И Гиммлер зимой 1943 года даёт подчинённому СС Институту крови (или как там называлось учреждение по измерению черепов) задание – выяснить, арийка ли Жанна (как раз немцев под Сталинградом разгромили, но Гиммлер занятие себе важнее почему-то не находит). Письмом в это «научное» учреждение он призывает обратить особое внимание на выяснение истинного места рождения Жанны и приводит пару строк из стенограммы её допроса:

«Вопрос: Как твоё имя?»

Ответ: Там, где я родилась, меня называли Жаннетт, а во Франции называют Жанной».

Оказывается, для этой французской националистки «там, где я родилась» и «Франция» – это разные места!

Ответ Гиммлеру из Института не сохранился, но, похоже, он удовлетворил рейхсфюрера. Потому что в том же 1943 году Жанна появляется на вербовочных плакатах, призывающих французов вступать в ваффен-СС.

Кстати, своей англофобии Жанна не изменила до самой смерти.

Допрос на обвинительном процессе 1431 года в Руане:

«Вопрос: А на каком языке к тебе обращалась святая Екатерина: на французском или на английском?»

Жанна: Конечно же, на французском.

Вопрос: Почему же не на английском?»

Жанна: Потому что святая Екатерина любит то, что любит Бог, и ненавидит то, что ненавидит Бог.

Вопрос: Так ты считаешь, что Бог ненавидит англичан?»

Жанна: Господня воля мне, конечно, неведома, но я догадываюсь, какую судьбу Господь приготовил англичанам после смерти».

А в зале между тем полным-полно англичан. Смелая девушка, ничего не скажешь.

ГЛАВА 8. ОСАДА ОРЛЕАНА

Орлеан являлся довольно сильной крепостью. Город, находившийся на правом, то есть северном берегу Луары, окружала каменная стена длиной две тысячи пятьсот сорок метров, усиленная тридцатью семью башнями высотой до десяти метров.

В начале XV века, незадолго до появления англичан под городом, все башни были переоборудованы для размещения в них артиллерии. И артиллерии было очень много для того времени. Сто пять орудий. Из них особо выделялась огромная пушка под названием «Длинная». Имея калибр 33 сантиметра, она была способна бросать каменные ядра на полтора километра.

Кроме новейших систем огня, были широко представлены и старые метательные машины: куйары, требушеты, гигантские арбалеты и т. п.

Широкий мост в девятнадцать пролётов связывал город с левым, то есть южным берегом. Первый и последний его пролёты были подъёмными. На предпоследнем перед южным берегом

пролёте возвышалось ещё одно укрепление – Турель. Это были две башни высотой тридцать метров (девятиэтажный дом – такой же высоты), соединённые арочным сводом. Основание Турели уходило под воду.

Ещё один форт располагался на шестом пролёте моста.

Кроме того, город окружала система внешних деревянно-земляных фортов – «бульваров». Их задачей было удерживать противника с его артиллерией на расстоянии, с какой пушки не могли бы добывать до городских стен.

Такое мощное оборонительное устройство объясняется ключевым стратегическим значением Орлеана. Город этот являлся перекрёстком всех дорог, что шли по бассейну Луары как с запада на восток, так и с севера на юг. Самая широкая и удобная переправа через Луару тоже находилась под контролем Орлеана. Это тот самый мост, что охраняла Турель.

Тот, кто владел Орлеаном, владел всей Южной Францией. В 1429 году Орлеаном всё ещё владел дофин Карл.

Орлеану довольно долго удавалось оставаться в стороне от войны. Город просто-напросто платил англичанам примерно по шесть тысяч золотых в год, чтобы его не трогали. Но всё когда-нибудь кончается. К 1428 году Орлеан остался единственным крупным городом под властью французов, и пришёл, наконец, и его час изведать войну.

Английское командование решает захватить Орлеан и тем самым поставить победную точку в войне. Настоятельная необходимость звала их к тому. Дело в том, что, несмотря на общий победоносный ход действий для англичан, война затянулась уже до неприличия. Это вело к подорожанию товаров и росту налогов в Англии. И англичане всё более и более выражали своё недовольство.

Всё шло к тому, что, одерживая победу за победой на поле боя, Англия в конце концов рухнет под тяжестью экономических проблем.

Регенту английского престола герцогу Бедфорду всё труднее и труднее становилось утверждать военные расходы в парламенте. И в конце 1428 года настал момент, когда парламент отказался вотировать новые расходы на войну. Парламентарии потребовали от военных объяснить, как они намерены, чёрт возьми, заканчивать эту войну, если вообще намерены.

Закончить же войну можно было только одним способом – взять Орлеан. После чего у до-

фина Карла не осталось бы ни одной крепости, пригодной для хоть какого-то сопротивления. Война была бы закончена. И Франция исчезла бы с карты мира.

Правда, одно обстоятельство морально мешало англичанам атаковать Орлеан. Дело в том, что этот город входил во владения герцога Орлеанского. А сей герцог находился во владении англичан, то есть в плену. Для рыцарского же менталитета нападать на владения пленника было делом бесчестным.

Однако политическая и экономическая ситуация в Англии сложилась такая, что вопросы чести волей-неволей отошли на второй план. Лучшим выходом представлялось атаковать Орлеан...

План кампании герцог Бедфордский доложил парламенту, и депутаты скрепя сердце утвердили его финансирование. При этом парламент настоял, чтобы армию возглавил не граф Уорик – знатный человек, но малодаровитый командир, а молодой, талантливый и решительный Томас Солсбери.

Герцога Бетфордского больше бы устроил граф Уорик. Поручать армию Солсбери он считал опасным... для себя в первую очередь. Герцог не очень ладил с восходящей звездой Томасом Солсбери. Дать своему политическому противнику возможность снискать славу человека, поставившего победную точку в войне, не входило в планы герцога. А в том, что Солсбери без труда овладеет Орлеаном, Бедфорд ничуть не сомневался, как, впрочем, и никто из англичан.

Однако свою нелюбовь к Солсбери регенту пришлось отложить. Англия не та страна, где можно перечить парламенту.

24 марта 1428 года между парламентом, регентом и Томасом Солсбери был подписан контракт командующего, по которому Солсбери получил право нанять на Британских островах шесть рыцарей, пятьсот пятьдесят четыре пеших тяжёлых латника и полторы тысячи лучников. Этот корпус поступал под начало сэра Солсбери на год, считая от 30 июня 1428 года. Фактически набрать получилось несколько меньшее количество людей. Так что Солсбери отбыл на материк, имея всего около полутора тысяч воинов.

Несмотря на то, что парламент утвердил смету расходов, деньги поступали скудно. Пришлось обратиться к ростовщикам. Причём сам регент был вынужден заложить им свою золотую и серебряную посуду и драгоценности.

Высадившись в начале июля в Нормандии, Томас Солсбери с присущей ему энергией принимался решать кадровую и финансовую проблемы за счёт французских владений Англии. Из местного парламента – Генеральных штатов было выбито разрешение на сбор дополнительного налога в общем размере шестьдесят тысяч ливров. Однако сэру Солсбери показалось этого мало, и он снова обратился к Генеральным штатам. Те оказались значительно сговорчивей английского парламента и ввели новый сбор, давший ещё сто восемьдесят тысяч ливров. Этими двумя сборами города севера Франции были буквально ограблены.

В Нормандии Солсбери нанял дополнительно пятьсот пеших латников и две тысячи лучников. Затем он выступает в Париж и производит ещё один набор войск, уже среди этнических французов.

Доведя к августу личный состав примерно до десяти тысяч бойцов, сэр Солсбери объявляет всем, что выступает на... Анжу. Это совсем не Орлеан. Это гораздо западней.

Так Солсбери пытался ввести противника в заблуждение. Дело в том, что и на Орлеан, и на Анжу из Парижа сначала надо было двигаться на юг по одной и той же дороге. Английский командующий решил оставлять орлеанцев как можно дольше в блаженном неведении.

Но это ему не удалось. То ли разведка сработала, то ли в Орлеане такие прозорливцы сидели, но англичане ещё от Парижа не отошли, как в Орлеане всем уже было точно известно: не на Анжу, а на них пойдёт Солсбери. Город начал изо всех сил готовиться к битве.

Отметим с симпатией: для начала активной работы Орлеан совсем не ждал указов от дофина-батюшки. Благодаря широкому местному самоуправлению жители города обладали достаточной гражданской сознательностью, чтобы действовать самостоятельно.

Закупаются зерно, свиньи, скот, рыба, продукция складывается, коптится, засаливается, вялится, сушится.

Горожане обновляют укрепления, углубляют рвы, усиливают бойницы и навесы над городскими стенами. Организовано производство зарядов для артиллерии. За пятьсот ливров золотом было закуплено двадцать пять тысяч стрел с наконечниками для арбалетов и пятьдесят тысяч стрел с наконечниками для луков (позднее, уже в разгар осады, докупили ещё примерно столько

73

же). Формируется ополчение в пять тысяч человек. Командовать ими поручается Раулю де Гокуру – городскому балю. Сей пост означал королевского наместника в городе.

Гокур разделил стены на шесть участков обороны. Кроме того, из мужчин, не попавших в ополчение, де Гокур сформировал пять ремонтных команд, обязанных чинить укрепления, тушить пожары, бороться с подкопами и самим вести подкопы. Женщинам и подросткам было вменено в обязанность доставлять на стены всё необходимое воинам и заботиться о раненых.

Гонцы с просьбой о помощи направлены в соседние города, оттуда приходят отряды добровольцев.

Защищать стены – это полдела. Нужно ещё делать вылазки, биться на подходах к городу, контратаковать. То есть драться вне стен. А для битвы в поле ополчение малопригодно. Но других бойцов нет: Орлеан, как и многие другие города Франции, в качестве муниципальной привилегии выбил себе у королевской власти право не содержать армию. Право это Орлеан получил ещё до начала Столетней войны и с большим удовольствием им пользовался, не давая ни гроша денег и ни булки хлеба французской армии. Теперь вдруг выяснилось, что армия всё же нужна.

Орлеан шлёт гонцов к дофину с просьбой прислать профессиональных воинов, а город, так и быть, будет их содержать.

Орлеанский муниципалитет и сам приступил к поиску, выражаясь современным языком, «левых командиров» с их отрядами, что в изобилии расплодилось тогда во Франции. По условиям найма бойцов кормили и платили: четыре ливра в месяц латнику и девять ливров в месяц стрелку. Желающие нашлись быстро, в город потянулись отряды опытных головорезов всех наций и мастей. Уже к лету их насчитывалось около трёх тысяч человек.

Прибыли и королевские войска. Отряд тяжёлых всадников с пешим войском из шотландских стрелков и итальянских арбалетчиков возглавлял незаконнорождённый брат дофина Жан де Дюнуа.

Понимая всю значимость Орлеана, Карл и позже не скупился на подкрепления.

Жан де Дюнуа считался командующим обороной Орлеана, но был таковым лишь формально. Гарнизон города состоял из пятнадцати отрядов, подчиняющихся своим командирам. Чтобы организовать, например, вылазку, Дюнуа приходилось отдельно уговаривать каждого.

Очевидно, поэтому, имея численный перевес над противником, французы терпели поражение за поражением. У англичан ведь командующий был отнюдь не формальный, а единственный и полновластный.

Действовал он так. Выступив из Парижа в конце августа, англичане к началу сентября достигли бассейна Луары западной Орлеана. Там они повернули на восток и начали захватывать один город за другим, обеспечивая себе тыл и фланг. Последней преградой на пути к Орлеану вдоль Луары оставался город Менг. Однако его жители меньше всего на свете были склонны служить кому-либо преградой. Они сдались на милость победителю. Вместе с городом в руки ликующего Солсбери попал и удобный мост. Теперь англичане получили возможность наступать по обоим берегам реки.

1 октября они овладели городом Клери. Он стратегической роли не играл вовсе. Зато был знаменитым на весь юг Франции религиозным центром. В соборе Нотр-Дам-де-Клери находилось множество священных реликвий и останков месточтимых святых. Паломники стекались сюда со всей Южной Франции, оставляя в казне собора немалые деньги. Сэр Солсбери не замедлил убедиться в этом лично, прибыв в Клери. Осмотрев убранство собора и его казну, английский командующий тут же ощутил острую нехватку средств на войну и, не моргнув глазом, разграбил собор до нитки. Надо сказать, это происшествие потрясло всю Францию.

Когда англичане двинулись по Луаре на восток, исчезли последние сомнения: час Орлеана пробил! Немедленно приступили к беспощадному уничтожению всех строений в окрестностях города, чтобы англичане не нашли стройматериалов для осадных работ и жилья на зимний период. Были уничтожены все селения, а также церковь и монастырь францисканцев.

12 октября 1429 года жителей Орлеана разбудил набат. Дозорные заметили на левом берегу передовые отряды врага. Вообще-то орлеанцы не ждали приступа с юга. Но отреагировали быстро, вышли из города и полностью разрушили южное предместье – Портеро.

Разведка сообщила, что основные силы англичан по-прежнему надвигаются по берегу и уже в полупереходе от Орлеана. Решено было встретить противника на дальних подступах.

Холмистый гребень высотой полтора километра, минутах в пятнадцати ходьбы от города,

назывался Гора Сен-Лоран. Он господствовал над всем правобережьем Орлеана. На нём французы заняли оборону.

К вечеру 12 октября англичане, подойдя к городу, сходу атаковали Сен-Лоран и после ожесточённого боя сбили с высоты французов, которые отошли под защиту стен. В первый же день осады возвышенность оказалась в руках англичан. Они установили на горе пушки и приступили к обстрелу. В город полетели шестидесятикилограммовые каменные ядра.

Так 12 октября 1428 года первые выстрелы английских бомбард возвестили о начале осады. «Хроники Орлеана», педантично записывающие его историю по дням, сохранили имя и первой гражданской жертвы осады. Это была женщина по имени Бель, жившая в районе под названием Шенно. Её убило ядром.

Но Солсбери вовсе не собирался брать город измором. Надвигающаяся зима обещала быстрее выморить англичан, чем французов. В планах был штурм.

Неделю Солсбери потратил на осмотр городских укреплений, после чего пришёл к выводу, что Турель есть ключ к Орлеану. Забегая вперёд, скажем, что Жанне, чтобы прийти к тому же самому выводу, понадобился всего один день.

17 октября, устроив мост из обозных телег, англичане переправляют значительные силы с правого на левый берег Луары и вступают в разорённый Портеро. Теперь Турель прямо перед ними.

С этой же даты обстрелы становятся ежедневными. Очевидно, к городу подтянулись все английские тяжёлые бомбарды.

Каменные стены Турели прикрыты от ядер высоким валом. Следовательно, прежде чем брать саму Турель, необходимо овладеть валом. Солсбери командует: «В атаку!». 21 октября англичане, изготовив много штурмовых лестниц, бросаются на вал. Но тщетно. После яростной схватки они были отброшены, потеряв двести сорок человек. Тогда англичане отказываются от лобового штурма и начинают минные работы.

Потратив два дня на подведение подземных ходов к валу, 23 октября они закладывают под него взрывчатку и разносят это укрепление на камешки.

Французы отступают в самую цитадель. Англичане подтягивают артиллерию и ведут массиво-

ванный обстрел Турели. В ночь с 23 на 24 октября, не выдержав непрерывного обстрела и понеся тяжёлые потери, французы оставили Турель и ушли в город. Таким образом, всего лишь за десять дней боев англичане овладели всеми опорными пунктами французов вне города, загнав их за городские стены. Блестящий результат! Сэр Солсбери имел все основания гордиться собой и своей армией. Да и широкий каменный мост через Луару теперь, после взятия Турели, считай что в английских руках. Что же ещё надо для успешного штурма?

24 октября было воскресенье. Воевать в такой день грешно, да и небольшую передышку перед решающим приступом устроить надо. В этот день сэр Солсбэри решил осмотреть захваченную Турель, а заодно и полюбоваться с её стен прекрасными видами Орлеана. Он там – как на ладони.

В сопровождении командира нормандской конницы Вильяма Гласдейла сэр Солсбери проследовал на Турель. Там благодать. Солнышко осеннее светит. Птички поют. Тишина вокруг. Из Орлеана слышен колокольный звон, призывающий горожан к воскресной мессе.

И вдруг на стене города – одинокая вспышка, звук грома, свист ядра – и сэр Солсбэри падает. Половина его головы начисто снесена единственным ядром, выпущенным в тот день орлеанцами. Ну бывает же такое!

Кто был этот снайпер, спасший Орлеан? «Хроники Орлеана» рассказывают следующее. В тот день люди собрались в церквях, молясь о спасении города. На стенах остались часовые. Если то, что произошло дальше, и есть ответ на молитвы, то стоит заметить, что Господь обладает изрядным чувством юмора.

Внезапно один из часовых остро захотел сходить в туалет. Он плюнул на караульный устав и помчался в ближайшую башню, в отхожее место. Достигнув сей земли обетованной и приступив к делу, караульщик вдруг услышал прямо из-за стенки грохот пушечного выстрела. Подскочив и даже не надев штаны, часовой вылетел из башни и увидел в клубах порохового дыма, как от ближайшей пушки опрорхнуть убегает какой-то мальчишка.

Вот так внезапная диарея и какой-то орлеанский сорванец на паях ухлопали сэра Солсбери, лишили английскую армию командующего, герцога Бедфорда, – опасного политического противника и избавили Орлеан от штурма.

75

На следующий день в Орлеан прибыло сильное подкрепление, посланное из Шинона дофином Карлом. Это были гасконцы во главе с Ла Гиром и шотландские стрелки. Общая обстановка для французов резко улучшилась.

После гибели Солсбэри англичане забыли и думать об Орлеане. Два самых знатных командира в их армии, сэры Гласдейл и сэры Толбот, тут же начали выяснять, кто из них больший сэры? То есть кому заступать на место Солсбери?

Вдобавок начались сплошные осенние дожди. Зима была на пороге. Сэры выясняли «а ты кто такой?», солдаты же сначала помаленьку, а потом всё больше и больше начали дезертировать.

Когда в пелене дождя растворилась половина армии, Толбот и Гласдейл немного очухались и решили временно прекратить споры и отвести войска на зимние квартиры. У Орлеана остался только гарнизон Турели в пятьсот человек под командованием Гласдэйла.

Однако вскоре ситуация изменилась. К городу прибыл новый английский командующий герцог Уильям де Ла Поль. Он выводит остатки армии с зимних квартир опять под стены города.

Де Ла Поль счёл, что наличных сил не хватит для штурма. Он решает замкнуть город в кольцо, и пусть обстрелы и голод сделают своё дело. Начинается война кирками и лопатами. Англичане один за другим возводят форты, перекрывавшие дороги в Орлеан и отрезавшие его от внешнего мира.

Французы делали вылазки, атаковали английские укрепления, жгли и уничтожали окрестные строения, чтобы лишить врага стройматериалов. Весь декабрь французы штурмуют укрепления Сен-Лоран и Турель. Безуспешно.

Англичане упорно продолжают сжимать кольцо. В январе воздвигнуты укрепления Руан и Париж, отрезавшие дороги на север от Орлеана. Затем англичане соединяют все укрепления на северном берегу между собой системой окопов. Но неустанная борьба французов, их постоянные контратаки всё-таки дали свои плоды. Англичане так и не смогли перекрыть восточные пути в Орлеан, и он снабжался через Бургундские ворота.

Но ядра летели постоянно, город мало-помалу разрушался, и люди на его улицах гибли каждый день. В то же время осаждающие и осаждённые любезно обменивались друг с другом

праздничными подарками и прочими знаками внимания. Так, под Новый год де ла Поль послал Дюнуа корзину слив, фигов и винограда. Бастард любезно отдарился, направил тому штуку дорогого сукна.

Дважды военные действия прерывались для проведения... рыцарских турниров. На них англичане бились с французами. Как будто без турнира им подраться негде было! А жители города с удовольствием наблюдали за этим зрелищем.

На Рождество по просьбе англичан военные действия были вообще приостановлены. Более того, у стен города в честь Рождества был дан совместный концерт. Орлеанский оркестр вышел из стен и присоединился к английскому оркестру. Так они весь день и играли, к удовольствию обеих сторон.

Война идёт без взаимного озлобления. Осада, похоже, воспринимается участниками как нечто обыденное, чем можно заниматься вполне бесстрастно.

2 января в город заходит ещё один отряд шотландских стрелков. Они принесли с собой радостную новость. Дофин Карл тщательно поскрёб по всем сусекам и послал к Орлеану уже не отдельный отряд, а сильное четырёхтысячное войско. Во главе его стоит молодой Шарль де Бурбон, граф Клермонский.

Эти новости заметно подняли настроение у осаждённых. С прибытием Клермона у французов должно было возникнуть численное превосходство. Теперь можно было думать и над полным снятием осады. Но в дальнейшем дела пошли так, что ситуация для Орлеана не улучшилась, а ухудшилась. И значительно.

11 февраля 1429 года, когда войско Клермона было ещё на подходе, в Орлеан поступило известие: с севера к англичанам движется крупный обоз с продовольствием. Его сопровождают не более тысячи воинов.

Дюнуа тут же загорелся идеей разбить этот обоз. Это бы очень осложнило жизнь англичанам. И, возможно, заставило бы их задуматься о том, чтобы убраться из-под Орлеана подальше.

Англичане тоже знали о скором прибытии крупного французского подкрепления. Это их крайне тревожило. Дюнуа поделился мыслями со своими командирами и нашёл у них полное понимание.

В ночь на 12 февраля из Бургундских ворот вышла двухтысячная колонна и тайно двинулась

на север. Командовал ею сам Дюнуа. Кроме его отряда, в этот сводный корпус входили шотландцы под командованием Вильяма Стюарта и гасконцы под командованием, разумеется, Ла Гира.

В полдень авангард, состоявший из гасконцев, наткнулся у деревни Руврэ на английский обоз, двигавшийся на юг неторопливой длинной кишкой. Гасконцы извещают об обозе основные силы. Французы быстро стягиваются и готовы атаковать. Разгром англичан кажется неминуемым. Мало того, что численный перевес за французами, так они ещё и застали противника на марше. Растянутым, не организованным для отпора.

Но, к великому удивлению англичан, противник не атакует, а встал и чего-то ждёт. Ну а сами они ждать не собирались. Они быстро устроили из телег ограду, за которой укрылась их немногочисленная конница. Затем лучники споро соорудили частокол из кольев, что специально для подобных случаев везли с собой, и построились за ними.

Собственно, теперь французам можно уже было и не атаковать. В похожем случае, при Азенкуре, атака конницы на укрепления и лучников обернулась для французов полнейшим разгромом.

В чём же дело? Чего ждали французы? А они ждали графа Клермона. Конечно, и без него бы не побоялись атаковать. Но дело в том, что одновременно с обнаружением обоза к Дюнуа прискакал гонец от Клермона с требованием ни в коем случае не начинать бой до его подхода. Молодой граф, очевидно, перепутал войну с охотой и решил тоже во что бы то ни стало принять в этой приятной забаве участие.

С чем перепутал войну давно воевавший Дюнуа, неясно, но он просьбу Клермона выполнил. Поэтому французы застыли как вкопанные, дав возможность противнику прийти в себя и изготавиться к обороне.

Итак, два войска застыли друг против друга. И стоят. Англичане ждут атаки, французы ждут Клермона. Это безумие продолжалось два часа.

Наконец, у командира шотландцев Стюарта терпение лопается, и он командует: «В атаку!». Шотландцы устремляются вперёд, но стрелы обозников выкашивают их целыми рядами. Шотландцы бегут.

Слово берёт гасконская конница. Результат тот же. Гасконцы рассеяны стрелами и обращены в бегство.

Теперь в бой, уже совсем непонятно зачем, ринулась рота тяжёлых всадников Дюнуа. Той удалось прорваться сквозь ливень стрел к частоколу. Но здесь они были атакованы во фланг и тыл вышедшей из укрытия английской конницей. Французы окружены. Дюнуа ранен. Он попал бы в плен, если бы не Ла Гир.

Гасконец сумел собрать часть своих разбегающихся подчинённых и поспешил на помощь Дюнуа. Удар гасконцев опрокинул англичан и позволил французам выйти из кольца. Гасконцы продолжили бой, прикрывая отступление остатков французского войска. И почти все погибли при этом...

Всего за этот бой французы потеряли только убитыми более пятисот человек. Так во французскую военную историю была вписана её самая позорная страница. Английский продовольственный обоз наголову разгромил численно превосходящего противника. Битва селёдок – так прозвали это сражение современники: основным грузом обоза была солёная и копчёная сельдь.

А что же граф Клермон? Он так и не появился на поле битвы. На подходе ему попались разбежавшиеся шотландцы и гасконцы. С их слов Клермон понял, что там творится, и струсил. Он немедленно повернул к Орлеану и укрылся за его стенами.

Когда Дюнуа со своими вернулся в город и застал там воинов Клермона, уже как ни в чём не бывало приступивших к еде, гневу его не было предела. Состоялся крупный разговор с графом, в результате которого всего через пару дней Клермон покинул Орлеан и увёл с собой всю свою армию...

Теперь ситуация стала крайне критической. Битва селёдок не только принесла французам большие потери, но ещё и подорвала моральный дух.

Скоро город покинули ещё несколько командиров со своими отрядами. Ушёл и отважный Ла Гир. Его гасконцы были почти все перебиты в этом злосчастном сражении, и он объявил, что уходит набирать новый отряд, но обязательно вернётся. Не очень-то ему и поверили, но, как увидим, обещание своё он сдержал.

Французские вылазки за стены прекратились. Некому стало выходить. Пользуясь этим, англичане возобновили работы по окружению города. Они построили укрепление Сен-Лу на холме на-

против Бургундских ворот. Теперь кольцо замкнулось окончательно. Орлеан был отрезан от мира и с востока. Началась блокада. И к смертям от артогня прибавились смерти от голода.

Всем стало ясно – Орлеан накануне падения. Городской магистрат попробовал вступить в переговоры с герцогом Бургундским и отдаться под его власть. Тому идея понравилась, но он наткнулся на непонимание у своих союзников англичан. Бургундцу было заявлено, что англичане не для того лили под Орлеаном пот и кровь, чтобы взять и подарить ему город.

Правда, совсем рук орлеанцы не опустили. 27 февраля 1429 года они добились даже некоторых успехов. В тот день Луара, и без того широкая, сильно разлилась. Под угрозой затопления оказались английские осадные укрепления. Англичане схватились за лопаты и работали как проклятые, чтобы их спасти. Французы же весь день обстреливали их из всего, что в городе стреляло. В итоге им удалось разрушить одну из стен Турели. Полегчало не очень, но всё равно приятно.

А в городе зрела измена. 9 марта, по словам «Орлеанской хроники», *«в среду несколько французов открыли, что у Орлеанской Богательни, что рядом с воротами Паризи, стена была пробита почти насквозь и устроена дыра, достаточная, чтобы пропустить вооружённого солдата. Но затем на месте этой дыры была устроена новая стена, в каковой были сделаны две бойницы...»*

Как только это открылось, управитель богательни тут же бежал из города, опасаясь вполне заслуженной им петли.

Этот бежал, а сколько подобных ему осталось и ждало момента? А если даже таких и не было, то орлеанцы вполне могли полагать, что предатели в их стане имеются. Это, конечно, сильно угнетало и без того падающий не по дням, а по часам дух осаждённых.

Именно в этот тяжелейший момент, когда на город опустилась полная безнадёга, вдруг молнией блеснула весть: Дева из Лотарингии, о которой Франция грезила последние четыре десятка лет, наконец-то появилась и идёт к ним на помощь!

Жанна в тот момент ещё только миновала город Жьен. Она ещё до дофина не добралась, а по Орлеану уже, как пожар, неслись слухи. И в бедных кварталах, и в богатых особняках только и разговоров: Дева уже здесь. Дева грядет!

Из Блуа, где Жанна собрала свою армию, к Орлеану можно двигаться двумя дорогами. Одна идёт по северному берегу Луары, другая – по южному. По любой из дорог два дня пути, но та, что шла по северному берегу, выводила прямо к городу. Однако если выбрать её, придётся миновать сначала занятые англичанами города Божанси и Менг, потом, на подступах к Орлеану, – три английских форта и в завершение прорываться сквозь английские позиции у стен города.

Дорога по южному берегу безопасна, но требует два раза переправить армию и обоз через реку. Один раз в Блуа с северного берега на южный, второй раз у Орлеана – обратно.

Допустим, переправиться в Блуа проблем нету, потому что есть мост. А как быть при подходе к Орлеану? Единственный мост там под контролем англичан, захвативших Турель. Значит, надо переправляться подручными средствами. И сколько же их потребуется для четырёх тысяч бойцов, тысячи коней, нескольких сотен голов скота, пяти тысяч обозных телег и обозных слуг?

Не знаю, как и чего считал Бастард Дюнуа, но в своих посланиях он настойчиво советовал армии двигаться по южному берегу.

Утром 27 апреля армия Жанны перешла на южный берег Луары и двинулась к Орлеану. Вечером 28 апреля, в четверг, она была у города.

Дюнуа, разумеется, заранее был извещён о подходе армии. И с досадой понимал, что допущена ошибка. Армию невозможно будет переправить через Луару. Во-первых, он явно переоценил количество средств переправы, имеющих в распоряжении Орлеана. Несмотря на все усилия, удалось собрать в городе только сотню лодок и три парома. Потребовалась бы неделя, а может, и больше, чтобы переправить всех таким скудным составом плавсредств. Во-вторых, резко ухудшилась погода. Шёл непрерывный дождь и дул восточный ветер. А для того чтобы на лодках переправлять войско, требовалось грузиться к западу от города и плыть под парусом и на вёслах к востоку и уже там выгружаться, чтобы войти в Орлеан через восточные ворота. Это значило идти против течения, что вполне возможно. Но плыть против ветра делало бы всю затею невозможной.

Ну а почему нельзя грузиться с востока, чтобы просто пересечь реку – и дело с концом? Увы, это исключалось, потому что как раз у мест, удобных для погрузки в лодки, англичане не так

давно возвели ещё один форт – Сен-Жан-ле-Блан. Дюнуа понял, что идея с переправой провалилась, и отплыл навстречу подошедшему войску в весьма дурном настроении.

Зато у горожан, вышедших проводить Бастарда, настроение было прямо противоположное. Они знали, что Дева подошла к городу, и ликовали как при известии о Втором пришествии.

По словам орлеанского купца Жана Люилье: *«Все жители города с нетерпением ожидали прихода Девы, по причине её славы и известия о том, что она послана Богом. А мы все к тому времени были уже доведены до такого отчаянья, что не ждали помощи ни от кого, кроме как от Бога».*

Дюнуа переплыл реку без приключений. Ему как раз ветер был попутным, а англичане не могли видеть его лодку благодаря нескольким крупным покрытым густым лесом островам. Умело маневрируя между ними, можно было плавать сколь угодно, оставаясь для противника невидимым.

Ну а что же Жанна? Она была в ярости! Как только она поняла, что переправы нет, а поняла она это сразу, сошла с коня и, замкнувшись в мрачном молчании, стала ожидать орлеанскую делегацию.

Дюнуа со свитой высадился на берег, отыскал глазами маленькую фигурку в серебряных доспехах, понял, что это и есть та, на которую молится Орлеан, подошёл к ней и учтиво преклонил колено. А поднимаясь, наткнулся на взгляд, устремлённый из-под поднятого забрала. Его словно молнией пронзило от вида чёрных пылающих гневом глаз.

– Вы Орлеанский Бастард? – осведомилась Жанна далеко не нежным голосом.

Дюнуа подтвердил, что, да, он.

– Это вы советовали мне идти левым берегом? – снова недружелюбно уточнила Жанна

Дюнуа только развёл руками.

– Вы обманули меня! – чуть ли не прошипела Дева. – И если ещё раз осмелитесь это сделать, я вас повешу, милый Бастард. Высоко и быстро.

Дюнуа тогда это позабавило. Насмешило и других высокородных рыцарей, на тот момент так же плохо, как Дюнуа, знавших Жанну. А среди той свиты, что проделала путь в шестьсот километров вместе с Жанной из Вокулёра в Шинон, не засмеялся и не улыбнулся никто. Они уже отлично Деву знали.

Осталым только предстояло узнать её с этой стороны поближе. И мы, зная её, можем подтвердить – вешать, и не поодиночке, а гроздьями, её никогда не смущало.

Формула повешения, случайно рождённая гневом Жанны на берегу Луары, – «высоко и быстро» – очень скоро вошла во французские законы. С тех самых пор вплоть до изобретения гильотины при вынесении приговоров о смертной казни через повешение судьи писали: «Повесить высоко и быстро».

Когда в дальнейшем Жанна начнёт вешать «высоко и быстро», все вокруг будут умиляться её милосердием и считать это ещё одним доказательством того, что она истинно Дева, посланная Богом. Вы удивлены? Не понимаете, в чём тут милосердие? А посмотрите на это глазами средневекового человека. Ведь в то время «быстро» было казнить не принято. Казнили медленно. Со вкусом, наслаждаясь муками жертвы. Повесят, потом полузадохшегося из петли вынут, дадут отдышаться, снова повесят и снова не дадут умереть – вынут из петли и вспорют живот, вытянут кишки и снова повесят. Так что нарисованный древними хрониками и преданиями образ милосердной Девы правдив.

79

Однако надо было срочно что-то решать. Дюнуа предложил: Жанна и он отплывают на лодке в Орлеан, часть обоза с охраной следует дальше на восток и там, у местечка под названием Застава Буше, переправляется на северный берег. Правда, они оказываются неподалёку от самого восточного английского форта Сен-Лу, но можно провести отвлекающую атаку и дать возможность телегам проскочить в город.

А остальной обоз? А войско? Им придётся возвращаться обратно в Блуа, переправляться там на северный берег и по нему идти на Орлеан. Это ещё минимум пять дней.

Жанна скрепя сердце принимает этот план, но с одной поправкой – она не бросит войско в таком трудном переходе. Ведь после переправы им придётся возвращаться мимо врага, проходить рядом с захваченными городами. Мало ли что может случиться! Нет, она пройдёт этот путь вместе со всеми и вместе со всеми вступит в Орлеан или вместе со всеми погибнет, если так суждено.

Дюнуа вспомнил орлеанцев, провожавших его на встречу с Девой. Представил, как они ждут, чтобы он возвратился с ней, потом представил, что сделают добрые горожане с тем, кто

Деву им не привезёт, а наоборот, отправит её обратно в Блуа. Ужаснулся. И снова кинулся на колени, умоляя Жанну переправляться с ним в Орлеан сегодня. Очевидно, он был очень красноречив и убедителен, описывая с каким нетерпением Деву ждут в Орлеане. Жанна согласилась.

– Хорошо. Давайте переправляться. – И направились к лодке.

Окружающие опешили. Переправляться прямо сейчас? При встречном ветре? Это невозможно. Теперь Дюнуа пришлось уговаривать Жанну потерпеть до вечера. Глядишь, к ночи ветер переменится, и вот тогда... Но Жанна больше не намерена ждать.

Глядя в глаза Дюнуа, она отчеканила:

– Ветер переменится прямо сейчас, милый Бастард.

И действительно, только Жанна ступила на борт лодки, как стихли и ветер, и дождь. Рёв восторга прокатился по французскому лагерю – вот ещё одно доказательство, что она истинно Дева, посланная Богом!

Эпизод со внезапным изменением погоды зафиксирован минимум в трёх источниках. Все записи сделаны очевидцами этого события. Значит, это не позднейшая выдумка, не одна из многочисленных легенд о Жанне, а в какой-то степени подлинный факт. Как же его объяснить?

Объяснение может быть только одно: во время разговоров Жанна внимательно следила за небом и по каким-то приметам определила скорую перемену погоды.

Если же отойти от материализма... Впрочем, возникающие тогда объяснения могут подойти только для Жития святой Жанны, а таковые я писать не намерен. Хотя, несомненно, именно такие объяснения и были даны всеми очевидцами. Как с французской, так и... с английской стороны. И последнее было даже важнее, чем первое.

Как бы то ни было, они поплыли. На двух лодках. В одной – Дюнуа и Жанна. Во второй – её телохранители. По дороге Жанна подробно расспрашивала Дюнуа о положении в Орлеане. Как обстоят дела с продовольствием? Что собой представляют английские укрепления? Сколько примерно сил у противника? Не слышно ли чего о подкреплениях для англичан?

На последний вопрос Дюнуа ответил, что ему ничего не известно. Жанна возразила: ей известно о том, что целая армия во главе с прославленным полководцем Фальстолфом движется к Орлеану. Откуда ей это известно?

Жанна ответила так, как всегда отвечала и всегда будет отвечать в подобных случаях:

– Мои голоса сказали мне об этом. – И добавила: – *Пошлите людей и следите, тщательнее следите за передвижениями Фальстолфа.*

К вечеру лодки причалили к северному берегу примерно в шести милях восточнее Орлеана. Там было небольшое местечко под названием Шеси. Здесь должна была переправиться часть обоза с южного берега. Сюда и приказала плыть Жанна, заявив, что хотя бы без части своего обоза она в город не зайдёт. Пришлось в Шеси заночевать, ибо обоз всё ещё копался на том берегу, налаживая переправу, и раньше следующего дня, 29 апреля, оказаться в Шеси никак не мог.

Дюнуа беспокоил английский форт Сен-Лу, что громоздился милях в трёх восточнее. Не вызывать ли сюда отряд арбалетчиков из Орлеана? Вдруг англичане из Сен-Лу попробуют помешать переправе или, чего доброго, прослышав, что Дева рядом с ними в беззащитной деревушке, нападут на Шеси? Жанна запретила Дюнуа дёргать солдат из Орлеана. Её голоса, заявила она, сказали, что всё будет в порядке, и нечего попусту тревожить людей среди ночи.

Заночевали в домике зажиточного горожанина Гюи де Кайи. Вернее, его звали просто Гюи Кайи. Без всяких там «де». Ибо дворянином он не был, а был богатый рыбак, который досель поплёвывал на всю эту военную кутерьму, исправно снабжая свежей рыбкой обе воюющие стороны, и жил себе припеваючи. Но после ночи, что провела Жанна под его крышей, человека как подменили.

Утром он пал перед Жанной на колени и сказал, что просит разрешения у Девы следовать за ней.

– Куда? В Орлеан? – не поняла Жанна.

– Повсюду, куда бы Вы ни приказали! – воскликнул Гюи.

И с этого времени он действительно неотрывно сопровождал Жанну во всех её военных кампаниях.

Причины, побудившие его так резко изменить свой образ жизни, славный Гюи Кайи описал через три месяца после этих событий. Он направил письмо королю Карлу VII с рассказом о том, что видел своими глазами той ночью.

А видел он *«трёх сверкающих архангелов с огненными мечами, что стояли в изголовье спящей Девы»*.

Письмо это было написано на пике славы Жанной. Славы уже не французской, а общеевропейской. И все, а уж коронованный Жанной Карл в особенности, готовы были поверить чему угодно про эту девушку. Король поверил Гюи Кайи сразу и безоговорочно. И даровал ему дворянство. Этот Акт Карла сохранился до наших дней. В нём он дарует Гюи де Кайи дворянский герб с изображением *«трёх архангелов в пламенном сиянии, как в тот момент, когда означенный Гюи де Кайи видел их»*.

Как относиться к сему факту – решайте сами. Может, в ту ночь экзальтированное религиозное сознание Гюи действительно показало ему нечто, а может, он в тот день просто перебрал доброго французского вина.

Но, как бы то ни было, Жанна получила за здорово живёшь ещё одного преданного человека и бойца, а преданный человек и боец получил дворянство для себя и потомков. И так хорошо, и так хорошо.

...Разумеется, нечего было и думать, чтобы удержать в тайне факт переправы Жанны на правый берег и место её ночёвки. Поэтому прямо с утра пятницы 29 апреля дом Гюи Кайи стал настоящим местом паломничества.

Сотни орлеанцев, покидая город через восточные ворота, стекались в Шеси, чтобы хоть краем глаза взглянуть на Посланницу Божию и, если повезёт, коснуться её рукой. Пока что они, а не англичане стали основной проблемой для телохранителей Жанны. Англичане же сидели тихо и угрюмо в своём форте Сен-Лу. Они не сделали ни малейшей попытки напасть на Шеси или хотя бы пострелять по нему.

Арбалетчиков из Орлеана Бастарду всё же пришлось вызвать. Огромная и всё возрастающая толпа паломников начала создавать реальную угрозу если не самой Жанне, то её пути к Орлеану. Жанна как раз собралась в дорогу, так как обоз уже практически полностью переправился. А дорога от Шеси до Бургундских ворот наглухо забита толпами людей! Как тут проедешь? Сотня арбалетчиков и расчистила путь Деве.

Одновременно Дюнуа послал в Орлеан приказ Раулю де Гокуру (это капитан городского ополчения, если вы помните), чтобы он поднял на ноги всех своих бойцов и обеспечил безопасный и беспрепятственный проезд Девы через город. Ехать ей предстояло через весь Орлеан. От восточных, Бургундских ворот к западным,

Ренарским. Там располагался дом Жака Буше – одного из самых богатых купцов Орлеана. Можно сказать, местного олигарха. Кстати, может быть, стать самым богатым горожанином Буше помогла не только успешная торговля, но и тот факт, что он был ещё и казначеем Орлеана. Ему и была дарована честь принять под свой кров Посланницу Божию.

Глядя на беснующуюся толпу на дороге от Шеси к Орлеану, Дюнуа начал понимать, каких трудов ему будет стоить провезти Жанну через весь город.

Во второй половине дня Жанна с сопровождающими и обозом выступили в дорогу. Несмотря на все усилия арбалетчиков, продвигались крайне медленно, и в Орлеан Жанна вошла только в восемь вечера.

Стало смеркаться; у стражников, перекрывших всю центральную улицу, у свиты Жанны и у толпы в руках были горящие факелы. Впереди пажи Жанны везли её знамя и боевой штандарт. Затем ехала сама Жанна в доспехах, на белом коне, по правую руку от неё, чуть приотстав, двигался Орлеанский Бастард Дюнуа.

Дальше ехали телохранители Жанны. И замыкал столь пышную кавалькаду обоз.

Восторг, охвативший орлеанцев при виде Жанны, неопишимо – безумная экзальтация огромной толпы. Оцепление городской стражи было смято, и люди окружили кавалькаду.

«Орлеанская хроника» сообщает:

«Они ликовали так, словно с неба к ним спустился сам Господь. И не без причины – им пришлось вынести ранее множество тягот, забот и лишений, и что много раз хуже, постоянный страх быть брошенными на произвол судьбы. Потому они уже почти потеряли надежду на помощь и спасение.

Теперь же они чувствовали себя так, будто осада уже снята. Вот почему все они: и мужчины, и женщины, и дети – смотрели с такой любовью на эту девушку, в которой, как они были уверены, была заключена вся благодать Божия».

Разумеется, без происшествий тут обойтись никак не могло.

«Каждый хотел дотронуться до неё или хотя бы до её коня. Поэтому возникла чудовищная давка, и один из факельщиков случайно поджёг её штандарт. Тогда она пришпорила коня и так ловко погасила пламя, словно была опытным воином. Все, и солдаты, и горожане, сочли это великим чудом».

Шестые сквозз беснующуюся, вопящую и визжащую от иступлённого восторга толпу продолжалось. Оно длилось почти два часа. Только в одиннадцатом часу вечера Жанна вступила в дом Жака Буше. Там она, наконец-то, сняла доспехи. Впервые за четыре дня!

Как видим, для Жанны рыцарский доспех – словно вторая кожа. Она ездит в нём на коне, спит в нём, плавает в лодке. И только в роскошном жильё Буше она позволяет себе расслабиться. Жанна приняла горячую ванну, немного поела и легла спать.

А надо сказать, что Жак Буше был настолько богат, что у него в доме стояли аж две кровати! Да-да, целых две! Почти как у короля. Если вас удивило такое богатство, то скажу: в те времена кровати действительно были столь редки и дороги, что имелись только у самых богатых и знатных людей. Остальные спали на лавках, на полатах или на полу, подстелив под себя матрас. Ну а совсем бедные обходились и без матраса.

А у Жака Буше, стало быть, имелись две кровати. Наверное, когда орлеанские начальники выбирали место жительства для Девы, то это обстоятельство и склонило выбор в пользу местного олигарха.

На одной кровати спали Жак с супругой. Другой, к лютой зависти орлеанских девушек, владела дочь хозяев – Шарлотта. Разумеется, в честь прибытия Девы супруги Буше тут же вознамерились вышвырнуть доченьку куда-нибудь на лавку. Но Жанна их успокоила и сказала, что такой суеты ради неё не надо. Всё своё недолгое пребывание в Орлеане она делила постель с дочкой хозяев. У дверей спальни на матрасах, набитых свежей соломой, расположились паж Жанны Луи де Конт и её телохранитель де Олон. Так закончился первый день пребывания Жанны в Орлеане. Впереди их было ещё восемь.

ГЛАВА 11. ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

Кажется, в эту безумную ночь, с 29 на 30 апреля, кроме Жанны, в Орлеане больше никто и не спал. Возбуждённые толпы горожан шатались туда-сюда. Распевали псалмы, жгли факелы, размахивали оружием. Они готовы были прямо сейчас кинуться в бой на ненавистных гонимых, доставивших столько горя и страданий Орлеану. Ведь победа обеспечена, не так ли? Если посланница Божия явилась в город и готова сражаться на их стороне, то кого же орлеанцам бояться? Когда Бог за нас – то кто на нас?

Наверное, телохранителям Жанны пришлось в ту ночь изрядно понервничать. Кто их знает, этих рехнувшихся от счастья гонимых да пекарей, шильников да портных и прочих плейбейский сброд, рядом с которым благородному воину и стоять-то зазорно? Вдруг попробуют среди ночи ворваться в дом Жанны и потребовать, чтобы та вела их в бой прямо сейчас?

К утру, наконец-то, горожане немного утихомирились. Но ненадолго. С первыми лучами солнца Жанна проснулась и с небольшой свитой отправилась в церковь к заутрени. Это вызвало новый взрыв экзальтированного восторга горожан.

В церкви толпа затихла, благоговейно взирая на такую особенную молитву Жанны. Орлеанцы видели подобное погружение в общение с Богом впервые.

Пока Жанна молилась, гасконцы, под командованием Ла Гира, которому не сиделось на месте, сделали короткую вылазку и в лесу, примыкавшему к северной стене Орлеана, перерезали небольшой отряд англичан, рискнувших выйти за дровами.

Жанна после молитвы приступила к делам. Она направляет второе послание английскому главнокомандующему. В нём она сообщает, что она, Жанна, уже здесь, а значит, конец англичан близок, и снова просит убраться по-хорошему. Она требует вернуть гонца, что отвёз первое послание и был арестован, – иначе она завтра же развешает на зубцах городских стен всех английских пленников, которых она здесь обнаружила, в том числе пару знатных рыцарей. И приложила именной список этих потенциальных висельников.

Это ещё одна новинка от Жанны в военном деле. Позднее такой образ действий под названием «репрессалии» будет включён в Женевскую конвенцию о правилах войны. Репрессалии – это те меры, которые можно применять, если противник нарушает правила. В частности, можно взять и напоказ нарушить правила самому. Но это будет в XX веке, а Жанна додумалась до репрессалий в XV. И подействовало. Англичане отпустили гонца.

Вместе с ним они послали ответ Жанне. Ей ещё раз настоятельно советовали убраться домой и заняться своим прямым делом – пасти коров. А если она не послушается, то *«поймают грязную девку, сделают потаскухой и изжарят на костре»*.

52

Жанна, прочитав послание, пришла в ярость, поблуднела от гнева и процедила: «*Пусть попробуют поймать*».

Так закончился день 30 апреля.

На следующее утро Жанна решила показаться и отрядным командирам. Во главе с Дюнуа они собрались в доме мэра на улице Розы – обычное место для военных советов в дни осады Орлеана.

Собственно, никто туда Жанну не приглашал. Местные командиры Жанну ещё не знали в нужной степени и не считали необходимым её присутствие.

Жанна считала по-другому и предстала перед ними. Как обычно, в мужском костюме, но не в том, который носила раньше, а в новеньком, красно-зелёной расцветки – цвета Орлеана. Ещё одна маленькая загадка этой девушки. Где она его взяла? Как бы ни были талантливы портные города, вряд ли бы они сумели его сшить за одну ночь.

Жанна сразу же берёт заседание в свои руки и требует немедленно выплатить наёмникам задолженность по жалованью. Оказывается, вчера она не только молилась и вела переговоры с англичанами, но и собирала сведения о гарнизоне Орлеана. Солдатам не плачено уже три месяца! Разумеется, это никак не улучшало их боевой дух. Дюнуа попробовал возразить: в казне нет денег.

Жанна парировала: «*Есть деньги, милый Бастард. Я привезла с собой шестьсот туринских золотых фунтов. Этого вполне достаточно. Где они? Возьмите их и заплатите*».

Кажется, эти шестьсот фунтов были уже распределены по достойным карманам, минуя дырявые карманы рядовых бойцов. Поэтому требование Жанны вызвало возмущение собравшихся. Командир по имени де Гамаш подскочил и заорал, что он благородный рыцарь и не намерен подчиняться «*девке, которая раньше невесть кем была*».

Ла Гир выхватил меч. И быть бы рыцарю без головы, не вмешайся в дело Орлеанский Бастард. Он потребовал, чтобы де Гамаш просил у Девы прощения. Тот встал перед Жанной на колени и пробормотал что-то. Когда угроза кровопролития исчезла, совет продолжился в деловом ключе.

Ночью Дюнуа получил странное и тревожное известие. В Блуа, к которому уже подходила армия Жанны, чтобы переправиться на северный берег, зачем-то приехал дофин вместе с малым двором.

Что же тут тревожного? Дюнуа объяснил: армию могут задержать в Блуа, а то и вовсе не отпустить дальше. Жанна искренне удивилась. И Дюнуа пришлось объяснить Деве то, что в этом зале, кроме неё, было известно всем. При дворе есть влиятельные, очень влиятельные люди, которые вовсе не хотят победы Франции. Впрочем, победы Англии они тоже не хотят. А хотят они, чтобы эта война так и тянулась бесконечно. Без всяких побед и поражений. Им просто выгодна ситуация вечной войны. Уж больно жирные рыбы плавают в мутной воде.

Во главе этой партии стоял не кто иной, как коннетабль Франции де Ла Треймуль. Сия титулованная гадина, захватив фактическую власть при дворе Карла, без всякого смущения торговала с англичанами, снабжая войска, осаждающие Орлеан, различными припасами.

Появление Жанны слегка встревожило де Ла Треймуля, а когда он понаблюдал за этой девушкой с её сверхъестественными способностями, изрядно напугало.

А если эта таинственная посланница и впрямь разобьёт англичан? А вдруг и правда ей удастся короновать Карла в Реймсе короной французских королей? Что же тогда? А вот что – де Ла Треймуль лишится доходов от военных поставок англичанам. Соперник де Ла Треймуля – епископ Реймский де Шартр обретёт солидные доходы от своих пока что занятых англичанами земель и не менее солидный вес при дворе...

Ввиду таких тревожных перспектив де Ла Треймуль, очевидно, и решил вредить миссии Жанны чем только возможно. Заминка с движением армии к Орлеану, вынужденное возвращение войска давали ему шанс покончить с Жанной раз и навсегда. Надо было убедить дофина, что армию он доверил совсем не тому командующему. Девчонка даже провести её к месту боя толком не сумела. Необходимо задержать армию в Блуа, что равносильно поражению, ведь Орлеан вот-вот падёт, это всем известно. Надо только выиграть чуть-чуть времени.

С этой целью, похоже, де Ла Треймуль и убедил дофина ехать в Блуа встречать свою незадачливую армию. Скажем сразу, ничего у него не вышло. Ибо вслед за двором в Блуа немедленно выехал и епископ Реймский, который был хоть и несравненно беднее де Ла Треймуля, но не глупее. Он спешил в Блуа как раз с целью как можно быстрее выпихнуть армию обратно в Орлеан.

53

Армия вернулась в Блуа, вопреки надеждам де Ла Треймуля, а в удручённом неудачным походом состоянии, а в блестящем боевом виде. Возглавлявшие её командиры, особенно Алансон и Жиль де Ре, по-прежнему пылали энтузиазмом и рвались в бой. Да тут ещё и епископ примчался, начал благословлять направо и налево святое воинство.

В этой обстановке коннетабль интриговать не стал.

Но всего этого, конечно, не мог предвидеть Дюнуа. Его тревоги полностью разделяли остальные орлеанские командиры. До прихода Жанны на совет было уже решено, что Дюнуа немедленно выезжает в Блуа, чтобы воспрепятствовать надвигающемуся вредительству. Жанна беспокойство окружающих не разделила ничуть.

«Мои голоса сказали, что армия прибудет вовремя», – хладнокровно заявила она.

Однако окружающие ещё не имели возможности убедиться, что эти таинственные «голоса» не ошибаются никогда. И настаивали на поездке Дюнуа. Жанна не стала возражать, и в ночь с 1 на 2 мая он спешно отбыл в Блуа.

Пока Дюнуа готовился к трудной поездке, Жанна продолжила осмотр местности и вновь сделала попытку договориться с англичанами миром. На этот раз она направилась к южным воротам, выводившим прямо на мост. Южное окончание моста занимала громада Турели, которая, как мы помним, уже давно была в руках англичан.

Северный конец моста разобран французами, а берег укреплён фортом.

В Турели находился сильный гарнизон из пятисот мечников и лучников под командованием опытного командира сэра Гласдейла. В день 1 мая он был взбешён и смущён одновременно. Нынче ночью чья-то таинственная рука прикрепила к стене его комнаты пророчество Мерлина о Деве, призванной спасти Францию. Нет сомнений, что о происшествии очень скоро стало известно всему гарнизону Турели.

И само пророчество, и способ его появления на стене воинского духа англичанам не прибавили. И к вечеру английские дозорные видят с турельских стен, как на том берегу на укреплениях французского форта появляется небольшая фигурка в сияющих серебряных доспехах. Звонкий девичий голос вызывает Гласдейла на разговор.

Вот она – Французская Ведьма! Наконец-то англичане видят её своими глазами. Гласдейл

поднимается на стену. Ему самому не терпится взлечь на ту, о которой вот уже какую неделю только и говорят и осаждённые, и осаждающие.

– *Гласдейл!* – слышит он. – *Время англичан кончилось. Уходите с миром, откуда пришли. Если не уйдёте – вы все погибнете.*

– *Шлюха!* – орёт Гласдейл. – *Дрянь! Попадись нам на часок, и ты перестанешь быть девой!*

Сопровождающие Жанну смотрят, как она реагирует на эти слова. Жанна спокойна, видимых признаков волнения или гнева у неё нет.

– *Мне жалко вас!* – кричит она Турели. – *Жалко ваши души! Всё равно англичане уйдут от Орлеана. Но вы этого не увидите. И ты, богохульник Гласдейл, тоже!*

В ответ:

– *Убирайся пасти своих коров! Пока тебя не поймали и не сожгли.*

– *Вы лжёте,* – спокойно отвечает Жанна.

Поворачивается и уходит в город. Тяжёлые орлеанские ворота захлопываются за ней. И вздох облегчения – у орлеанцев. Наверное, Бог помутил разум и сковал волю англичан. Ведь Дева стояла прямо на валу, лёгкая мишень для лучника. В Турели их сотни. Опытных, метких, со страшными английскими луками в руках. И ни один не осмелился выстрелить! Это видели своими глазами тысячи орлеанцев и поспешили рассказать о новом чуде остальным жителям города.

А Жанна, понутив голову, возвращается домой. Рядом с ней – её верный паж, молоденький де Конт. Он счастлив. Мальчику очень хочется повоевать, и он тревожился, а ну как англичане послушаются Божию посланницу и уйдут без боя!

Не в силах сдержаться, он радостно спрашивает свою повелительницу: «*Жанна, ну теперь-то битва неизбежна?*».

И получает звонкую пощёчину.

«*Гадкий мальчишка!* – со слезами на глазах кричит Жанна. – *Да знаешь ли ты, что такое война?!* (А сама-то откуда знает? – *И. Н.*) *Это значит, святая французская кровь прольётся!*»

Так закончился второй день Жанны в Орлеане.

На следующий день, 2 мая, Жанна продолжила укреплять моральный дух французов и трепать волю англичан. Она решила осмотреть укрепления Орлеана снаружи и заодно познакомиться ближе с английскими фортами на северном берегу.

И... можно ли представить более безумную идею? Просто выехать из ворот и проехаться

вдоль всего Орлеана на глазах тысяч врагов? Где тут хоть один шанс уцелеть? Но накануне, поднимаясь живой мишенью на вал в сотне метров от Турели, она рисковала не меньше.

К утру горожане, и без того в экстазе уже третий день пребывающие, после вчерашней сцены у Турели вообще как с цепи сорвались. Они желали, чтобы Дева немедленно повела их в бой. Чего там ждать армию? И на что она нам, храбрым орлеанцам, если с нами Дева?! В бой!

Но какой может быть бой? Под Орлеаном около трёх с половиной тысяч англичан, опытных рубак и стрелков. Городское ополчение многочисленней, более пяти тысяч. Все вооружены не хуже англичан. И на стенах вполне могут биться. Но в поле, в поле! Там один матёрый пехотинец без труда расправится с десятком храбрых портняжек, а рыцарь перебьёт, разгонит, потопчет конём и сотню. И спасти разгорячённых паче меры горожан будет некому, ведь профессиональных воинов на тот момент в Орлеане всего-то около шести сотен человек. Необходимо ждать армию. Но надо и занять чем-то расходившихся муниципальных вояк. Вот Жанна и ведёт их на эту рекогносцировку.

За ней не только городское ополчение повалило, но и прочие горожане. Огромная толпа утром 2 мая выползает длинной змеей из западных, Ренарских ворот и, не торопясь, обходит весь северный Орлеан до Бургундских ворот. Всё это время «демонстранты» и многочисленная публика на стенах то веселятся, то поют псалмы, то дружно скандируют оскорбления англичанам.

А что же англичане? Англичане сидели в своих укреплениях, не решаясь атаковать даже безоружную толпу, если её возглавляет Французская Ведьма. И высунуться из фортов не решились. Хоть раз выстрелить. Камень бросить. Похоже, они всерьёз напуганы. Только под вечер толпа втягивается через Бургундские ворота обратно за стены. Всё. Ещё один день закончен. Ещё один удар по англичанам нанесён. Удар моральный, но он пошатнул англичан сильнее физического.

Однако где же армия? Она движется по северному берегу. Вопреки всем опасениям, французам не пришлось прорываться с боями мимо захваченных англичанами луарских городов. Гарнизоны захватчиков сидели за стенами и не пытались высунуться.

Бастард Дюнуа был радостно удивлён, наткнувшись на армию уже на подходе к Орлеану. Это было в полдень 2 мая. Бастард тут же по-

сылает радостное известие в город: «Завтра утром встречайте». Если бы он знал, какой способ встречи изберёт Жанна, возможно, поостерегся бы и везещать.

Утром 3 мая армия уже видит стены Орлеана. И тут Бастард замечает, что навстречу ей, прямо рядом с английскими фортами, мчится на своём белом коне Жанна, сверкая в лучах восходящего солнца серебром доспехов. И с ней только пять телохранителей! Дюнуа вспоминал, что у него при этом зрелище волосы под шлемом зашевелились от ужаса: «Что она делает?! Её же сейчас убьют!».

Какое там! Англичане бездействуют. На них будто паралич напал. Без малейших препятствий армия с Жанной во главе втягивается в Орлеан. Всё. Французским командирам можно облегчённо выдохнуть. Безумный поход паче всех чаяний завершён удачно.

Они ещё не знают, что уже победили. Ибо за эти пять дней, пока они блуждали от Орлеана к Блуа и обратно, Жанна в одиночку разбила английскую армию. Разбила тем, что скомкала, порвала и бросила под копыта своего белого коня английский моральный дух, сковала суеверным страхом их волю.

Теперь англичане – просто мишени. Надо только направить на них удар. В нужное время, в нужном месте. Тогда они сами посыплются.

ИНТЕРЛЮДИЯ 5. ЛУЧНИКИ И АРБАЛЕТЧИКИ

Какими же силами располагала Жанна и какие силы ей противостояли? Историки оценивают размер английской армии в семь-десять тысяч. Не все из них были под Орлеаном. Более половины стояли гарнизонами в прилуарских городах. Мы не очень ошибёмся, если определим численность осаждающих под Орлеаном в три с половиной – четыре тысячи бойцов. В основном это лучники. Соотношение между лучниками и остальными бойцами было примерно три к одному.

А что у Жанны? Формально – перевес, и перевес солидный. У неё около девяти тысяч бойцов. Но большинство этой армии не было приспособлено для полевого, атакующего боя. Обороняться на стенах – да, а вот кого же Дева могла вывести в поле?

Мы уже видели, что половина или больше её солдат – это муниципальная милиция. Гужбанье городское, проще говоря. Храбрые, самоотверженные, но малообученные воины. При штурме вражеских укреплений они могли послужить не-

плохой смазкой для английских мечей и копий, но мало на что больше. Однако несколько сотен профессиональных солдат плюс четыре тысячи в подошедшей армии вроде давали равенство и некоторый перевес Жанне.

Так, да не так. Соотношение между стрелками и другими бойцами было, как и у англичан, три к одному. Это были арбалетчики. Лучшие в тогдашней Европе итальянские арбалетчики. Но от этого они не становились более пригодными для боёв в поле и атак укреплений. Оборона – вот их хлеб.

Чтобы было понятней, давайте сравним лучника и арбалетчика. Лук скорострельней. Английский лучник мог выстрелить дважды за минуту. Арбалетчик – хорошо, если раз в пару минут.

Лук гораздо дальнобойней арбалета и ничуть не уступает ему в убойной силе. По дальности и точности стрельбы английский длинный лук не то что арбалет, но и современные пистолеты превосходит. Лук менее громоздок, чем арбалет. Лучник куда как более маневренней арбалетчика. Места в строю лучник занимает меньше, чем арбалетчик. Стало быть, строй лучников более плотный, а значит, и залп будет более плотный.

Вот и выведи арбалетчиков в поле. Лучники перестреляют их быстрее, чем те первый залп успеют сделать. Правда, не будем забывать, что итальянские арбалетчики имели в своём снаряжении здоровенные прямоугольные щиты, похожие на современные омовские. Наверное, поэтому именно арбалетчиков частенько привлекали к поддержанию порядка в городах. Теснить и огораживать толпу щитами не вчера придумали.

Однако щиты им были нужны вовсе не для полицейских функций. Они прикрывали арбалетчиков на поле боя. Это, конечно, повышало их защищённость, но никак не увеличивало скорострельность.

У арбалета было только одно преимущество перед луком. Оно и послужило тому, что арбалеты распространены были к XV веку гораздо шире луков. Это чудесное свойство арбалета – простота в применении, которая влекла за собой быстроту в обучении стрелка.

Лук скорострельней, но стрельба из него требует большой физической силы. А тетива арбалета натягивается специальным устройством и никаких сверхусилий не требует. Старик натянет, и женщина, и ребёнок, даже инвалид однорукый.

Лук точнее, но чтоб целиться из него, нужен быстрый, острый глаз. Ведь прицелка идёт с на-

тянутой тетивой. Даже очень сильный человек не сможет долго удерживать её натянутой. Значит, лучник должен в доли секунды найти цель, сделать все необходимые упреждения и выстрелить.

Лучника готовить долго. Очень долго. Как правило, с детства. А хорошего арбалетчика можно и за месяц обучить. Поэтому и потери среди арбалетчиков быстрее восполняются.

О, как же ненавидели арбалет феодалы! А коли так, то и церковь, сама крупнейший феодал, арбалет проклинала. Объявляла его оружием сатаны. А он был вовсе не оружием сатаны, а оружием простонародья. Благодаря своей простоте он стал таковым. Арбалет выбивал из рук феодалов их главную привилегию – военное дело. Он делал силой простонародье, горожан.

ГЛАВА 12. НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Силы противника разбросаны по всему периметру Орлеана. На юге, в Турели и фортах – семьсот-восемьсот человек. На северо-востоке, в форте Сен-Лу – двести-триста человек. И на северо-западе и западе, в шести бастилиях и фортах – остальная английская армия. Те укрепления связаны между собой окопами, так что можно считать, основные английские силы тоже в кулаке.

56

От Турели англичан отрезает Луара. А от крайнего восточного Сен-Лу – густой лес, подходящий к городу с севера и разрезающий весь северный театр военных действий на две малосвязанные между собой части. Бить противника французам надо по частям и очень быстро. Что Жанна и будет делать. Ей всё же придётся вывести городское ополчение в поле. Она не смогла бы удержать городское ополчение за стенами, даже если бы захотела. Всеобщий восторг был так силён, боевой дух горожан так велик, что удержать их в городе не могло ничто.

Сказано было – ждать армию, горожане, мобилизовав остатки терпения, ждали. Армия пришла – теперь они больше не хотят отсиживаться ни часа. Впрочем, Жанна тоже не собирается больше ждать. Надо только решить, с чего начать. Какое из осадных укреплений громить первым.

Жанна собирает военный совет. Она излагает свой план, крайне удививший командиров. Она нашла ключ – Турель. Если взять её, вся остальная блокадная структура рухнет сама собой. Турель и подчинённые ей южнобережные форты Сен-Жан-ле-Блан и цитадель Святого

Августина – единственные укрепления, отрезающие Орлеан от юга Франции. То есть – от владений дофина Карла. Ведь к северу от Луары – всё английское. Поэтому Жанна настаивает: атакуем Турель.

Позднее именно так станет воевать Наполеон – он всегда искал во вражеской позиции свой «Туллон», то есть ключевое звено, мощным ударом по которому и сокрушал врага. (Кстати, Наполеон тщательно изучал походы Жанны. И против рассказа о штурме Турели стоит его пометка: «Жанна – гениальный полководец».)

Жалко, что на том военном совете, вечером 3 мая, Наполеонов не нашлось. Поэтому командиры бурно протестуют против плана Жанны. Они настаивают, чтобы деблокада города началась с северного берега.

– Если мы переправимся на южный берег и приступим к штурму Турели, кто помешает англичанам ударом с севера захватить город? – доказывает Жанне Дюнуа под одобрительные голоса остальных. И, согласимся, логика в его словах есть. Действительно, кто? Кто удержит англичан от атаки опустевшего Орлеана?

– Бог, – отвечает Жанна.

Ответом ей были выпученные глаза и отвисшие челюсти. Даже для средневекового сознания ТАКАЯ вера была чем-то запредельным.

Стоит ли удивляться, что эта абсолютная вера в себя передавалась окружающим?

Пока орлеанские командиры приходили в себя от заявления Жанны, в защиту её планов выступили её верные апостолы – Алансон и Жиль де Ре. Они прекрасно понимали всю логичность возражений Дюнуа. Но там, где есть ВЕРА, логике делать нечего. И они в один голос требуют принять план Жанны.

Тут взрывается проклятиями уже знакомый нам де Гамаш. Понять его можно – если лепечет всякий бред семнадцатилетняя крестьянка (Жанна же именно так ему виделась), то это ещё куда ни шло. Но когда вместе с ней сходят с ума столь знатные персоны, как герцог Алансонский и Жиль де Ре, то непереносимо.

Де Гамаш, густо перемежая свою речь изощрёнными ругательствами, орёт, что ни дня, ни часа не останется больше в этом сумасшедшем доме и уйдёт со своими бойцами. Жанна кричит, чтобы де Гамаш перестал материться и богохульствовать.

Не выдерживают нервы у городского балыи Рауля де Гокура. Он подсказывает с места и, сту-

ча по столу кулаком, вопит, что велит не выпускать из города никого, если безумный план Жанны будет принят. Поднимается общий крик, шум, ругань, и руки ложатся на рукоятки мечей.

Дюнуа пытается найти компромисс. Он предлагает для начала атаковать форт Сен-Лу. Это несколько успокаивает собравшихся. Что ж, Сен-Лу – это хороший выбор. Форт стоит на отшибе от остальных англичан. Гарнизон там небольшой. И помощь ему англичанам подать будет затруднительно. Ведь от южного берега Сен-Лу отрезает Луара, а от северобережных фортов – густой лес. Давайте штурмовать Сен-Лу! Все – за.

Кроме Жанны. Ей нужна Турель и ничего больше. Дюнуа снова пытается объяснить Жанне основы стратегии. Если наносить удар по Турели, то всё равно предварительно надо убрать Сен-Лу. Ведь для атаки на Турель надо переправиться на южный берег. А Сен-Лу держит под контролем все удобные переправы на востоке.

И опять всё правильно и логично у Дюнуа выходит. Вот только... что же они, такие опытные и логичные командиры, уже двести дней осаду снять не могут? Что же они, такие тактически грамотные, от селёдочного обоза недавно удирали? Очевидно, нечто подобное проносится в голове у Жанны. Ей надоел этот совет.

Она встаёт: «*Советуйтесь со своими советчиками, милый Бастард, а я буду советовать со своими. Завтра мы атакуем Турель и прогоним англичан.*»

С этими словами Жанна покидает военный совет и отправляется отдыхать. Эта очередная дерзкая выходка простолюдинки вызывает новый взрыв негодования среди благородных рыцарей. Да как она смеет! Рауль де Гокур заявляет, что не собирается подчиняться ни женщинам, ни детям, а Жанна – и то и другое. Эти слова встречают одобрение у большинства.

Алансон, Жиль де Ре и ещё несколько командиров, знающих Жанну с Шинона, продолжают поддерживать её план. Вновь вспыхивает скандал: «Атаковать Турель? Да чёрта с два! Тут нет самоубийц! Завтра с утра берём Сен-Лу!»

Разгневанные Жиль де Ре и Алансон отказываются от участия в завтрашней атаке. И это большая потеря для французского войска. Во-первых, они оба рыцари. А рыцарь в Средние века – основная ударная сила на поле боя. А тут сразу два! А во-вторых, за каждым рыцарем стоит ещё и его личный отряд. Так что не двух,

57

а гораздо большего числа бойцов лишилась французская армия по итогам того злосчастного военного совета.

Впрочем, и без Алансона с де Ре французов раз в пять больше, чем защитников Сен-Лу. И ранним утром 4 мая через Бургундские ворота армия выходит в поле, разворачивается в боевой порядок и движется на противника.

Форт представлял собой четырёхугольное земляное укрепление со рвом и валом. По углам его стояли деревянные башни. Защищали форт, как уже говорилось, двести-триста бойцов. Их атаковали в рассветном полумраке французы. Но... атаковали очень вяло. Рядовых бойцов смущало и пугало то, что Девы не было в их рядах. Да и наверняка многие из них уже знали о происшествии на военном совете. Оказывается, Дева была против этой атаки! Так она не с нами?! Значит, и Бог сегодня не с нами?!

Несмотря на бодрые призывы своих командиров, солдаты двигались неохотно и встали как вкопанные, как только в воздухе засвистели английские стрелы. Застонали первые раненые. Французы дрогнули и попятнулись. А когда ворота форта распахнулись и англичане пошли на вылазку, то и вовсе обратились в бегство. И ведь к этому моменту они не потеряли убитыми ещё ни одного человека.

Назревало нечто более позорное, чем Битва селёдок. И тут на поле боя полыхнуло радугой знамя Жанны!

Откуда же она взялась? Эту ночь Жанна спокойна спала. Рано утром, когда французская армия вышла в поле, паж Луи де Конт решил сообщить своей госпоже об этом и пошёл к ней. Оказалось, что он опоздал. Жанна уже откуда-то знала.

Она залепила пажу затрещину: *«Как ты посмел не разбудить меня, дерзкий мальчишка! Там кровь французская льётся!»*

И в одном камзоле (одеваться в доспехи времени не было) выбежала из дома, вскочила на коня. Де Конт сверху, через окно, подал ей боевой стяг, и Жанна галопом понеслась к восточным воротам. Через весь город, по центральной улице!

Орлеанцы встrepенулись: Дева идёт в бой! Так чего же мы ждём?! Гудит набат во всех церквях. Горожане спешно вооружаются и устремляются вслед за Жанной.

Весёлое пробуждение в это утро было и у Алансона с Жилем де Ре. Сначала они не при-

дали значения шуму и гаму. Но им принесли весть: Жанна пошла в бой! Жанна в бою?! И они спешат.

Англичане из западных фортов поняли, в чём дело. Командующий сэр Тальбот поднимает войска по тревоге и ведёт на помощь Сен-Лу. Лес гораздо менее удобен для манёвра, чем городские улицы, – Тальбот опоздал. Впрочем, Алансон и Жиль де Ре тоже прибыли к шапочному разбору.

Как только Жанна появилась на поле боя, англичане форта остановились и... бросились наутёк. Воодушевлённые французы во главе с Жанной преследовали врага и на его плечах ворвались в Сен-Лу. После короткой схватки форт пал. Около тридцати англичан спаслись бегством. Они забежали в находившийся неподалёку монастырь.

Им пришла в голову остроумная идея – перебить монахов, надеть их рясы и так спастись. Не успели. Преследователи их настигли и вознамерились было перерезать этих монахобойцев. Англичан спасла Жанна. Из уважения к святому месту она приказала сохранить им жизнь и отвести в Орлеан. А сама решила немного помолиться.

Но битва ещё не окончена! Гонец сообщает – из леса выходит английский отряд и строится на его окраине. Жанна прерывает молитву и спешит обратно в форт. Там к ней бросаются оплошавшие телохранители. Они прозевали, упустили Жанну в бой одну. И теперь спешат хоть чем-то загладить свою вину. Притащили из Орлеана доспехи, суетятся вокруг Девы.

Но влезть в доспехи – процедура долгая, а время не терпит. Англичане массами выходят из леса. Кажется, здесь их основные силы. И Жанна принимает на первый взгляд странное решение. Она приказывает выдвинуть против англичан не профессиональных солдат, а городскую милицию. Благо она здесь, у форта, уже собралась.

Что же значит такой приказ? Жанна что, кинула горожан на убой, чтобы сохранить армию? Или намеревалась сковать англичан битвой с ополченцами, а тем временем провести армию через Орлеан и, выйдя через западные ворота, атаковать и уничтожить беззащитные теперь английские форты с запада и северо-запада?

Возможно, верно второе предположение. Именно оно и пришло в голову сэру Тальботу. Он видит дымящиеся развалины форта. Видит городскую милицию, надвигающуюся на его войска с пением псалмов. Но он не видит собственно французскую армию! Это его тревожит,

58

и, понимая, что помочь форту он всё равно опоздал, Тальбот отступает через лес, обратно к западным укреплениям.

Теперь точно всё! Битва окончена. И это победа! Первая победа за все двести с лишним дней осады Орлеана! Вражеский форт уничтожен. Гарнизон его тоже. Двести англичан убиты, сорок в плену.

А потери французов? Десять человек убитыми и пара десятков ранеными. Нетрудно представить себе восторг и безумное ликование французов. И каждый знает – всё это благодаря Деве.

А, кстати, где же она? Среди ликующих воинов её не видно. Встревоженные соратники бросаются обшаривать закоулки форта. Они сразу же наткнулись на Жанну. Она стояла, уткнувшись лицом в гриву своего коня, и плакала.

На вопрос, в чём причина слёз, ответила, показывая на груды порубленных, обожжённых трупов: *«Посмотрите, сколько людей умерло сегодня без покаяния».*

Попытки соратников успокоить Жанну успеха не возымели. И только подоспевший её духовник доминиканец Паскерель сумел утешить, наскоро исповедав и отпустив грехи.

Успокоившись, Жанна приказала войску возвращаться в город, а сама с небольшим отрядом направилась осматривать берег Луары. Очень может быть, там она убедилась – взятие Сен-Лу было действительно полезным делом. Уж очень удобные места для переправы прикрывал этот форт.

Близко к берегу лежал просторный остров, тоже носивший имя Сен-Лу, он был отделён узкой протокой от острова Туаль, а тот, в свою очередь, уже подходил к южному берегу. То есть достаточно было сделать три коротких моста, чтобы быстро переправить всю армию. Но, разумеется, такая удобная переправа была прикрыта англичанами не только фортом с севера. На южном берегу, прямо напротив острова Туаль, возвышалось их укрепление Сен-Жан-ле-Блан.

Во второй половине дня Жанна возвращается в Орлеан. В это время Дюнуа вновь собрал военный совет. Он хочет всё обсудить и решить без присутствия Жанны. Несмотря на сегодняшний громкий успех, Орлеанский Бастард всё ещё остаётся противником перехода в решительное наступление. А Жанна будет требовать именно этого. Но ведь рано. Но ведь опасно. Сожжённый Сен-Лу – это, конечно, хорошо. И Дева тут помогла, спору нет. Но у англичан по-прежнему

превосходство в силах. И Турель по-прежнему неприступна. И где-то на подходе сэр Фальсфельд с новой армией. Так не разумней ли вновь перейти к обороне? Теперь, когда цепь блокады прорвана, город снова будет получать с востока провизию и подкрепления. А значит, сможет держаться сколь угодно долго. Англичанам в поле, в их деревянно-земляных фортах, жить куда как тяжелее, чем французам в городе. Эта осада гораздо больше изматывает осаждающих, чем осаждённых. И он, Дюнуа, вполне уверен, что если протянуть до осени, а сейчас это легко, то англичане уйдут сами.

И некоторые командиры вполне согласны с Бастардом. Но далеко не все. Ла Гир и Алансон требуют активных действий. И даже де Гамаш, знакомый нам противник Жанны, теперь тоже за наступление. Ну, что ж, значит, наступление. Начинают совещаться: как его провести. Цель понятна – Турель. Тут Дева права, именно эта каменная громада – ключ ко всему. Но возможно ли взять её? Турель сильна. Высокие башни, глубокий ров, вал. Сильное каменное укрепление Огюстен прикрывает Турель с юга. Не взяв Огюстен, к Турели и не подойти, а как его взять под потоком английских стрел с башен Турели?

А вот как: «Решено, основной удар наносим по Турели, но сначала нанесём удар вспомогательный, отвлекающий. Пусть Дева со всем городским ополчением завтра с утра атакует на северном берегу бастилию Сен-Лоран, где находится сэр Тальбот с основными силами англичан. Если Жанна будет атаковать достаточно энергично (а она будет атаковать очень энергично, в этом сегодня все убедились под Сен-Лу), то англичане просто обязаны будут снять часть сил с укреплений Турели и переправить их на северный берег на помощь своей главной ставке.

В момент, когда городская милиция во главе с Девой своей кровью и мясом будет сковывать английские силы, французские «полевые командиры» со своими отрядами профессионалов рывком переправляются на южный берег и захватывают ослабленную Турель».

План утвердили. А заодно и решили в подробности Жанну не посвящать. Не говорить ей, что удар, который ей предложено возглавить, будет всего лишь демонстрацией, отвлечением англичан.

Эта часть решения понравилась далеко не всем. Но Дюнуа настоял на нём. Женщины болтливы, пояснил он, опасно посвящать их в тайны.

Скрепя сердце согласились даже Алансон с Ла Гиром. Вот только Жиль де Ре...

Он засмеялся и сказал: «*Дева распознает вашу ложь*».

А где же в это время сама Дева? Вернувшись в город, она, с трудом вырвавшись из ликующих толп горожан и воинов, заперлась у себя в доме, решив ещё раз написать англичанам.

Скоро англичане в Турели слышат с южных ворот Орлеана призывный рёв трубы и крик: «Послание!». Стрела со стуком вонзается в деревянный щит на стене Турели. Вокруг её древка обмотано письмо.

Послание несут Гласдейлу, и он читает: «*В третий и последний раз пишу тебе, Гласдейл. У тебя осталось всего два дня для того, чтобы покориться Деве Посланице Божией и мирно уйти от города. Если вы не сделаете это, вас всех похоронят в этих полях. Молю тебя, подчинись, подчинись Королю Небес. Хоть ты и назвал меня шлюхой, но я имею большую жалость к твоей душе и к твоим людям.*

Хочу также сказать, что мой герольд по имени Гийенн всё ещё задерживается вами. Соболаговолите вернуть его мне, а я пришлю несколько ваших людей, взятых нами в плен при Сен-Лу. Не все они погибли.

Гласдейл в ярости рвёт письмо на мелкие кусочки (его содержание, приведённое мною, дошло до нас в пересказе духовника Жанны Паскареля, да и вся эта сцена взята из его воспоминаний), бежит на стену и опять орёт что-то про французских потаскух-лягушатниц.

Жанна, ожидавшая ответа на орлеанской стене, вздыхает: «*Господь свидетель, я сделала всё, что могла*».

Паскарель успокаивает её: «*Не огорчайтесь, Дева Жанна*».

В ответ он слышит нечто странное: «*Господь меня только что утешил*».

У Паскареля мороз по коже. Неужели только что рядом с ним раздавался Глас Божий? Пусть и неслышимый для него, но всё же, всё же...

Позднее, в своих показаниях реабилитационному процессу Жанны, Паскарель скажет: «*Мне было понятно, что когда душа Жанны бывала печальна, она черпала утешения из иного мира, о котором я ничего не знал*».

Когда Жанна спускается со стены, к ней подходит рыцарь Лоре. Это посланник военного совета. С надлежащими почестями и по всей форме он передаёт Жанне приглашение явиться на

совет. Жанна немедленно отправляется туда. Конечно же, не одна. Следом за ней велят горожане и солдаты. Она всеобщий кумир, как же им не быть рядом? Не смотреть на неё, не дышать одним с ней воздухом?

Жанна заходит в дом совета, а воины располагаются вокруг здания, столпившись и время от времени разражаясь восторженными воплями.

А что же в доме? Жанна, войдя, даже не приветствовала никого должным образом. Остановившись на середине комнаты, она заявила: «*Завтра мы все переправляемся на тот берег и штурмуем Турель*».

В зале – недоумённая тишина: «Это как же? Она уже всё решила? Без военного совета? Хочет теперь вообще одна командовать?» Назревающий взрыв предотвратил всегда склонный к компромиссам между своими Дюнуа. Он чуть иронично заметил, что совет решил несколько иное, и если Деве будет угодно выслушать...

Хорошо, Деве угодно выслушать. Чудесно! Дюнуа очень благодарен Деве. И он начал рассказывать.

Пока Дюнуа излагал план в том виде, в каком его было решено рассказать Жанне, она непрерывно расхаживала по комнате.

Когда Дюнуа закончил, Жанна остановилась, пристально посмотрела на него и сказала: «*Хорошо. Ну а теперь расскажи мне, что вы на самом деле задумали*».

И Дюнуа сдался. Он изложил Жанне всё.

«*Вам надо было сразу рассказать мне об этом, – говорит Жанна. – Поверьте, я умею хранить и более важные секреты, чем ваш*».

Дюнуа начинает убеждать Жанну в том, что план военного совета самый приемлемый.

– Он составлен по всем правилам военной науки и должен привести к успеху. Да и вполне соответствует планам самой Жанны. Она ведь всегда настаивала на штурме Турели. Вот и будем её штурмовать. Только грамотно, по всем правилам. *Поверь, Жанна, это очень хороший план, – завершает своё выступление Дюнуа.*

– *Хороший, – соглашается та. – Но у меня есть лучший.*

– *И какой же?*

Жанна, глядя Дюнуа в глаза, повторяет:

– *Завтра мы все переправляемся на тот берег и штурмуем Турель.*

И тут Дюнуа не выдерживает. Да ведь эта девчонка издевается над всеми! Она даже не слушает, что ей говорят. И не собирается

слушать. Хватит! Что бы там ни решил король Карл, а здесь, в Орлеане, главный он – Дюнуа!

Дюнуа объявляет, что отстраняет Жанну от всего командования и лишает её права даже присутствовать на военном совете. Жанна спокойна.

Она показывает на окно:

– *Подойди к нему, милый Бастард.*

Дюнуа смущён, что ещё за новые фокусы? Но подходит. Он видит площадь, битком набитую воинами. Жанна встаёт рядом с ним и открывает окно. Рёв восторга!

Жанна поднимает руку и говорит:

– *Сегодня из-за нас многие христиане погибли без покаяния. Мы согрешили. Сейчас же идите исповедуйтесь и получите отпущение.*

Кому она это говорит? Профессиональным воинам. Людям, с самого своего детства видевшими войну и только войну, со всей её грязью и мерзостью. Всю свою жизнь дерущимся под теми или иными знамёнами. Головорезам, замаранным в крови по самую макушку. Им идти в церковь исповедоваться и каяться? Да ведь среди них и крест-то на шее есть не у каждого, зато языческие амулёты и обереги в изобилии у всех.

Ну солдаты и приняли её слова невсерьёз. Громкий хохот покатился по площади. Отличная шутка, чёрт подери!

Жанна рукой призывает их к молчанию и тихо говорит:

– *Если вы этого не сделаете, я покину вас навсегда.*

И вся солдатня, как подкошенная, падает на колени. Они протирают к Жанне руки:

– Нет, Дева! Нет! Не покидай нас!

Затем бросаются по орлеанским церквям. Исповедоваться, каяться, причащаться.

Жанна победно смотрит на Дюнуа, на других командиров:

– *Неужели ты, милый Бастард, думаешь, что воины подчинятся каким-либо ещё приказам, кроме моих?*

Дюнуа понимает, что теперь никто на всём свете не сможет отстранить Жанну от командования, что армия действительно никому, кроме Жанны, не подчиняется. И это понимание, пожалуй, было первой ступенькой на тот костёр, где сожгут Жанну.

Вдосталь налюбовавшись на вытянувшуюся физиономию всё понявшего Дюнуа, Жанна говорит:

– *Утром мы атакуем.*

И уходит, оставив дворянство в лице своих командиров размышлять над тем, а кто, собственно, сейчас управляет Францией?

А Жанну ждал ещё один военный совет. На сей раз собранный ею самой. В башне Святого Самсона собрались капитаны городского ополчения, главы городских улиц и ремесленных цехов, мастера-артиллеристы.

В те времена, когда артиллерия только зарождалась, пушки не считались отдельным родом войск. Да и вообще военными не считались. Управлялись с пушками те же мастера, что изготавливали их. Вот и в Орлеане всей городской артиллерией заведовали три мастера-пушкаря: Жан Монтеклер, Ноден Бушар и Жан Дуизи. С них Жанна и начала. Ей требуется сконцентрировать весь огонь тяжёлых бомбард по Турели. Пока только три тяжёлые бомбарды держат эту цитадель под обстрелом. Зовут эти бомбарды (у каждой тяжёлой пушки в те времена было своё личное имя) «Пастушка», «Монтаржи» и «Жифар».

Жанна требует, чтобы и две самые большие бомбарды – «Длинная», калибром 33 см и весом 600 кг, и «Пёс», калибром 30 см и весом 250 кг, – были переведены с северной части Орлеана к южным воротам и тоже участвовали в штурме Турели. Это не так-то просто. Для перевозки, например, бомбарды «Длинная» в своё время понадобилось двадцать две лошади.

Теперь за ночь обе бомбарды надо демонтировать и снять со специально для них изготовленных лафетов, перевезти через весь город, подготовить для них новую позицию и установить их там. Потребуется очень много лошадей и рабочих рук. Но все кипят воодушевлением и готовы не есть и не спать, но выполнить приказ Девы к утру. Это хорошо. Дева довольна.

Теперь она обращается к остальным и излагает свой план штурма. Когда она с частью городского ополчения и армией будет штурмовать Турель с юга, бойцы, оставшиеся в городе, пусть ждут сигнала у южных ворот.

Сигналом будет раскачивающееся знамя Жанны на валу Турели. Как только они увидят сигнал, пусть сразу же открывают огонь по Турели из всех бомбард, выходят из города и атакуют её всеми силами с севера. И тогда живым из Турели не уйдёт ни один из врагов.

Но мост со стороны города разобран. Сами французы и разобрали его в ожидании штурма англичан. Не страшно. За ночь пусть изготовят деревянные мостки. Их перебросят через пролом. Так и решили.

В эту суматошную ночь на 6 мая в Орлеане не спал никто. При свете множества факелов

люди работали как проклятые. Город шумел, стучал сталью и камнем, многоголосо кричал. Иногда вдруг начинали звонить что было сил колокола церквей.

А что же англичане? Неужели ночной шум и суета в Орлеане не навели их ни на какие мысли? Неужели не поняли, что это означает? Поняли. Всё они поняли. Но странный паралич воли напал на английское командование. Впрочем, не на всё. Командир Турели сэра Гласдейл кипит от гнева: «Почему сидим и ничего не предпринимаем? Почему отдали инициативу этой девке? О чём там думают де Ла Поль и Талбот?»

Этой ночью Гласдейл переправляется на северный берег и является в главную ставку, размещённую в форте Сен-Лоран. Там он находит де Ла Поля и Талбота. Но они оба в каком-то странном состоянии. Смотрят потерянно, говорят еле слышно и неуверенно. Да, они, конечно, обратили внимание на необычный шум в городе. Но считают, что пока беспокоиться не о чем. Вряд ли французы решатся на что-либо серьёзное. Может быть, только на вылазку.

И сэру Гласдейлу уж совсем не о чем волноваться. Ведь ясно же, что его Турель французы не будут штурмовать, пока не покончат с фортами на этом берегу. А это не так-то просто сделать. И скоро уже подойдёт Фалстольф с подмогой. В общем, всё опять наладится. Так что пусть сэра Гласдейл успокоится.

Сэра Гласдейл не желает успокаиваться. Сэру Гласдейлу вообще не нравится, как рассуждают де Ла Поль и Талбот. И как они себя ведут, тоже не нравится. Сэру Гласдейлу вообще ничего тут не нравится. И он требует подкреплений. В этом ему отказано. Гласдейлу говорят, что у него на южном берегу и так семь сотен бойцов. И каких! Самых отборных. Весь цвет осаждающей армии у него под командованием. А здесь завтра возможны вылазки противника. Ослаблять северный фас осады никак нельзя.

Получив отказ, Гласдейл в сильных английских выражениях изложил свою точку зрения на ситуацию и отбыл к себе в Турель. Там он не сидит спокойно. Гонит людей на работу – укреплять валы. Мечется по укреплениям, орёт на всех. И это очень сильно пугает его бойцов. Они никогда не видели, чтобы Гласдейл нервничал. Он обычно всегда абсолютно спокоен, как и положено истинному англичанину. У него даже прозвище – Глыба Льда. И вот эта ледяная глыба тает на глазах своих солдат. «Это Француз-

ская Ведьма заколдовала его», – шепчутся бойцы между собой.

А Гласдейл уже под утро принимает более чем странное решение. Желая усилить свой гарнизон, он приказывает отряду из форта Сен-Жан-ле-Блан покинуть обжитые позиции и отойти в Турель.

Но Сен-Жан-ле-Блан прикрывает переправу. И теперь отрядам Жанны ничто не может помешать спокойно перейти на южный берег.

Отличный, хотя и неожиданный подарок для французов.

Над Орлеаном занималась ранняя майская заря. Наступало утро 6 мая. День начала одного из самых кровопролитных сражений Столетней войны – битвы за Турель.

ГЛАВА 13. БИТВА ЗА ТУРЕЛЬ: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Выдвигаться было решено в следующем порядке. Сначала Жанна с авангардом из гасконцев Ла Гира. Затем несколько наиболее боевых отрядов городской милиции. Потом полевая артиллерия и, наконец, отряды «полевых командиров».

В раннем утреннем сумраке передовые отряды потянулись к Бургундским воротам. Там Жанну ожидал сюрприз. Городской бальи, тот самый де Гокур, один из ярых противников наступательных планов, решил противиться до конца. Он приказал запереть ворота, а сам с мечом в руках встал перед ними и заявил, что никого из города не выпустит. Что на него нашло? Рыцарем Роландом, в одиночку сдерживающим целое войско, себя возомнил, что ли?

Жанна посмотрела на этого героя, вздохнула и сказала: «*Вы очень злой человек, де Гокур*».

Ответить де Гокур не успел. Несколько гасконцев просто отшвырнули его в сторону и открыли ворота.

Войско вышло за стены, повернуло к Луаре, и переправа началась. По скреплённым между собой лодкам французы перебрались на остров Сен-Лу. Приказав основным силам ждать там, Жанна с гасконцами переправилась на остров Туаль. Не зная ещё о любезности сэра Гласдейла, оголившего оборону, она собралась внезапной атакой захватить форт Сен-Жен-ле-Блан и обеспечить тем самым плацдарм для высадки основных сил.

В этом месте остров Туаль почти вплотную примыкает к берегу. Даже лодок не понадобилось, чтоб перебраться и сходу атаковать форт.

62

Он был пуст, что оказалось неожиданностью. Жанна просто растерялась. Она и предположить не могла, что столь удобную и важную позицию англичане бросят без боя.

Заподозрили засаду. Гасконцы тщательно обшарили и форт, и окрестности, ища засаду и трофеи. Не найдя ни первого, ни, к сожалению, второго, отряд собрался в центре форта.

Жанна пришла в себя от британского сюрприза и начала раздавать энергичные приказы. Гасконцы немедленно выдвигаются к Турели, остальная армия снимается с острова Сен-Лу и спешно переправляется сюда, чтобы двинуться вслед за гасконцами. А форт сжечь. Затем Жанна с несколькими переправившимися отрядами выступает вслед своему авангарду.

Солнце взошло достаточно высоко, чтобы оценить место предстоящей битвы. С юга Турель прикрывал форт Огюстен. Не просто деревянно-земляное укрепление, как прочие форты, а очень массивная крепость. Этот форт англичане построили на развалинах францисканского монастыря Святого Огюстена, разрушенного самими же французами в первый день осады. Но время, чтоб развалить монастырь до основания, британцы не дали. Поэтому в известной степени монастырские укрепления уцелели. Сейчас форт Огюстен был обнесён остатками каменных стен, усиленных деревом, и окружён рвом. Внутри из остатков храма и келий англичане соорудили ещё одно укрепление. Подходы к форту – это ровное, гладкое поле. Без холмика, без овражка. Только небольшой виноградник справа примыкал к самым стенам. Местность насквозь простреливается как со стен самого форта, так и с высоченных, тридцатиметровых башен Турели, что громоздятся чуть северней Огюстена.

Сразу за Огюстеном, метрах в ста, англичане соорудили мощный барбакан. Так называлась вынесенная вперёд башня, или предместное укрепление. Барбакан у Турели англичане строили и укрепляли непрерывно всё время осады, а это двести с лишним дней.

Поэтому получилось такое чудовище – пятнадцатиметровый ров, над ним десятиметровый вал. Сверху на валу деревянные укрепления, обсыпанные землёй.

За барбаканом уже сама госпожа Турель. Правда, опять не сразу. Она размещается на предпоследнем пролёте моста, а последний пролёт – это подъёмный мост. Сейчас, утром

6 мая, он, конечно, опущен. Но если его поднять, то Турель окажется отрезанной от берега почти пятиметровым естественным рвом.

Примерно в километре от Турели у англичан был ещё один небольшой форт – Сен-Приве. Он прикрывал переправу западнее Турели, точно так же, как брошенный форт Сен-Жан-ле-Блан делал это восточнее. Но в отличие от своего восточного собрата Сен-Приве отнюдь не был брошен. Гласдейл оставил в нём около двухсот бойцов. Он надеялся (и это, конечно, разумная надежда), что войска с северного берега всё-таки будут подходить на помощь Турели. А как же им удобней и быстрее подходить, как не через переправу, которую держит форт Сен-Приве?

Пока оный Сен-Приве не взят, можно было утверждать, что над левым флангом медленно разворачивающейся армии Жанны нависает не двести человек форта Сен-Приве, а вся английская армия. И какие широчайшие возможности в случае штурма Турели открываются перед главными английскими силами, что под командованием Ла Поля и Талбота сидят в фортах на северном берегу! Во-первых, можно прямым ударом захватить оставленный без войск Орлеан. А можно и лучше! Во время штурма Турели быстро переправиться на южный берег и ударом в левый фланг и тыл французской армии окружить её, прижать к укреплениям Турели и водам Луары и там уничтожить. А город тогда и без боя взять можно.

Рассмотрев всё это, нам с вами остаётся только согласиться с Дюнуа: «Чёрт возьми, Турель и впрямь неприступна!». Кто же мог тогда знать или предположить, что английская армия не воспользуется ни одной из возможностей и, как парализованная, просидит всё двухдневное сражение за Турель в своих фортах?

Конечно, никто не в силах был такое предсказать! Кроме Жанны. Кстати, нам пора к ней вернуться, потому что она уже закончила осматривать поле боя.

Жанне и раньше было понятно, как сильно укреплена Турель, а теперь, когда она осмотрела укрепления, ей стало окончательно ясно, что без совместных усилий рыцарей, тяжёлых латников, городского ополчения, стрелков и артиллерии нечего и мечтать о штурме. Но эти совместные силы как-то досадно медленно переправляются через Луару и стягиваются к лагерю, что разбила Жанна на двести метров южнее форта Огюстен.

Полевой артиллерии пока нет, но отряды городской милиции подходят вполне споро.

Те солдаты, что привела Жанна в Орлеан, тоже подтягиваются отряд за отрядом. Но вот господ «полевых командиров» с их бойцами чего-то пока не видно ни одного. А господа «полевые командиры» – все рыцари, то есть короли средневекового поля боя. Без них тут, под Турелью, и начинать ничего нельзя. И сколько же ещё ждать?

А в воздухе уже начинают петь стрелы. Это итальянские арбалетки выдвинулись линией вперёд и под защитой своих огромных щитов начали перестрелку с английскими лучниками.

Жанна губы в кровь искусила от нетерпения. Да где они там все? До вечера, что ли, намерены переправляться? С одним из отрядов прибыл к месту сбора и де Гокур. Он хоть и постоянно мешал Жанне, но трусом отнюдь не был. Даже был излишне храбрым. Мы уже видели, как нынче утром он в одиночку хотел остановить всю армию Жанны, и сейчас увидим очередное его геройство.

А пока он докладывает Жанне обстановку в тылах. Артиллерия вот-вот должна быть здесь. А вот господ рыцарей так скоро ждать не стоит. Они всё ещё в Орлеане и не очень-то торопятся из него выходить. У них опять совещание.

Опять?! Ну всё, терпение Жанны лопаётся. С неё хватит! Оставив де Гокура за старшего, она отправляется в Орлеан.

По дороге подбодрила пушкарей и попросила удвоить усилия. Просьба была встречена криками восторга. Теперь быстрее в Орлеан!

А там и впрямь военный совет. Скорее, не совет, а ссора, грозящая вот-вот перерасти в драку. Мнения командиров разделились. Часть из них во главе с Алансоном и де Ре требуют немедленно выступить следом за Жанной. Остальные по-прежнему против видевшегося им массового самоубийства. И ведь чуть выше мы с вами уже сами могли убедиться, что понять их вполне можно. Всё это безумие просто обязано было кончиться полным разгромом и уничтожением французов!

И тут на сцене появляется разъярённая Жанна. Парижская «Чёрная книга», очень неприязненно деяния Жанны описывающая, говорит, что *«в гневе ведьма могла избивать окружающих палкой»*. Я не знаю, врезала ли Жанна дрыном промеж чьих-нибудь благородных ушей. Хотя нет. Конечно же, нет. Во Франции

бить дворян никога и никому нельзя было. Но, согласимся, в такой ситуации кой-кого из этих дворян стоило бы «приласкать».

Жанна их словами обласкала. У неё это получалось сильнее, чем палкой. А в этот момент она была красноречива как никогда. Хотя бы уже потому, что из-за стен раздалась звуки боя. Там, под Турелью, явно, что-то началось. Да тут же и секунды медлить нельзя!

И рыцари подчиняются. Их отряды строятся и во главе с Жанной направляются к переправе.

Что же в это время под Турелью? Что там за шум, гам и дикие крики? А это вот что. Пылкий и поперёк разума отважный де Гокур решил не ждать ни Деву, ни рыцарей, ни артиллерии, а атаковать форт Огюстен самостоятельно.

Находящийся здесь же «Сатана» Ла Гир был совсем не из тех, кто мог бы охладить горячую голову городского бальи. Эту гасконскую голову саму бы кто охладил. И французы пошли на штурм!

Турель радостно рывкнула им навстречу всеми пушками и звонко щёлкнула всеми луками. Часть французов рухнула убитыми и ранеными. Остальные смешали ряды и попятились.

Ну самое время для вылазки. Англичане устремляются через ворота и валы на врага. Короткая схватка – и французы бегут. Какое привычное зрелище в той войне! И какое же оно сладкое для тех, кто бегущих преследует! Руби и руби, пока рука не устанет. А она у опытных воинов долго не устаёт. Вот и рубят англичане бегущих.

Гнали и рубили до самого форта Сен-Жанле-Блан. То есть почти до самой переправы.

Там бы и перебили, там бы и утопили всех. И здесь снова Жанна! Переправившись быстрее остальных, она врезается на коне в толпу удирающих французов. Те остановились: «Дева здесь!». Встали и англичане: «Ведьма здесь!».

А Жанна, взмахнув своим стягом, кричит: *«Те, кто меня любит, за мной!»*.

И скачет на врага.

Так впервые родился этот знаменитый Жаннин боевой клич: *«Те, кто меня любит, за мной!»*. Отныне почти всегда она будет с ним на устах бросаться в бой. Его потом поставят Жанне в вину как дьяволу гордыню. Дескать, не с именем Божиим, как положено, в бой шла, а со своим.

Да боевой-то ведь клич должен своих на подвиг вдохновлять, а врагов страшить. Имя Божие давным-давно французов ни на что в бою не вдохновляло. А этот новый клич вдохно-

вил, да ещё как! И врагов устрасил! Пожалуй, их устрасил даже больше, чем французов вдохновил.

И англичане спешно отступают, почти бегут назад, под защиту своих укреплений. От одной единственной девушки! Французы опомнились, собрались с духом и бросились вслед за Жанной позже, чем англичане побежали!

А тут, наконец, и все рыцари переправились. Ну и тоже в атаку.

На плечах отступающих ворвались на стены форта Огюстен. Началась рубка! Французов больше. Но барбакан и Турель не молчат. Лучники и пушки бьют и бьют оттуда, поддерживая отчаянно обороняющийся форт Огюстен.

В разгар этого кровавого безумия Жанна налетает ногой на железный шип, что в изобилии разбросали англичане, готовясь к обороне. Её раненую телохранители вытаскивают из боя. Да, впрочем, ей и действительно пора во вторую линию. Ведь наконец-то подошла французская полевая артиллерия.

Жанна лично расставляет пушки и указывает пушкарям сектора обстрелов. И как точно указывает! Стало быть, она и артиллерийским искусством владеет! То есть тем, что пока неизвестно ни одному из французских командиров вообще – ведь, как уже говорилось, артиллерия в те годы ещё частью армии не считалась, потому военные ею и не занимались.

А Жанна, пожалте, умеет. Учитывая, насколько новым устройством была тогда артиллерия, можно смело провести такую аналогию: представьте себе в наше время семнадцатилетнюю девушку, успешно руководящую запуском и полётом космических кораблей. Представили? Ну вот точно так же выглядит Жанна, руководящая артиллерией под Орлеаном. Под командованием Жанны пушки очень скоро заставляют английскую артиллерию и стрелков резко сбавить активность. Это придаёт силы тем французам, что рубятся на стенах Огюстена. Ещё напор – и они вбивают противника внутрь форта.

Но это ещё не победа. Совсем не победа. Форт Огюстен и не думает сдаваться. Англичане укрываются во внутренних укреплениях, и после краткой передышки сражение возобновляется с ещё большей силой.

Жанна использовала паузу, чтобы вызвать из боя Дюнуа с его отрядом. Её беспокоит нависающий над левым флангом форт Сен-Приве.

О серьёзности этой угрозы мы уже рассказывали. И Жанна, придав отряду Дюнуа отряд арбалетчиков, приказывает Бастарду атаковать и занять этот форт. Тот идёт в бой беспрекословно.

Перевес французов под Сен-Приве очень велик, а помощи форту нет ниоткуда. Поэтому очень скоро он пал. Часть англичан бежит из него в Турель, а часть переправляется на северный берег и спешит в лагерь с крайне тревожными известиями.

И что же Ла Поль? И что же Тальбот? Что делают эти опытейшие командиры? Может, узнав, что с этого часа южный берег окончательно отрезан французами от северного, они немедленно атакуют, стремясь вернуть Сен-Приве и восстановить связность своих позиций? Нет.

А может, дружно атакуют сам Орлеан? Город-то почти без защиты. Или он падёт, или французы будут вынуждены отступить в Орлеан. Ведь и так хорошо, и так хорошо! Опять нет.

Они просто сидят на месте и ничего не предпринимают. У них полный паралич воли. Причём далеко не первый день. А там, на южном берегу, французы наконец смяли сопротивление форта Огюстен. Форт пал. Защитники или перебиты, или пленены. Лишь малая часть из них сумела прорваться в барбакан Турели. После тринадцатичасового яростного боя день 6 мая заканчивается для французов полной победой!

Ну, разумеется, начинается грабёж форта победителями. А как же иначе? Однако Жанна пресекает это дело. Угроза ещё слишком велика, чтобы предаваться законному трофейничанью и празднеству. Она приказывает немедленно разрушать и сжигать форт.

Вечереет. Пришедшие из Орлеана рабочие команды начинают разрушение форта. А войску пора отдохнуть. Это всем сейчас очень надо. Очень надо самой Жанне. Она ранена в ногу, и рана может загноиться. И, хотя Жанна вознамерилась лечь спать здесь же, в военном лагере, её уговаривают вернуться в Орлеан. Пусть там лучшие врачи осмотрят рану. Жанна соглашается.

Завтрашний день обещал быть стократ тяжелее и кровавее. Он таким и стал!

ГЛАВА 14. БИТВА ЗА ТУРЕЛЬ: ДЕНЬ ВТОРОЙ

Раннее утро 7 мая 1429 года. Армия Жанны выстроилась около развалин форта Огюстен. Впереди строй тяжёлых конников и рыцарей.

За ними – пехота со штурмовыми лестницами и огромными деревянными щитами, прикрывающими сразу несколько человек.

По флангам – арбалетчики. На своих огневых позициях застыли артиллеристы. Впереди, всего лишь в сотне метров, громоздятся валы барбакана, а за ним взметнулись в самое небо стены и башни Турели.

Там ждут.

Священники только-только закончили полевую мессу и обошли строй, благословляя бойцов. Тишина. Тяжёлая, давящая тишина.

Жанна выезжает вперёд строя, поворачивается к своей армии и звонко кричит: *«Друзья мои, мужайтесь. Вчера Создатель одарил нас победой. Но она ничто по сравнению с той, которая ждёт нас сегодня. И я вам клянусь, что даже если бы англичане были ростом до облаков, мы бы всё равно разбили их».*

Потом взмахивает знаменем: *«Те, кто меня любит, за мной!».*

Земля затряслась от топота копыт, тишина сменилась воплем тысяч глоток. Стальная, окольчуженная лавина французов хлынула на Турель. Рывкнули пушки и с той и с другой стороны, и грохот их уже не умолкал всю битву. Тысячи стрел понеслись к Турели и с Турели. И десятки, а то и сотни человек с обеих сторон были убиты в первые же секунды штурма.

Французская конница благодаря скорости понесла наименьшие потери. Конники останавливаются у рва. Слезают с седёл. Слуги торопливо отводят коней далеко в тыл. А тяжеловооружённые спешенные всадники форсируют ров. За ними тут же поспевают пехота. Прикрывшись щитами от стрел, устанавливают штурмовые лестницы, и вот уже французы сплошным массивом лезут по ним наверх. А лучники с вала и с башен всё бьют и бьют. К стрелам и ядрам добавляются потоки раскалённой смолы, кипящее масло и груды камней обрушиваются на французов сверху.

Дно рва уже застелено покровом из убитых, раненых и обожжённых бойцов...

Трудно дышать. В воздухе висит пороховой дым, отвратительно воняет. Уши давно заложено от диких криков, мата-перемата, грохота пушек и лязга стали.

В такой обстановке за краткий миг перестаёт человек быть человеком и превращается в вопящую, ревущую от злобы и дикого страха омерзительную и очень опасную тварь.

Стены вала и ступени лестниц уже склизкие. На валу вовсю кипит рукопашная. И существования, ещё недавно бывшие обычными людьми, венцами создания, рубят, режут, давят, душат друг друга. Французы отброшены. Они отступают. Жанна останавливает их. Кричит, размахивает знаменем и ведёт на новый приступ.

И так двадцать раз! Двадцать раз в тот день отбивали англичане французов и двадцать раз Жанна поворачивала бегущих и вновь вела в рукопашную. И они шли вновь и вновь! Шли с такой яростью и бесстрашием, что очевидец вспоминает: *«...как будто они были бессмертными».*

А ведь страшен. Ой как невыносимо страшен этот средневековый рукопашный бой. Когда глаза в глаза! Поэтому даже в те времена очень редко вот так сходились и долго, упорно рубились. Предпочитали перестрелки и короткие яростные стычки. После которых расходились, отдыхали и вновь ненадолго схватывались. А в тот день – двадцать рукопашных!

Во время очередного приступа Жанна опять делает попытку забраться на вал и помахать оттуда знаменем. Это условный сигнал для отрядов в Орлеане атаковать Турель с тыла. Она уже вскарабкалась почти на самый верх, но тут длинная английская стрела вонзается девушке под правую ключицу. Жанна летит с лестницы вниз. Англичане вопят от восторга: *«Ведьма умерла!»* Некоторые из них сваливаются с вала, чтобы утащить ценную добычу себе. Но над Жанной встают Ла Гир и де Олон. Они так быстро и страшно начинают работать секирами, что англичане, потеряв с десятка человек, отказываются от своего намерения. А Жанну, прикрыв со всех сторон щитами, быстро относят в тыл. Вместе с ней отступает и всё французское войско. И ликование англичан – победа!

Да, почти победа. Ибо Дюнуа, кажется, в полном отчаянии.

Он видит толпы своих усталых закопчённых до черноты и окровавленных воинов. Они едва могут двигаться. Дикими глазами смотрит Дюнуа на холмы и холмики трупов, заваливших поле боя и укрепления. Столько порубленных, изуродованных тел разом он ещё не видел! Да и не только он – никто не видел! За всю осаду Орлеана, за двести дней, французы потеряли около тысячи человек. А здесь за полдня уже полторы тысячи! Никаких сил, ни физических,

66

ни моральных, у Дюнуа уже не осталось для продолжения этого кровавого кошмара. И Дева ничем не поможет. Дюнуа видит, как она лежит на попоне в винограднике и стонет.

«Отбой! – вкладывает последние силы в крик Дюнуа. – Отбой трубите!»

И плывут над полем боя печальные звуки отбоя атаки. И всем ясно, что новой уже не будет ни сегодня, ни завтра и вообще никогда. Нет сил. Турель вновь доказала: «Я – неприступна!». Ведь и англичане в своё время не смогли её взять прямым штурмом.

Так бы всё и кончилось для французов – бессмысленной, безуспешной, глупейшей бойней. Если бы не стальная воля Жанны. Немыслимо, но она сумела встать на ноги. Лёжа, она сама выдернула стрелу из раны (собственно, одного этого достаточно, чтоб умереть тут же, ведь обратным ходом наконечник может порвать артерию), велела полить рану оливковым маслом, приложить кусок свиного сала и туго забинтовать. Потом встала и пошла к армии.

Она отменяет приказ об отходе.

– *Друзья мои!* – отчаянно кричит она. – *Ещё раз в атаку!*

– *Люди больше не могут!* – в ярости орёт на неё Дюнуа.

Он в сотый раз клянёт себя – как, ну как он мог допустить такую дурь, как лобовой штурм Турели?!

– *У нас ещё хватит сил!* – кричит в ответ Жанна. – *А англичане уже выдохлись. Слышите? Они не стреляют больше! У них всё кончилось!*

Все вдруг с удивлением замечают: а и вправду Турель молчит! Впервые за день молчит. И как же это мы сами не обратили внимание?!

У англичан действительно закончились и заряды к пушкам, и стрелы. А у французов остались, им подвозили из города.

В пятом часу дня армия французов возобновила обстрел Турели из пушек и арбалетов, а Жанна повела своих бойцов на последний, двадцать первый (!) штурм. Но даже под огнём англичане оказали беспримерно яростное сопротивление. Вновь кровавый бой закипел на укреплениях.

В Орлеане резерв Жанны истомился у южных ворот, с самого утра ожидая команды: «В атаку!». Такое ожидание выматывает немногим меньше, чем сам бой. В тот день это истом-

ляющее, сдавливающее внутренности ожидание длилось почти восемь часов.

И вдруг – знамя Девы на валу! Оно раскачивается? Да, раскачивается! Наконец-то!

Оглушительно рывкают супертяжёлые бомбарды «Длинная» и «Пёс». Да как удачно! Попадание первым же выстрелом. И одна из гигантских башен Турели с грохотом обрушивается.

Городские ворота распахиваются, и резерв с боевыми воплями устремляется к мосту. Впереди воины с заранее приготовленными деревянными мостками, чтобы закрыть разрушенный пролёт моста. И тут – о, чёрт подери! – мостки-то коротки! Все до одного. Не рассчитали! Как же теперь через провал? Быстро нашлась идея. Желоба из придорожных канав!

В Орлеане, как и во всяком крупном французском городе, вдоль улиц шли канавы для стока нечистот. На центральных улицах они выкладывались металлическими желобами.

Сотнями рук орлеанцы выдирают эти желоба и тащат к мосту. Теперь подошло. Провал перекрыт, и цепочки бойцов потянулись на мост. Осторожно потянулись – желоба-то тонкие.

Но как же знамя Жанны всё-таки оказалось на валу? О том существует аж четыре рассказа участников страшной битвы. Первым расскажет телохранитель Жанны – де Олон.

Он увидел, как Жанна пытается залезть по лестнице на вал. У неё ничего не получалось – одна рука ранена, а в другой знамя. Он спросил у Жанны, зачем ей на вал? Дева объяснила ему про сигнал резерву. Тогда де Олон принял у неё знамя, взобрался на вал, раскидал там нескольких англичан и принялся размахивать знаменем.

Версию вторую поведает нам Ги де Кайи. Тот самый рыбак, в доме которого ночевала Жанна в первую ночь у Орлеана. Он тоже был в этом бою. До определённого момента его рассказ во всём сходится с рассказом де Олона. Жанна пробует залезть на вал, у неё не получается, она объясняет окружающим, что знамя необходимо во что бы то ни стало доставить наверх. Но, по словам де Кайи, не де Олон, а именно он, де Кайи, выхватил у Жанны знамя и отважно полез с ним по лестнице...

Расхождения продолжаются и дальше. Со слов де Олона, на валу ему мешали только англичане. Со слов де Кайи – ещё и Жанна. Она, рассказывает де Кайи, наверное, решила, что

он вознамерился с её знаменем перебежать к англичанам. Поэтому, забыв про рану, Жанна птицей взлетает по лестнице и, кипя возмущением, пытается вырвать знамя у Ги. Ничего не понимающий де Кайи тянет знамя к себе. Жанна – к себе. Знамя начинает раскачиваться, а орлеанские дурни принимают это за сигнал к атаке.

Остроумный рассказ. Явно де Кайи не одну сотню раз потешал им сотрапезников за кружкой доброго вина. Балабол он, судя по всему, был тот ещё.

Теперь высокородный свидетель Дюнуа. Он по-военному краток: *«Когда Дева возвратилась из виноградника, она схватила своё знамя и вместе со мной установила его на валу»*.

Ну и последнюю версию поведает нам «Орлеанская хроника». Обиженная тем, что в столь славном деле, как водружение знамени, никто не отмечает участие граждан Орлеана, «Хроника...» заявляет, что установил знамя на валу орлеанец Баск. И добавляет, что оного Баска, как всем известно, Дева назначила своим знаменосцем ещё при въезде в Орлеан. Кому же ещё знамя и водружать было на валу?

К тому же, говорит «Хроника...», есть ещё доказательство – Баску от Орлеана пожизненный пенсioen был назначен, а допустим, тому же де Кайи – шиш с маслом. Кто тут прав, разобратсья решительно невозможно. Может, все врут. Может, частицу правды каждый говорит.

Да и неважно. Важно, что в шестом часу на Турель началась атака с тыла. А под Турелью тем временем французы теснят и теснят противника. Уже и вал барбакана в их руках. Они уже внутри барбакана. Англичане отбиваются, грызуются, отходят и отходят к мосту в Турель.

К ним пробивается небольшое подкрепление. Не все англичане сидели в этот кровавый день как замороженные. Гарнизон форта Карла Великого, что располагался на одном из островов, поспешил, как вообще-то положено было всем англичанам, на помощь боевым товарищам. Переправившись на южный берег, они по мелководью у кромки берега пробежали в Турель и вступили в бой, приостановив наступление французов.

Тут-то и загрохотали бомбарды из города, и одна из башен Турели распалась. Огромные каменные обломки обрушились в воды Луары и на головы дерущимся. И англичане сломались! Они кинулись бежать по мосту в Турель.

Чтобы дать уцелевшим отойти и укрепиться внутри башен, сэр Гласдейл и ещё трое английских рыцарей (*«Цвет и гордость английского рыцарства»*, – печально рассказывает об этом эпизоде английский очевидец.) встали с мечами и секирами в руках на мосту и отразили одну за другой несколько атак рвущегося в Турель французского войска.

В это время в мост врезаются три пылающих корабля, что французы специально подожгли и направили на Турель. Мост вспыхивает и разрушается от удара. С пылающими обломками в воду падают и отважные рыцари вместе с сэром Гласдейлом, и те, кто бежал по мосту в Турель. Все они утонули.

Немногие англичане, что успели проскочить в форт, сдаются.

Всё! В шесть часов вечера 7 мая, после непрерывного десятичасового боя неприступная доселе Турель пала! Около семисот англичан, лучшая часть их войска, погибли, двести попали в плен. Французы потеряли почти две тысячи человек. Правда, освободили около сотни своих, что томились в плену.

Через три часа после падения Турели по быстро восстановленному мосту Жанна въезжает в Орлеан через южные ворота.

ГЛАВА 15. ПОБЕДА

Праздник всенародный начался в Орлеане сразу же. Победно звонят колокола, на площадях звучит весёлая музыка, выносятся из домов и кабаков прямо на улицы столы и лавки, катятся бочки с вином, тащатся закуски.

Но вдруг едва начавшееся веселье начинает как-то спадать и гаснуть. Сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Гасит его разносящийся по городу слух, тревожный, страшный: «Дева умирает!».

Она и правда умирала. Без сознания, в жару и бреду металась на своей постели в богатом доме Буше. Раны, одна в ноге и другая, самая тяжёлая, в правом плече, дали о себе знать лихорадкой. Лучшие врачи Орлеана осмотрели Жанну и развели руками.

Описание её состояния, дошедшее до нас, не вызывает сомнения – это явно заражение крови: сильный жар, потеря сознания, бред, плечо распухло, опухоль уже захватила правую часть груди и напoлзает на горло. По тем временам это было неизлечимо.

Какой уж теперь праздник? С плачем горожане бросаются в церкви. И всю ночь страстно молятся Орлеан. Присит у Бога не забирать свою Посланицу. Ведь английское войско всё ещё у ворот города.

В штабе обороны на улице Розы в мрачном молчании сидят «полевые командиры». Вести от врачей придавили и повергли в уныние этих сильных людей. Наверняка они знают, что точно от такой же раны, полученной точно при таких же обстоятельствах, причём здесь же, во Франции, триста лет назад скончался Ричард Львиное Сердце. За девять дней сгорел в лихорадке от стрелы в правое плечо этот английский король.

Здоровенный мужчина! Лихорадке с ним пришлось провозиться целых девять дней. Насколько хватит хрупкой девушки? Врачи говорят, в лучшем случае до следующего вечера.

Теперь здесь, на улице Розы, нет ни одного противника Жанны. За прошедшие два кровавых дня Жанна сделала своими сторонниками и этих людей. И как же им сейчас? Без Девы? Мрачные мысли давят. Пока Дева не появилась, англичане били их как хотели. Жанна принесла им победу, вернула веру в себя. И что же теперь? Опять поражение за поражением? Тут задумаешься. Тут впадёшь в уныние. Тут, пожалуй, и забогохульствуешь.

Они мрачно пьют, грязно ругаются, проклинают всё и вся. Когда за окнами стало светлеть, в зал совета вошёл паж Жанны де Конт. У всех комок к горлу: «Ну вот, свершилось. Нет больше с нами Девы. Сейчас этот юноша о сём и объявит».

И юноша объявляет: *«Жанна-Дева просит направить герольда к англичанам. Она вызывает годонов на бой перед стенами города».*

Как Жанна избежала смерти? Нам неизвестно, чтоб кто-то давал ей какое-нибудь волшебное снадобье или «живую воду». Наоборот, известно, что её вообще не лечили. Развели руками – дескать, медицина тут бессильна.

Под утро жар вдруг спал, лихорадка стихла. И Жанна заснула. Обычным сном. Поспала несколько часов. Проснулась. И попросила поесть. На глазах у боявшихся дышать от радости окружающих съела несколько штук печенья, макая его в вино (кстати, это единственный известный случай, когда Жанна употребила спиртное).

Потом отдала пажу приказание о герольде, встала и велела своим телохранителям снаряжать её к битве. Убедённые, что прямо сейчас

на их грешных и недостойных глазах совершается самое что ни на есть настоящее чудо, такое, о каких в Святом Писании писано, телохранители пролепетали что-то вроде: «Может, сегодня отдохнёшь? Мы уж как-нибудь сами этих годонов того...».

Жанна ответила: *«Не бойтесь. Мои голоса сказали мне, что битвы не будет».*

На всей планете нашей в тот день нельзя было найти людей, более уверовавших в Бога, чем горожане Орлеана, когда они узнали, что Дева не просто выздоровела, а встала на ноги и вновь идёт в бой.

Тут уж каждому стыдно за стенами отсиживаться. Поэтому в то утро в поле вышли даже раненые.

Англичане приняли вызов. Их войска выдвинулись из северных укреплений и построились для боя напротив французской армии. У британцев нет численного перевеса, но по-прежнему перевес качественный. А после страшных потерь французов под Турелью он возрос.

Битва предстоит жестокая. Это ясно всем. Но с лёгким сердцем идут на поле боя французы – Посланица Божия в их рядах! И неохотно выползают в поле англичане – проклятая ведьма всё-таки не сдохла!

Перед обеими армиями служат молебны.

Жанна тяжело слезает с коня, раны всё же мучают её, и встаёт на колени перед полевым алтарём. Спиной к англичанам. Бросает де Олону: *«Следи за врагом и дай мне знать, если что-нибудь случится».*

Молитвенно складывает руки и замирает. Проходит пять минут. Десять. И вдруг она слышит, как взрывается радостными воплями французский строй. Ей даже не надо оборачиваться, чтобы понять, что случилось. Догадаться нетрудно.

Английская армия, так и не решившись атаковать, поворачивается и уходит. Не возвращается в свои укрепления, а вообще уходит прочь от Орлеана!

Свершилось! Это полная победа! Победа невозможная, небывалая, победа, о которой через месяц будет шуметь вся Европа.

Осада Орлеана длилась более полугода. Снять её казалось решительно невозможным всем мало-мальски разбирающимся в военном деле. Жанна сняла осаду на девятый день пребывания в Орлеане. Правда, за три дня боев

она уложила в землю почти половину армии, вручённой ей дофином.

Стоило ли оно того? Пожалуй, да. Победа под Орлеаном – это не просто крупный стратегический успех французов. Она из тех побед, что меняют лицо человечества. Падение Орлеана означало бы конец войны с исчезновением Франции с карты Европы.

Как выглядела бы мировая история без Франции? И если бы Англия стала не островным, а континентальным государством? Не будем гадать. Но Франция была спасена! Орлеанская победа явилась переломной точкой в войне. Отныне инициатива перешла в руки французов.

Орлеанский разгром подорвал силы Англии и буквально уничтожил её финансы. Всего Англия затратила на Орлеанскую операцию фантастическую сумму – четыреста сорок тысяч фунтов. Это три тысячи девятьсот шестьдесят килограммов золота. Почти четыре тонны! И больше половины этой суммы – займы под грабительские проценты.

Англичане очень старались. Под Орлеан были отправлены лучшие бойцы во главе с лучшими командирами. Они сделали всё. Они были в полушаге от желанной победы. Сколько оставалось Орлеану до падения? Две недели? Месяц? А может, считанные дни?

Ставки так высоки, что в марте 1429 года сам британский регент, герцог Бедфорд, прибывает из-за пролива в Париж, чтобы лично контролировать ситуацию.

Вечером 9 мая забрызганный грязью до самой макушки гонец из армии приносит ему весть, от которой герцог лишился сознания. Придя в себя, он пишет королю Эдуарду.

Даже через шесть веков доносятся со строк этого письма ярость и горькое отчаяние: *«Всё шло хорошо в этой стране. Пока Ваши люди не пострадали от тяжкого удара, нанесённого, как некоторые говорят, при участии небесных сил. Но, по-моему, этот удар нанесла ученица и прислужница дьявола, так называемая Дева, владеющая искусством колдовства и чародейства, с помощью которых она внушила Вашим людям нелепые мысли и необъяснимый страх...»*

При мало-мальски правильных действиях англичан разгром Жанны и падение Орлеана были бы неизбежными. Но англичане не делают этих правильных действий. Они, собствен-

но, вообще ничего не делают. Как мишени, стоят и ждут удара. Да, чтобы провести такую рискованную операцию, нужна была запредельная дерзость и смелость Жанны. Но нужен же был и такой парализованный противник.

И ведь не скажешь, что английский командование было трусливо или неопытно. Чтобы в этом убедиться, давайте хоть вкратце взглянем на биографии командующих.

Гласдейл – выходец из простонародья. На этой войне с младых ногтей. Не происхождением, а храбростью и талантом достиг командных высот. Он единственный из британских военачальников, кто не сидит в параличе, а действует. Но как он действует? Ни с того ни с сего обнажает переправу, делая высадку Жанны на южный берег Луары предельно комфортной. Дрался, правда, как лев, и погиб героически.

А вот перед нами главнокомандующий сэр Вильям де Ла Поль. Ему тридцать пять лет, из них двадцать он воюет во Франции. Воюет дольше, чем Жанна на свете живёт! В двадцатилетнем возрасте он прославился мужеством при осаде Арфлёра и в битве при Азенкуре. Что с ним случилось под Орлеаном? Он сам, очевидно, не очень это понимал. Отступив от города, де ла Поль ещё долго будет шататься со своей армией вдоль Луары, всё пытаясь напасть на Жанну, проводившую в то время Луарскую кампанию. Но так и не решится! Сдаст и всю Луару без боя, как сдал Орлеан. А потом и сам в плен попадёт.

И, наконец, перед нами сэр Джон Тальбот. На этой войне с 1412 года. Уж точно не юнец желторотый и не трус. Британский Ахиллес – так величали его и британцы, и французы. Уважение к нему было столь велико, что, когда Жанна поймает быстро удирающего от неё «Ахиллеса», дофин Карл отпустит того без всякого выкупа. Тальбот будет воевать до самого конца войны. Он погибнет в последней битве Столетней войны, 17 июля 1453 года. Будучи командующим английскими войсками, сэр Тальбот одержит сорок восемь побед в сражениях.

Английская писательница Вита Сэвилл-Уэст, подробно изучившая историю осады Орлеана, подводит такой итог: *«Весь образ действия наших земляков, участвовавших в тех событиях, кажется мне до такой степени странным и медлительным, что это можно объяснить только сверхъестественными причинами. Причинами, о которых мы в свете*

нашей науки двадцатого столетия – или, может быть, во тьме нашей науки двадцатого столетия? – ничего не знаем».

Ну а если попробовать объяснить поражение англичан без вмешательства сверхъестественного? Материалистически?

Нам надо попробовать отказаться от мироощущения современного человека, рационального, хотя тоже немного потрёпанного религиозностью, и попробовать почувствовать мироощущение человека средневекового. А мироощущение это полностью религиозное. Оно пока ещё не затронуто научной картиной мира.

Веру средневекового человека в Бога даже трудно верой-то назвать. Это не вера, а абсолютная убеждённость в его существовании. Как и в существовании дьявола. Ибо вера в дьявола неотъемлемая часть веры в Бога.

Зная это, что же мы должны понять о мыслях и ощущениях англичан (впрочем, и французов тоже), когда Жанна появилась в Орлеане? Они все уже знали пророчества о явлении Девы. А теперь им очень быстро внушили, что Дева явилась. Вот она! Перед вами!

Тем, кто это внушал, трудиться много не пришлось. Религиозное сознание, то есть сознание, не ведающее, что такое критическое мышление, очень легко внушаемо. Верит во всё что угодно быстро и сразу. Причём порой в прямо противоположное, даже не замечая эту противоположность. Религиозное сознание, абсолютная вера дала силы одним и забрала у других.

Ну, что ж, нам с вами осталось совсем немного до конца Орлеанской мистерии. 8 мая по инициативе епископа Орлеана был устроен грандиозный крестный ход вокруг города. Разумеется, Жанна приняла в нём участие. Правда, из-за ран не шла, а ехала на своём белом коне. Во главе крестного хода. Священники с иконами занимали второй эшелон этого шествия. Вслед за Жанной. Ну а уж дальше – воины и горожане.

После шествия Жанна с небольшим эскортом из телохранителей и своих верных апостолов-головорезов, не дав себе отдохнуть и невзирая на две раны, поскакала в Блуа. К дофину Карлу. Она намеревалась сразу же вести его в Реймс на коронацию.

Мы с вами за ней не последуем. И прежде чем опустить занавес над сценой у Орлеана, полезно, я думаю, будет посмотреть и эпилог её.

Орлеанцы доказали свою глубокую признательность Жанне. Ей была назначена щедрая пожизненная пенсия от города, которая исправно выплачивалась (даже слишком исправно, как мы в дальнейшем увидим).

День 8 мая с 1429 года – самый главный праздник в Орлеане. Называется День Освобождения Города (именно так – все три слова с большой буквы). Сначала он был только религиозным, а потом стал и светским.

Даже сейчас орлеанцы наиболее пышно празднуют 8 мая как День Освобождения Города, а не окончания Второй мировой. Шествие, впервые состоявшееся вот уже скоро шесть веков назад, – неперенный и самый главный атрибут праздника.

В 1435 году праздник ознаменовался первой постановкой «Орлеанской мистерии». Выше уже говорилось, что организовал её на свои деньги Жиль де Ре. Она довольно точно воспроизводила сцены битвы у Орлеана. Это было нечто вроде современных исторических реконструкций, только в более грандиозном исполнении.

В год, когда Жанну реабилитировали, все участники шествия, читай: все орлеанцы, получили в качестве подарка индульгенции на сто дней. Полагаю, успели ими широко воспользоваться. Срок достаточный, чтоб всласть нагрешиться. Что творилось в эти сто дней в Орлеане и окрестностях, предлагаю читателям вообразить самим. Насколько фантазии хватит.

Интересная деталь. Аж целых пять веков роль Жанны на Празднике Освобождения Города играли мальчики. Отцы города выбирали наиболее милovidного юношу и обряжали его в ту одежду, которую Жанна носила в Орлеане. Красно-зелёная короткая мужская курточка, красные чулки и круглая красная шапочка с двумя зелёными перьями.

Этот юноша и считался весь праздник Орлеанской девой. И называли его... ох, даже не знаю, как это по-русски-то сказать. Дело в том, что во французском языке у слова «дева» есть ещё и мужской род. Вот этим-то мужским родом слова «дева» тех мальчиков и называли. А по-русски как? «Дев», что ли? Или девочкомальчик?

Конечно, нам это может показаться странным. С какой стати девушку играет мальчик? Почему нельзя было подобрать девушку? Да

потому, что её пришлось бы в мужской костюм облачать! Это же грех! В Библии, как мы уже знаем, есть прямой и однозначный запрет на ношение женщиной мужского костюма.

Во всём Средневековье, пожалуй, только Жанна открыто в мужском щеголяла. Но она-то – Посланица Божия, для неё ничего не грех.

И только в 1912 году впервые Жанну изобразила девушка. В начале XX века женщина наконец-то могла появиться на публике в мужском одеянии, не боясь церковного наказания и людских пересудов. Звали эту девушку Жанна Боро. Разумеется, ей было семнадцать лет. С тех пор и по наши дни Жанну на Празднике Освобождения Города изображают семнадцатилетние девушки.

В веке осьмнадцатом, веке просвещённом, решили, что как-то неудобно, когда Жанну изображает только юноша. Надо бы как-то и женский пол ввести. И ввели. Рядом с Девой мужского рода появляется девушка, называемая Скромница. Её выбирали из самых целомудренных девушек Орлеана. Она символизировала скромность и чистоту Орлеанской девы.

И с тех же времён было постановлено, что каждое 8 мая город даёт приданое аж в тысячу двести золотых ливров одной девушке. Она непременно должна была отвечать следующим условиям: быть скромна и целомудренна, из бедной семьи и рождена в стенах Орлеана.

Теперь мы подошли к чёрным страницам в праздновании Дня Освобождения Города. Это годы Великой французской революции.

Революция воистину великая, и те блага, что она принесла цивилизации, переоценить невозможно.

Но ведь большое видится на расстоянии. На расстоянии Французская революция – Великая, а вблизи, в подробностях, – такая мерзость.

Чтобы отречься от старого мира и отряхнуть его прах с ног, надо разрушить и испоганить знаковые черты старого мира. А что может быть для Франции знаковой, чем образ Жанны? Поэтому Жанна и вызывала наибольшее раздражение революционно настроенных французов. И глумиться над ней начали ещё за несколько лет до самой революции.

Занялся этим делом не кто иной, как сам Вольтер. Оглядывая окрестности, великий Вольтер не сумел разглядеть ни в современной ему Франции, ни в её истории ничего хорошего,

а только одну сплошную пакость. Оказывается, наряду с великим Вольтером во Франции существует монархия какая-то, церковь зачем-то. И всё из-за Жанны. Да как же осмелилась эта бесстыжая девка спасти Францию, не спросив его, великого Вольтера?

«Чего там было Францию спасать? Нехорошо это» – так решил великий Вольтер, и не закрался в его великую голову простой вопрос: а если бы не Жанна, то где бы тогда он, великий Вольтер, вольтерьянством занимался-то?

В общем, великий Вольтер берётся за перо и пишет комедию (!) «Орлеанская девственница». В ней Жанна выведена алкоголичкой и развратницей. Она пьянствует и кувыркается с солдатами и полководцами. Но только с французскими. Дело в том, что у неё хранится «Честь Франции», и Жанна отбивает все попытки англичан туда забраться.

Если вы полагаете, что французы за такое произведение порвали на клочки автора, или хотя бы заставили его публично сожрать свою пьесу, ну или, на самый худой конец, общественной обструкции подвергли и перестали руки подавать, то сильно заблуждаетесь. Франция приняла пьесу с восторгом! Даже при дворе её читали и чуть ли не поставили на сцене Версаля собирались (вот там уж точно скоты неблагодарные сидели, сами себе гильотину усердно зарабатывали, в том числе и этим).

А возмутились этой пьесой (надо отдать им должное) англичане. Сама мысль о том, что их армию могла разбить алкоголичка и развратница, показалась джентльменам в высшей степени неостроумной. О чём они и не замедлили уведомить великого Вольтера в частности и Францию вообще, сказав, что они думают и о французской драматургии на современном этапе её развития, и о французской благодарности.

Хочу сказать: Вольтер действительно великий человек. Его вклад в европейскую историю переоценить невозможно. Что же на него нашло, когда он набросился на Жанну, на один из самых светлых образов во всём европейском Средневековье? Полагаю, что так повлияла на Вольтера общественная атмосфера предреволюционной ситуации, сложившейся тогда во Франции. Ведь в преддверии революции общество немного, а порой и сильно сходит с ума (кто застал перестройку в СССР, должен хорошо помнить эти странные психологические явления).

72

Справедливости ради скажем, что во всей Франции нашёлся-таки один достойный человек, решившийся вступить за честь страны. Это был королевский прокурор Сегье. Он приговорил к публичному сожжению... нет, не Вольтера, а его «Орлеанскую девственницу» и ещё несколько произведений.

Странно, но данная акция потребовала от королевского прокурора изрядного мужества. Вот какое не вполне понятное письмо он написал по этому поводу своей жене: *«Я не скрываю от тебя, какой ненависти подвергаюсь, осмеливаясь привлечь к ответственности клику столь же предприимчивую, сколь и многочисленную. Но каким бы ни был риск, связанный с моим решением, я с бесстрашием доведу дело до конца».*

И дошёл. Труды Вольтера были-таки публично сожжены. И королевскому прокурору ничего за это не было. Ну, почти ничего. Просто король Людовик XVI Гильотинированный выгнал его с должности королевского прокурора. Чтоб не смел, мракобес этакий, стоять на пути прогресса.

Ну а дальше грянула революция. И началось. Из гробниц были вышвырнуты тела французских королей, разорваны на части и сброшены в нечистоты. Мумифицированное тело кардинала Ришелье также исторгли из гробницы, оторвали голову и ногами гоняли её по площади (вот, наверное, кто футбол изобрёл, а совсем не англичане). А какой-то революционно настроенный лавочник взял голову Ришелье в руки и зачем-то искусал её.

Тело Жанны не досталось прогрессивной французской общественности. Над ним поглумились задолго до того. И что же теперь делать прогрессивной общественности? Как ей продемонстрировать своё презрение к негодяйке, посмевшей спасти французскую монархию? Ведь именно это, на полном серьёзе, ставили Жанне в вину французские революционеры.

В Орлеане стояла много веков статуя Девы. Раздолбать её! И раздолбали.

В Орлеане трепетно хранилась в соборе прядь волос Жанны, которую она по обычаю того времени втиснула в свою печать на одном из писем. Прогрессивная общественность Орлеана сожгла эту прядь волос! Будет знать, как наш город спасать!

Что же ещё сделать? Ага, идея! В соборе находится гроб с телом орлеанского епископа Гийома. Того самого, что был в Орлеане всю

осаду, деля со своей паствой её тягости. Этот епископ и провёл описанный нами крестный ход, положив тем самым начало традиции празднования Дня Освобождения Города. Вот же каналья! Да его за это четвертовать мало! И плевать, что он мёртв!

Гроб выволакивают из собора, останки епископа четвертуют и сбрасывают в Луару. А гроб? Ну не пропадать же добру! Гроб стали использовать как поилку для скота на рыночной площади.

Ну а затем, так как крушить и осквернять больше стало нечего, отменили празднование Дня Освобождения Города.

Но сколько пьянке не длиться, а трезветь придётся. Роль вытрезвителя для французов сыграл Наполеон. В 1803 году, ещё будучи не императором, а первым консулом, он распорядился глумление над историей прекратить, всё, что осталось от королей и прочих исторических персон, заново и с почётом захоронить. А в Орлеане восстановить празднование Дня Освобождения Города. И орлеанцы восприняли это с восторгом, так как к тому времени они и прогресса, и революции нахлебались досыта и больше.

С тех пор ничего подобного в Орлеане не повторялось и, смею надеяться, не повторится.

10 мая 1920 года день рождения Жанны д'Арк был объявлен во Франции национальным праздником. Памятники этой загадочной девушке стоят практически во всех французских городах.

На этом мы опускаем занавес над Орлеанской мистерией.

ЭПИЛОГ

В 1430 году Жанна была предана испугавшимся её влияния на общество и армию королём Карлом VII.

30 мая 1431 года Жанну сожгли заживо как ведьму и еретичку в городе Руане. Перед казнью её лишили права исповедоваться. Она умерла без покаяния и отпущения грехов.

7 июля 1456 года обвинительный приговор Жанне был аннулирован. Она признана полностью невиновной во всех предъявленных ей обвинениях.

22 июля 1461 года умирает возведённый Жанной на трон король Карл VII. Как и все, кто тесно сталкивался с Жанной, он умер жуткой смертью. Сам себя заморил голодом. Заморил из дикой боязни быть отравленным. Представьте

себе силу этого страха. И представьте его предсмертные муки. Правда, страшно?

6 июня 1904 года Римский Папа Пий X провозгласил Жанну преподобной. 13 декабря 1908 года Жанна была провозглашена блаженной. 9 мая 1920 года в понтификат Римского Папы Бенедикта XV Жанна была канонизирована и причислена к лику святых. Тогда же была составлена молитва святой Жанне д'Арк.

Если кто из вас пожелает помолиться Жанне, вот текст молитвы:

«Дорогая святая Жанна, смиренно прошу тебя помочь мне жить так, как хочет Бог. Я очень хочу иметь хоть частицу той любви и доброты, что ты питала к своим врагам, как и к друзьям. Но больше всего я прошу тебя помочь мне получить у Бога искру твоей великой и бесконечной любви и веры, чтобы мне по-настоящему любить Его, служить Ему и слушаться Его всем сердцем, как ты любила, служила и слушалась до самого конца своей святой жизни. Защищай меня всегда и помоги

мне сохранить чистоту разума, тела и духа во веки веков. Аминь».

25 июня 1992 года Римский Папа Иоанн-Павел II утвердил Катехизис Католической церкви. Из всего многочисленного сонма святых для подтверждения положений Катехизиса были выбраны цитаты из высказываний примерно сотни. В том числе и Жанны.

Так Жанна, казнённая в середине XV века как ведьма и еретичка, без покаяния и отпущения грехов, в конце XX века стала одним из столпов христианской веры.

В завершение признаюсь в том, в чём не успел признаться в прологе. Всё время, пока я изучал жизнь Жанны, постоянно удивляясь её невероятным делам и способностям, всё время, пока я писал эту книгу, пытаюсь понять и объяснить невероятные события в её деяниях, меня не оставляла одна мысль: «А что, если Жанна д'Арк и впрямь Посланица Божия? В самом прямом смысле этого слова»...

Ведь эта версия объясняет ВСЁ.

